

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Москва
2020

Научное издание

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск пятьдесят четвертый)
М., 2020, 334 стр.

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-320-7

ISBN 978-5-89394-320-7

© Институт Ближнего Востока, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

А.Р. Аганин ПЛЕМЕНА ЛИВИИ И ИХ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	5
В.М. Ахмедов О РОЛИ ИРАНА В СИРИЙСКОМ КРИЗИСЕ: ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	41
В.М. Ахмедов ИСТОРИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	52
В.И. Ковалев ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТУРЦИИ НА ПОРОГЕ СМЕНЫ ЭПОХ	70
Р.А. Кузнецов О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПАКИСТАН	77
А.Ю. Носков ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РЕГИОНЕ ССАГПЗ	90
Ф.О. Плещунов МИРОВАЯ ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ В ЕВРОПЕ ПОЗИЦИЙ ИСЛАМИСТОВ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ. СИТУАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ.....	102
Р.А. Полончук СТРАТЕГИЯ КИТАЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ	120

И.И. Стародубцев	
РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА .	128
Владимир (Зеэв) Ханин	
ВЫБОРНЫЙ ГОД В ИЗРАИЛЕ КАК ЗЕРКАЛО КРИЗИСА И ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	135
Л.А. Шашок	
ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ АФГАНСКОГО ВОПРОСА: ВЫЗОВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ США И АФГАНИСТАНА	165
Е.А. Якимова	
ИНТЕРЕСЫ ФРГ В ЛИВИИ В КОНТЕКСТЕ БЕРЛИНСКОГО ПРОЦЕССА	174
Е.А. Якимова	
ОТНОШЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И АФГАНИСТАНА В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ США НА БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА.....	186
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Ю.Б. Бочаров	
О ХОДЕ ГОЛОСОВАНИЯ И ИТОГАХ ВЫБОРОВ В ИЗРАИЛЕ В КНЕСЕТ 22-го и 23-го СОЗЫВОВ.....	200

А.Р. Аганин

ПЛЕМЕНА ЛИВИИ И ИХ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Из всех североафриканских государств Ливия, пожалуй, – самая бедуинская страна с почти повсеместным преобладанием традиционного родоплеменного общества.¹ Его социальная структура почти не претерпела изменений. Даже за последние 120 лет (весь XX-й и первые два десятилетия XXI-го века), в которые ливийцы пережили закат турецкого владычества, итальянский колониализм, суверенную монархию, эпоху революционного эксперимента под началом М. Каддафи и хаос постреволюционного периода. Хотя некоторая трансформация, несомненно, имела место, прежде всего под влиянием внешних условий и включением страны в общемировые процессы развития.

По сравнению с теми периодами в нынешних условиях фактического распада государства ливийский трибализм практически никак не маскируется. Нет необходимости что-либо вуалировать или приукрашивать, коль скоро не определено даже будущее страны, вектор ее развития. Для перехода к этой стадии требуется в первую очередь прекратить междоусобицу и восстановить единое (не обязательно унитарное) государство и его институты. Эту задачу должен выполнить ливийский народ, который представляет собой конгломерат огромного числа племен с весьма непростой историей взаимоотношений друг

с другом, что неизбежно оказывает самое серьезное влияние на ход политического процесса.

В качестве небольшой иллюстрации к теме роли племен в современной жизни страны приведем цитату немецкого антрополога Томаса Хюскена, приехавшего в Восточную Ливию в 2011-2012 гг.: «Меня много раз останавливали, удерживали и допрашивали на постах [вооруженных] милиций, но к счастью всегда отпускали после телефонных звонков местным политикам и племенным вождям Ауляд Али.»² Звонок шейху позволял снять все вопросы со стороны боевиков, которые, без сомнения, и сами были из местных племен.

Поэтому то, что ливийское общество по-прежнему имеет родоплеменную структуру, – не новость. Этот феномен с разной долей детализации был описан многими арабскими и западными экспертами, начиная практически с первых дней антикаддафовского движения в феврале 2011 г. Тогда речь шла о том, что «маргинализованные диктатором племена востока Ливии» взбунтовались и потребовали перемен. Тему свободолюбия племен и их роли в «ливийской революции» усердно педалировали арабские информационные ресурсы, особенно базирующиеся в монархиях Персидского залива.

Если племена сыграли свою роль в революции, то логично предположить, что у них должно быть далеко не последнее место в урегулировании внутривосточной ситуации, которую с 2014 года большинство аналитиков характеризует как гражданскую войну. Причем войну с ливийской спецификой: по словам шейха племени Обейдат в восточной Ливии ат-Тейиба аш-Шарифа Хейраллы, «происходящее сейчас в Ливии – это сражения между племенем и племенем, между одним городом и другим за расплату, отмщение, власть, деньги, грабеж и чужие интересы».³ При этом «ливийские племена, которые могут урегулировать кризис, не доминируют на ливийской сцене, особенно в Триполи и Фецане (...), а те, кто держит в руках рычаги, не оставили племенам роли

или возможности действовать».⁴ «Держащие рычаги» – это, в подаче шейха, разного рода полевые командиры с их вооруженными группировками и экстремистские организации.

Шейх Обейдат, говоря о «сражениях между племенами», указал на немаловажную деталь: т.н. революционные события 2011 г., завершившиеся свержением и смертью М. Каддафи, в итоге вылились в противостояния непосредственно между племенами. Одни отстаивали свой интерес и дальше находиться в фаворе у власти со всеми вытекающими из этого благами, другие, наоборот, боролись за то, чтобы эту власть перехватить. В рамках трайбалистской этики члены племен с обеих сторон должны были безоговорочно поддерживать соплеменников. Результатом этого стало деление ливийцев на «победившие племена» и «проигравшие племена», что еще больше усугубило межплеменные противоречия, которые позднее «выстрелили» в 2014 году и самым серьезным образом способствовали погружению страны в пучину гражданской войны.

Племена как основа общественной структуры Ливии

Ливия изначально построена на трайбалистской основе. Даже сегодня порядка 90% ливийцев так или иначе относят себя к какому-то клану и племени, и только около 10%, которые находятся в городах на севере страны (на побережье), не имеют такой принадлежности.⁵ При этом в городах находятся не только указанные 10% «неплеменных жителей», по статистическим данным 2004 года, 86% всех ливийцев проживали в городской среде, значительная часть из которых всего в четырех городах. Только на один Триполи приходилось 28% всего населения Ливии.⁶ Однако это мало что изменило, за небольшим исключением: к родоплеменной солидарности добавилась «локальная», поскольку некоторые племена осели в конкретных городских агломерациях и их коллективные ин-

тересы вышли за границы непосредственно племени, замкнувшись в географических пределах. Речь в первую очередь о феномене возникновения субидентичности мисуратцев и зинтанцев. То есть жителей городских и околгородских областей городов Мисурата (Мисрата) и Зинтан.

Что такое «племя» – ученые дискутируют до сих пор. Общепринятого определения не существует не только глобально, но и в национальных масштабах. Например, в западных книгах по тематике племен и трайбализма практически каждый автор дает свою дефиницию.

В арабских реалиях, включая Ливию (где для «племени» используется слово *кабия*/قبيلة), следует отметить два момента.

1. Это наибольшая группа людей, ведущих свое происхождение от единого предка. Обычно, хотя не всегда, очень древнего и потому практически легендарного. Далее идут отпочкования и ответвления, которые тоже могут считаться племенами или ветвями и кланами (в зависимости от того, кто как на это смотрит), но уже при том понимании, что это родственные подразделения. При этом два или более племени тоже могут быть родственными, когда и если их пращуры были братьями или близкими родственниками. Как и кланы и рода внутри одного племени. Племена могут жить относительно компактно, а могут одновременно проживать в целом ряде арабских стран (и в соседних неарабских, например, Турции, Иране, Чаде, Нигере, Мали), когда одну их часть от другой отделяют сотни и даже тысячи километров (как у Аназа, Шаммар, Бени Халед или Бени Тамим). Стройной схемы во всем этом нет, именно поэтому понятие «племя» не имеет четкого определения. Всегда есть немало «нюансов», препятствующих спрямлению схемы.

2. Племя целиком или частично могло сформироваться как военно-оборонительный союз неродственных кланов. В любом случае объединение происходило вокруг какого-то «ядра» – более сильного или более многочис-

ленного рода/клана. Главными племенными скрепами при такой ситуации выступают лидер «ядра» (шейхское семейство), общая территория, колодцы, боевой клич. При этом каждый клан не прекращает хранить версию собственного происхождения и имя предка.

Кстати, М. Каддафи как человек, знавший и понимавший племенную среду, дал следующее заключение по поводу двух типов возникновения племен: «Кровное родство является основным, но не единственным фактором формирования племени, поскольку существует еще и присоединение. Со временем различия между членами племени, связанными кровным родством, и теми, кто присоединился к племени, исчезают, и племя становится единым социальным и этническим образованием. Тем не менее, это единство в первую очередь основано на кровном родстве и общем происхождении.»⁷

Формирование современной племенной структуры Ливии датируют XI в. н.э., когда из аравийского Хиджаза в Северную Африку пришли два крупных племени Бану Хиляль и Бану Салим. Их кланы обосновались не только на территории Ливии, однако применительно к ливийским делам, если отбросить детали, можно утверждать, что первое заняло Триполитанию, второе – Барку (Киренаику). До этого в этих районах преимущественно находились берберские племена, хотя не только. Результатом миграции стало, как считал Ибн Хальдун, упрочение ислама и арабского языка/ культуры.

За прошедший с XI-го века период большинство ливийских берберских племен арабизировалось, их представители искренне считают себя потомками пришельцев из Аравии. Хотя немало и чисто арабских кланов. Всего на территории Ливии насчитывается порядка 2000 племен, которые объединены в 140 основных племенных групп, из которых 50 играют ключевую роль в политической и социально-экономической жизни страны.⁸ По другим данным, влияние на события в Ливии оказывают всего 30 племен.⁹

Наибольшей единицей племенного сообщества следует, как представляется, считать «племенную группу» (قبائل). В арабском языке ливийцы опускают слово «группа», поэтому наименование звучит как «племена Саади» (قبائل السعادي)¹⁰, «племена Хараби» (قبائل الحرابي)¹¹, «племена Марабутов» (قبائل المرابطون)¹², «племена Тархуны» (قبائل ترهونة)¹³ и т.п.

Ниже идет племя (قبيلة). Иногда племенем могут называть группу племен. Например, встречается вариант «племя Зинтан» или «племя Тархуна». Объяснение этому заключается в том, что племена с такими названиями дали имя населенному пункту, а затем по названию города стали именовать все кланы/племена, проживающие в нем и в округе.

Племя подразделяется на кланы (عشيرة).

Так, известное восточноливийское племя Барааса (البراعصة) делится на целый ряд таких кланов: Ариф (عريف), Джлейд (جليد), аль-Джувейфи (الجويفي), Дья (ضياء), Заед (زايد), аль-Масаид (المساعيد), Тамия (طامية), Хазааль (خزاعل), Хусейн/ аль-Хусейни (الحسيني), Юнис (يونس), аль-Ятами (اليتامي) и др. Из племени происходил премьер-министр страны (1965-1967) в королевский период Хусейн Юсеф Мазек. Его родословная – семья Мазек из семейства Худус (حدوث) из клана Тамия племени Барааса. Поэтому в печати можно встретить его клановое имя как Хусейн Мазек аль-Худус (Бу-Худус) аль-Барааси.

Далее идет ветвь племени (فرع), которая распадается на семейства (بيت), которые в свою очередь состоят из семей (عائلة). Пример: один из шейхов племени Обейдат ас-Сенуси Абдель Сейид происходил из семейства Белькасем (بلقاسم) ветви Мансур (منصور). Представителей этой ветви часто после имени собственного и отцовского именуют аль-Мансури аль-Обейди.

Ливийские племена – это в первую очередь те, которые проживают на территории государства Ливия. Но не только. К таковым обычно относят и те, которые когда-то были ливийскими (сформировались в Ливии, длительное

время находились там), но затем целиком или частично переместились в соседние страны, в основном в Египет и Тунис. При этом надо понимать, что существует немалая разница между географическим понятием Ливия, идущим еще с античных времен, и политическим. Если говорить о последнем, то первая официальная граница первого реального ливийского государства (Ливия династии Караманли¹⁴) была закреплена лишь в 1806 году с Тунисом соглашением между Юсуфом Караманли и тунисским беем Хамуда-пашой (1781-1813). Другие границы появились уже решениями колониальных держав: в 1935 г. англичане и итальянцы договорились о границе Египта и Ливии, в 1956 г. Франция вместе с властями королевской Ливии определила линию, отделяющую ливийцев от Алжира.¹⁵

Еще одна историческая особенность ливийского племенного сообщества – более прочные связи с соседними странами, нежели между тремя регионами самой Ливии. Киренаика была преимущественно связана с территорией Египта, Триполитания – с Тунисом, Феццан – с Сахаро-Сахельским поясом к югу. До той степени, когда т.н. ливийские племена периодически мигрировали из своих регионов в эти страны и сегодня базируются по обе стороны границы. Например, сообщество «представителей ливийских племен» в АРЕ (исторически в основном из Киренаики) оценивается сегодня в 15 млн человек.¹⁶ Почти в три раза больше, чем население самой Ливии.

Из 30 доминирующих на ливийской политической сцене племен/ племенных групп самое многочисленное и сильное – **Варфалла** (ورفلة). Сформировалось путем объединения целого ряда берберских кланов, состоит из порядка 52 племен-ветвей, которые также можно назвать племенами «второго уровня», и насчитывает около миллиона человек (одна шестая всех жителей), распространено по всей стране, но в большей степени – в Триполитании (Западной Ливии). Также проживает в соседних странах, включая Алжир. Среди племен-

составных частей – аль-Аакиб (الاعاقيب), ад-Дулюль (الدلول), ад-Дуруа (الدروع), аль-Мавади (الموادي), ан-Накарта (النقارطة), ар-Рухумат (الرحومات), аль-Фатман (الفطمان), ас-Саадат (السعدات), ас-Сабаиа (السبايع), аль-Джамамля (الجماملة) и др. Центром Варфалла считается город Бени Валид, хотя оно также присутствует в Сирте, в Бенгази и даже в Феццане. Считается принципиальным противником исламистских структур различного толка, получивших распространение в Ливии после февраля 2011 г.

Среди других влиятельных племен:

- **Тархуна** (ترهونة). Это – группа из порядка 63 племен с центром в одноименном городе, расположенном в глубине континента около 90 км юго-восточнее Триполи.¹⁷ Треть триполийцев – это Тархуна. Официальной племенной структурой племени выступает Совет шейхов Тархуны (مجلس أعيان ومشايخ ترهونة / مجلس مشايخ ترهونة) во главе с шейхом Салехом аль-Фенди. К племени относят т.н. 7-ю пехотную бригаду ливийской армии. Одно из тархуновских племен – аль-Фарджан (الفرجان), которое распространено гораздо шире района Тархуны. Из аль-Фарджан происходит военачальник Халифа Белькасем (Абу аль-Касем) Хафтар.

- племена **Мисурата** (قبائل مصراتة). Это своего рода локальный родоплеменной конгломерат на базе арабизированного берберского племени Хувара (هواره). Среди «племен Мисураты» – Аббад (عباد), ад-Дарадфа (الدرادفة), Замура (زمورة), аль-Кавафи (الكوافي), аль-Кзейр/ Гзейр (القزير), Маадан (معدان), аль-Маграва (المغراوة), аль-Макасба (المقاصبة), Матоса (они же Иматын) (ماتوسة), Ткейран/Идкейран (تكيران), Фаратса (فراطسة), аш-Шавахда (الشواهدة) и др. Также сюда относится небольшое арабское бедуинское племя Ауляд аш-Шейх, к которому иногда приписывают министра внутренних дел в Правительстве национального согласия Фатхи Башагу (несмотря на ярко выраженную тюркскую фамилию). Помимо города и района Мисураты представители этого племенного альянса также имеются в Сирте и ряде других городов Западной Ливии. Подыг-

рываюот исламистам. Значительная часть бойцов группировки «Щит Ливии» (درع ليبيا) состоит из мисуратцев. Из них: премьер-министр Ливии (1951-1954, 1964-1965) Махмуд бен Ахмед Дия ад-Дин аль-Мунтасер (племя аль-Кавафи); политический деятель и основатель партии Национальный конгресс Башир ас-Саадауи (племя Замура); спикер палаты депутатов и министр с рядом портфелей в королевский период Салем Лютфи аль-Кады (племя Дарадфа); премьер-министр в 2014 году Ахмед Омар Майтиг (племя Замура); премьер-министр в 2015 г. Халифа Мухаммед аль-Гвейль (племя Кзейр).

- **Зинтан** (الزنتان). Объединение преимущественно берберских кланов старинного племени Заната/ Зената с базой в городе Зинтан. Состоит из ряда ветвей – Ауляд Дувейб, Ауляд Халифа, Ауляд Абу аль-Холь, аль-Омьян (العميان), ар-Рауджат (الروجات) и др. Считается самым воинственным в Триполитании и соперничает за наибольшее влияние в своем регионе с мисуратцами. Из них командующий «Западным военным районом» в составе Ливийской национальной армии генерал-майор Идрис Мади.

- **Обейдат** (العبيدات). Изначально происходят из Хиджаза, относятся к аднанитским племенам и своим далеким родоначальником считают брата имама Али по имени Джаафар бен Аби Талиб. Миграция в Египет и далее на запад по Северной Африке произошла из-за конфликта между родственниками, когда историческое «ядро» нынешних ливийских Обейдат покинуло район Янбу близ Джидды. Состоит из нескольких родов – Марьям (مريم), Абу Джазия (ابوجازية), Алялька (العلافة), Гейс (غيث) и др., которые подразделяются на семейства (*бейт*), в частности, Шараиа (الشرايع), Шахин (الشاهين), Амьят (الأمياط), Мансур (منصور), Авакля (العواكلة), Абу Дауи (أبوضاوي), Мабарка (مباركة), Раккад (رقاد), Мзейин (مزين), Абдель Карим (عبدالكريم), Кабес (قابس). По некоторым оценкам, Обейдат – крупнейшее племя Восточной Ливии, проживающее также в Египте (Марса Матрух, Александрия). В Киренаике его территория охватывает районы Бенгази, Тобрука, Бейды,

аль-Джебель аль-Ахдар, аль-Кубба/ аль-Губба (القبة). Численность – ок. 35 тысяч человек. Из них: генеральный секретарь народных комитетов (премьер-министр), глава парламента и министр иностранных дел Абдель Аты аль-Обейди, председатель Палаты депутатов Ливии Акила Салех [Иса аль-Обейди].

- **Магарха** (المقارحة /المغارحة). Арабское племя, вышедшее из хиджазского племени Бени Салим. Известно еще своей борьбой против испанской военной экспедиции в Триполи в 1510 г., а также тем, что отказывалось платить налоги Османским властям.

Основные семь ветвей Магарха – Ауляд Агдаф (или аль-Гадфа) (الغذفة / اولاد اغذاف), Ауляд Аррад (ال عراد/ اولاد عراد), Ауляд Маймун (или аль-Майямин) (الميامين / اولاد ميمون), Ауляд Махмуд (اولاد محمود), Ауляд Осман (они же аль-Кбейян) (القبيان / اولاد عثمان), Ауляд Рашдан (اولاد رشدان), Ауляд Таджур (ат-Таваджир) (التواجير / اولاد تاجور). Ветви состоят из кланов, например, аль-Джалагма (الجالغمة), аль-Баракис (البراكيس), аль-Махарбийя (المحاربة), аль-Машлаша (المشلاشة), аль-Азма (العزمة), аль-Азра (العذرة).

Из племени происходят соратники М. Каддафи по революции и революционному руководству братья Абдель Салям и Абдель Рахман Джеллуд; последний глава спецслужб при Каддафи Абдалла ас-Сенуси; генерал-майор Мухаммед Бен Наиль аль-Маграхи (1944-2020); экс-командующий Западным оборонительным районом, влиятельный военный – генерал-лейтенант (*фарик*) Мабрук ас-Сахбан, который до сих пор является одним из лидеров племени; шейх Ибрагим Абу Бакр [Наср аль-Маграхи]; лидер вооруженной группировки племени Магарха («аль-Вади») аль-Мабрук Хнейш аль-Маграхи.

- **Кададфа** (القذافة). Исторически его считали малозначимым, однако из него происходил М. Каддафи, и за годы его правления оно очень заметно прибавило в политическом весе и стало наиболее вооруженным. Оформилось в виде отдельного племени в Средние века в районе города Гарьян, где похоронен один из их родоначальников.

Зона проживания – район Себхи в центре Западной Ливии (на значительном удалении от побережья) и Сирт. Насчитывает около 125 тысяч человек.

- **Наваиль** (النوايل). Его территория занимает стратегический район у границы с Тунисом. Наваиль – довольно многочисленное племя и насчитывает порядка 100 тыс. человек. Из него происходит бывший премьер-министр Джамахирии (2006-2011) аль-Багдади Али Ахмед аль-Махмуди.

- **Барааса** (البراعصة). Арабское племя с корнями из Хиджаза (Аравия). Их родоначальник – некто Брейас бен Джрейд бен Карбус из племени Бени Рашид, которое было ветвью племен Абс и Гатафан из линии Аднана и проживало в Мекке. Их исход стал результатом конфликта с мекканскими шерифами в раннеосманские времена. Проживает на востоке Ливии, а также в целом ряде провинций в Египте (например, Гарбийя, Файюм/ Эль-Файюм, Минуфия, Шаркийя) и Тунисе. Основная ливийская «база» – район аль-Джебель аль-Ахдар. Города Кубба, Тобрук, Бенгази, Бейда. О составляющих его кланах говорилось выше. Из Барааса происходили уже упоминавшийся премьер-министр времен монархии Хусейн Мазек; вторая жена М. Каддафи Сафия Фаркаш аль-Хаддад из семейства Хусейн¹⁸ и ее сестра Фатыма Фаркаш, которая вышла замуж за главу спецслужб при Каддафи Абдаллу ас-Сенуси; начальник Главного управления уголовных расследований (при Каддафи) бригадный генерал Салех Мазек Абдель Рахим аль-Барааси; глава Службы военной разведки ЛНА генерал-майор Рамадан Атыйят-Алла аль-Барааси (назначен в феврале 2019 г.); бригадный генерал Фарадж аль-Барааси, перешедший из ЛНА на сторону властей в Триполи (родственник Сафии Фаркаш, при Каддафи дослужился до звания полковника).

- **Авакир** (العواكير). Называются по имени женщины, которая именовалась Акура. Скорее являются племенным союзом, инкорпорировавшим целый ряд местных семейств, при этом ядро – из переселенцев из Марокко, чей

родоначальник – некто Муса бен Джибриль бен Баргут-старший бен Диб происходил из хиджазского аднанитского племени Бени Салим (Сулейм). Проживают на востоке Ливии, в основном в районе Бенгази, включая территорию в сторону Мадинат аль-Абьяр к востоку до Солук к югу. Есть семейства, находящиеся в Египте, в районе Минья. Основные три ветви – Сиддиди (سديدي), Мутава (مطاوع) и Ибрагим. Численность – порядка 30 тыс. человек. Из них происходил глава Палаты депутатов в королевский период шейх Абдель Хамид аль-Аббар; генеральный прокурор Джамахирии и глава муниципалитета Бенгази (2017-2018) Абдель Рахман Муса аль-Аббар; командующий батальоном «Аулия ад-Дамм» (ныне в составе ЛНА) Ийяд Хами аль-Фаси аль-Акури; члены Палаты депутатов Аиша ат-Таблаки аль-Акури, Бадр ан-Наджиб аль-Акури, Саид Асбаку аль-Акури, Юсеф Зейд аль-Акури, Саад аль-Бадри аль-Акури и Ахмед ас-Суэйты аль-Акури.

- **Хаса** (الحاسنة). Одно из племен конфедерации Хараби группы Саади. Делятся на три ветви по именам их родоначальников аль-Калябта (от Кальбата) (القلابطة), аш-Шабарка (от Шабрака) (الشبارقة) и аль-Бахаит (от Бахита) (البخايت). При этом две последние ветви объединены в группу аль-Касасма (القساسمة) по имени Кассама – брата Кальбата. Проживают в зоне аль-Джебель аль-Ахдар: Суса, Шаххат, Вади аль-Мальяб, Кубба Сиди Бу Блейта, Фаидийя и Сафсаф. Часть племени проживает в египетском Матрухе. Из них: первый начальник Генерального штаба (с 1951 г.) бригадный генерал Омран аль-Джадера аль-Хаси; премьер-министр посткаддафиевской Ливии Омар Сулейман аль-Хаси (август 2014 – март 2015); глава Службы общей безопасности (2012-2015) Салем аль-Хаси; генерал-майор Хасан аль-Касех (род. 1945); бригадные генералы Юсеф Хаммад аль-Хаси и Абдель Салям аль-Хаси (начальник Оперативного управления ЛНА); член Палаты депутатов аль-Мунтасер аль-Хаси.

- **Абид** (العبيد). Родоначальник – аль-Абд бен Баргут бен Баргут-старший бен ад-Диб из племени Бени Салим

(Сулейм). Их центр – район Джебель аль-Абид, города Мардж, Такнес и Джардас аль-Абид. Часть племени проживает в Египте, в основном в провинции Минья. Исторически отказывались платить налоги османским властям. Из них: начальник военной безопасности Джебель аль-Ахдар бригадный генерал Салихин Джарбуа аль-Абиди; бригадные генералы Абдалла Мухаммед Масуд аль-Хаджалъ и Муса Хусейн Хазауи аль-Абиди. Высший совет племени Абид возглавляет шейх Саид Джарбуа. Племя практически целиком поддерживает ЛНА во главе с Х.Хафтаром.

- **Арафа** (العرفة). Родственники Абид. Их родоначальник – Ариф бен Баргут-старший бен Диб из Бени Салим (Сулейм). Проживают в прибрежной полосе на востоке Ливии в районе города Мардж (в т.ч. между Токрой и Толмейтой) и западнее Бейда. Делятся на две ветви: ат-Тараш/аль-Атраш (الطرش) и ас-Салатна (السلطنة), каждая из которых тоже имеет ветви: Тараш – Абу Шахма (ابوشحمة) и Муамин (مؤمن), ас-Салатна – аз-Загуб (الزغوب) и аль-Хархира (الحريرة). Субветви состоят из семейств. Определенная часть этих семейств (Салех и Кубейли из Абу Шахма, Идрис из Загуб и др.) проживает в Египте. Из них: начальник Генерального штаба ЛНА и «правая рука» Х. Хафтара генерал-майор Абдель Раззак ан-Назури; генерал-майор ВВС в составе ЛНА Амер Юсеф аль-Джагам.

- **Матарфа** (المطارفة). Одно из подразделений арабского племени аль-Маакиль, которое вышло из старинного племени Мазхидж. Имеет целый ряд ветвей, которые также именуется племенами («второго уровня»), в частности аль-Баргаса (البرغثة), Сабер (ас-Савабер) (الصوابر), Ауляд Наасан (اولاد نعان), аль-Атыйят (العطيات), аль-Джабарна (الجبارنة), аль-Лутфа (اللطفاء), аз-Зиядат (الزيادات) и др. Проживают в Бани Валиде и Феццане (Ауляд Наасан), также имеются в Алжире, Мавритании, Нигере и Чаде.

- **Маджабра/** Магабра (المجابرة). Одно из многочисленных ответвлений хиджазского аднанитского племени Бени Салим (Сулейм). Относительно небольшое племя с не-

большим ареалом проживания. Состоит из 14 «домов» (Адждау, аль-Андам, Ауляд Омар, Ауляд Хамад, Ауляд Хмейд, аль-Гарура, Тувейракин и др.), которые далеко не все родственные, в связи с чем некоторые считают Маджабра военно-политическим союзом. Часть живет в деревнях и оазисах в пустыне с центром в городе Джалу на юге Киренаики, часть – в горах Джебель Нафуса. Из него происходил министр обороны при Каддафи генерал-лейтенант Абу Бакр Юнис Джабер (1942-2011), министр иностранных дел при Каддафи (должность, правда, называлась по-революционному несколько иначе) Ибрагим аль-Бишари (1990-1992).

- **Риях** (رياح). Арабское племя, мигрировавшее из Хиджаза. Происходит из племени Бени Хильяль. Состоит примерно из двух десятков родов, проживает во многих частях Ливии, включая Триполи, Бенгази, Себху, Злитан, Мисурату, Саукну (в регионе Феццан) и др. Также проживает в Тунисе.

- **Дараса** (الدرسة). Арабы, выходцы из Бени Салим (Сулейм). Называются по имени родоначальника Идриса бен Харба бен Аккара бен Диба. Состоят из 10 родов, шейхский – Адель. Проживают в Киренаике в районе аль-Джебель аль-Ахдар, имеется присутствие в Египте (провинции Минья, Бухейра и др.). Племя практически целиком поддерживает ЛНА во главе с Х. Хафтаром. Из них: генерал-лейтенант Мифтах Шаклуф аш-Шальмани ад-Дараси возглавляет Оперативный центр командования ЛНА; бригадный генерал ВВС Муамин ад-Дараси (погиб в феврале 2017 г.).

- **Барагит** (البراغيث). Арабская племенная группа, выходцы из аднанитского хиджазского племени Бени Салим (Сулейм).¹⁹ Называются по имени родоначальника Баргута-старшего бен Диба. Состоят из трех ветвей – Фаед (мн.ч. аль-Фаваед), Джибриль и Баргут, каждая из которых включает целый ряд племен «второго уровня». Например, приведенные выше Абид и Арафа являются частями ветви Баргут, поскольку происходят от его сына

Баргута-младшего бен Баргута бен Дибба. Ветвь Фаед именуется себя племенем аль-Фаваед аль-Барагит, Джибриль – аль-Джабарна аль-Барагит. Из них происходили супруга ливийского короля Идриса Алиа Абдель Кадер Ламлум ас-Саади Кишар аль-Фаеди, один из создателей ливийской армии в королевский период Муса Юнис ар-Рамахи аль-Фаеди. В качестве объединенной координационной структуры Барагит выступает сегодня Консультативный совет племен Барагит (*аль-Маджлис аль-Истишарий ли-Кабаиль аль-Барагит*), который полностью поддерживает А. Салеха и Х. Хафтара.

- **Сыан** (الصيعان). Крупная племенная группа Западной Ливии из четырех племен – Ауляд Салам (اولاد سلام), Ауляд Мухаммед, Ауляд Шаррада (اولاد شرادة) и аль-Хамайла (الهمايلة), Их родоначальником считается некий Мухаммед Абу Саа (похоронен в тунисском Кейруане) из рода пророка Мухаммеда по линии его внука Хасана бен Али. Проживают на западе Ливии в 200 км от Триполи в сторону Туниса.

- **Магарба** (المغاربة). Одно из влиятельнейших арабских племен Барки/ Киренаики (Восточная Ливия) с центром в городе Аждабийя и его округе. Изначально происходит из Хиджаза и ведет свои корни из мигрировавших в Северную Африку племен Бени Салим и Бени Амер. Делится на две основные ветви – ар-Разйдат (الرعيضات) и аш-Шавамех/ Ауляд Шамех (الشوامخ). Численность – не менее 20 тыс. человек. В 2013 г. именно это племя взяло под контроль нефтяные порты востока страны. Из племени происходит предводитель т.н. Сил охраны нефтяных объектов Ибрагим Джадран аль-Магриби. Магарба также проживают в Египте. Их верховный шейх – Салех аль-Атьюш (Латьюш).

- **Ауляд Сулейман** (اولاد سليمان). Крупное племя, в основном проживающее в центре (от района Харавы/ هراوة) и далее на юг страны, заходя своими землями на территорию Чада. Ветви Ауляд Сулейман проживают также в Египте и Тунисе. Его упоминал еще Ибн Хальдун, позд-

нее оно воевало с племенем Джабалийя и враждовало с династией Караманли и с османскими властями. Состоит из пяти крупных родов – Шрейдат (الشريدات), Лхейват (اللهيات), Майяса (المياسة), Закара (الزكارى) и Джабаир (الجباير). «Центр» племени – город Себха, где они сосуществуют с Кададфа и Магарха. Имеют одну из самых сплоченных племенных милиций.

- **Манфа** (المنفة). Марабутское племя, то есть ведущее свою родословную от религиозного деятеля из братства марабутов (мурабитунов) по имени Манаф, который поселился в Дафне (район Тобрука) и женился на двух женщинах – Мсейке и Улюм. По их именам названы две ветви племени аль-Мánфа. От первой пошли 10 кланов – Брейдán (بريدان), аль-Магури (الماقوري), Масмуд (مصمود), Аллюш (علوش), Худ (هود), Каххáш (قحاش), Сабáк (سباق), Абу Даббус (ед.ч. ад-Даббуси) (ابو ديوس), Абу Хадиджа (ابو خديجة) и Джхейш/ Джáхеш (جحيش/جحش). От второй – шесть кланов: Ртейу (رتيو), аль-Хáиб (ед.ч. аль-Хáйби) (الخائب), аль-Арабáт (العرايات), Рáджаб (رجب), аль-Джаззáр (الجزار) и Газвáт (غزوات). Каждый клан делится на семейства. Проживают на востоке Ливии, в основном в провинции Батнан – зоне Бир аль-Ашхаб, Марса Дафна, Завийят Джанзур (60 км восточнее Тобрука), у египетской границы и в аль-Марсасе (бывшая «завия»²⁰, ныне деревня к западу от Тобрука), а также имеют присутствие в египетских провинциях Минья, Бухейра и Файюм. Из аль-Манфа происходил герой ливийского народа и вождь антиитальянской борьбы в первой трети XX в. Омар аль-Мухтар, поэтому племя пользуется особым уважением у ливийцев.

- **Кутаан** (Кутуан/ Катаан) (القطعان). Арабское племя, выходцы из Аравии. При этом считается марабутским (мурабитунским), поскольку в него влилось 10 семейств из этого братства (Кхеймеш, Юсеф аль-Караа, Абу Акус, Сакъар и др). Родоначальник Кутаан – некто Радван бен Кааб по прозвищу «аль-Актаа», от чего и пошло название племени. При этом у Радвана было два брата – Сулейман бен Кааб и Джумаа бен Кааб, они родоначальники

ливийских племен Ауляд Сулейман и аль-Джамъийят. Все три племени объединяют в группу Кауб (мн.ч. от Кааб). Кутаан делится на три ветви – ар-Рахамна (الرحامنة), аль-Мрейрат (المريرات) и ас-Самаана (السماعة), которые состоят из целого ряда кланов и семейств. Зона проживания – провинция аль-Батнан (центр – Тобрук). Часть племени живет в Египте (провинции Бухейра и Минья), в т.ч. шейх Адель Абдель Джавад аль-Кутаани – брат шейха Фараджа Абдель Джавада аль-Кутаани. Из них также командующий 73-й бригадой ЛНА генерал-майор Али Салех аль-Кутаани; начальник Управления безопасности города и округа аль-Кубба бригадный генерал Омран Брейк аль-Кутаани.

- **Зувайя** (الزوية). Арабское племя, проживающее в основном на ливийском юге – аль-Куфра, Феццан, также присутствует в Алжире, Египте, Чаде и суданском Дарфуре. Части племени имеются в Бенгази, Аждабие, аль-Бейде, Гарьяне, Зувейле и др. Происходят из Бени Салим (Сулейм) и через эти корни родственны целому ряду других ливийских племен. Состоит из четырех родов – аль-Джалюлят (الجلولات), Сиди (اسديدي), Сиди Мифтах (سيدي مفتاح) и аш-Шавагер (الشواغر), каждый из которых делится на семейства (*бейт*). В 1970 г. в племени попытались поднять первый мятеж против М. Каддафи, его лидерами стали армейские полковники Омар Абдель Рахим аз-Зувай и Абдалла Халлум аз-Зувай. После начала антикаддафистского движения в феврале 2011 г. Салех аль-Газаль аз-Зувай был избран председателем Местного совета Бенгази. В 2012 г. Зувайя имели вооруженный конфликт с южноливийским племенем Тубу. В настоящее время Высший совет племени Зувайя возглавляет шейх ас-Сенуси аль-Халик аз-Зувай. До него был Абдель Рахим аль-Мабрук Омар Бу-Халум аз-Зувай.

- **Масамир** (المسامير). Марабутское племя Восточной Ливии. Родоначальник – мигрировавший из Марокко религиозный деятель Сиди Мисмар бен Абдель Мауля. Имеют две ветви – Ауляд Нух и Масамир Ризк (Ауляд Саад). Проживают как на побережье и близ него – аль-Мардж,

аль-Бейда, Бенгази, Дерна, Тобрук, Дафна, – так и в центре страны в Себхе. Из них официальный представитель ЛНА полковник Ахмед аль-Мисмари и бывший министр внутренних дел Ливии, председатель Высшего совета племен марабутов и шерифов генерал-майор Салех Раджаб аль-Мисмари. Оказывают серьезную поддержку Х. Хафтару.

- **Варшафана** (ورشفانة). Племя-конфедерация или группа племен района Варшафана в относительной близости от Триполи. Этнически считаются берберами. Среди составных частей – Ауляд Теллис (ат-Таляльса) (اولاد تليس), аль-Азиб (العزيب), Мадгис (مادغيس) и др. В 2014 г. сформировало т.н. Армию племен, которая вступила в противостояние с подразделениями «Зари Ливии», поддерживавшими власть в Триполи, затем поддержало Х. Хафтара и участвовало в его походе на ливийскую столицу. Зонтичная структура конфедерации – Высший совет Варшафана во главе с д-ром аль-Мабруком Абу Амидом.

- **Тубу** (التوبو). Проживают на юге Ливии, в регионе Феццан. Имеют африканские корни (М. Каддафи утверждал, что чадские), в связи с чем отличаются от арабов и берберов цветом кожи и фенотипом. Из них командующий спецвойсками ЛНА («Ас-Саика») генерал-майор Ванис Абу Хамада (уроженец города Мурзук/ Марзук).

- **Туареги**. Кочевые племена, имеющие берберские корни и проживающие на ливийском юге. Туареги обитают практически по всей Сахаро-Сахельской зоне, насчитывают более 5 млн человек и только часть из них находится в Ливии. Когда-то, в 1973 году, Каддафи принял в Ливии нигерских и других туарегов, чем спас их от разразившейся в Сахеле катастрофической засухи. Богатая нефтью Ливийская Арабская Республика (называлась так до 1977 г.) предоставила туарегам еду и кров и заслужила этим признание всего этого кочевого сообщества. Под них в составе ливийских вооруженных сил был создан «Панафриканский легион» и ряд элитных гвардейских подразделений.

Ливийско-турецкие горожане

Речь о значительном числе городских семейств под общим названием **Кураглия** (Кулоглыя) (القول او غليين / الكولو غلية / الكور غلية) – ед.ч. Кураглы/ Кулоглы.

Это не племя, но значительная и, главное, влиятельная группа ливийцев, имеющих схожее происхождение и довольно крепко держащихся друг за друга. Их роднит то, что они происходят от турецких солдат, стоявших в Ливии гарнизонами (начиная с 1551 г.), и в основном местных берберских женщин, а также в редких случаях арабок-бедуинок и европейек, которых средиземноморские пираты захватывали в ходе своих рейдов. Причем османские воины из числа янычар по крови могли быть кем угодно, от черкесов и курдов до разного рода балканцев, включая греков. Позднее подобные семьи заводили и просто турецкие солдаты или служащие. Семейства таких «турецкоподданных» базировались в ряде прибрежных городов и в первую очередь в Триполи и вокруг него, например, в Джанзуре, Зуваре, Мисурате, Хомсе, Гарьяне, Мсалате, Злитане и даже в Бенгази и Дерне.

Генезис слова до сих пор вызывает дискуссии. Доминирующая точка зрения состоит в том, что изначальным термином был «кул оглы», означавший «потомок слуги»²¹ и трансформировавшийся затем в «кураглы». Привязка к значению «слуга, челядинец» целому ряду толкователей не нравится, поэтому существует еще версия о «потомках смуглых» («кара оглы»). Все вероятно, хотя объяснения насчет того, что совместные дети янычар и берберок или европейских невольниц были смуглее среднестатистического цвета кожи турок-османов и городских ливийцев того времени, звучат сомнительно.

В состав «племен Кураглы» вошел также ряд мисуратских кланов, не обязательно имеющих отношение к потомкам османских гарнизонников. Сегодня за Кураглы обычно числят 13 «племен»: Блейбулу, ар-Рамла, аль-Макасба, Аббад, Шавахда, Заваби, Джаханат, Яддар,

Дарарта, Рас Али, Дарадфа, Фаратса и Карара. Еще к ним добавляют черкесов в качестве самостоятельной группы и берберов, как, например, аль-Барабра (ед.ч. аль-Барбар) (البربار / البرابرة), аз-Зайяни (الزياني). Утверждают, что «отец тунисской нации» Хабиб Бургиба был из семьи ливийских мисуратских Кураглы (ветвь Дарадфа), переселившейся в 1795 г. в Тунис.

Среди семейств: Андиша (انديشة), аль-Арейби (العريبي), аль-Арнаут (الارناؤوط), Бади (بادي), Бакир (باكير), аль-Барджи (البرجي), Бахджат (بهجات)²², Баш Калфа (باش كلفة), Бейзан (بيزان), Бейт аль-Маль (بيت المال), Бек Дерна (بك درنة), Бен Алейва (بن عليوة), Бен Барака, Бен Ваххаб, Бен Джумаа, Бен Искандер, Бен Исмаил, Бен Карваш (بن قرواش), Бен Лама (بن لامة), Бен Ларка (بن لارقا), Бен Маами, Бен Махмуд, Бен Рамадан, Бен Саидан, Бен Слейман, Бен Талеб, Бен Хамид²³, Бен аль-Хадж (Бельхадж), Бен аль-Факих (بن الفقيه), Биль-Рас Али (بالراس علي), Бору (بورو), Дали/ад-Дали (الدالي), Дара (دراء), ад-Дарат (الضراط), Дгейис (الدغيس), аз-Зақда (الزقه), аз-Змейрли/Измирли (الزميرلي), Змейт (زميت), аз-Зрейди (الزريدي), аз-Зувейки (الزويكي), Кадах (قدح), аль-Каджиджи (القاجيجي), Канади (قنادي), аль-Канка (القانقا), Карабейиба (قرايبية), аль-Кашик (الكاشيك), аль-Кихия (الكيخيا), Куса (كوسة), Лабаз/аль-Баз (لباز), аль-Ликт (اللقط), аль-Маджбар (المجير), аль-Маджраб (المجراب), аль-Машарка (аль-Машрики), Мейдан (ميدان), Мурад (مراد), Мусаллем (مسلم), ан-Навабиль (ед.ч. ан-Набули) (النوابيل)²⁴, Нашнуш (نشونوش), аль-Овейб (العويب), ас-Сакизли (الساقزلي), ас-Сараръи (الصرارعي), Сувейд (سويد), Сувейхли (السويحلي), ас-Судани (السوداني), Татанаки (طاطاناكي)²⁵, ат-Топчи (الطويجي), ат-Трейкат (ат-Трейки), ат-Тувейхи (الطويحي), ат-Тугар (التوغار), ат-Турки (التركي), аль-Ходжа (الخوجة), аль-Хамзат (الحمزات), аль-Хатба (الحطبة), Шаляби/Челяби (شالابي), Шараф-эд-Дин, аль-Язиджи (اليازجي) и др.

Стамбул в султанский период дал этим семействам целый ряд привилегий, в т.ч. освобождение от налогов. По закону от 1954 г. все ливийские Кураглы были признаны поданными/гражданами Королевства Ливии. В 1936 г.

по переписи их насчитали 35 тыс. человек, сегодня с учетом «присоединившихся мисуратцев» численность может доходить до 350 тыс., хотя в самой общине называются и гораздо большие цифры. В Триполи, по разным данным, таковых от 5 до 9% населения города, в Мисурате говорят о порядке 250-300 тыс. из 400-тысячного населения города.

При Каддафи с его ярко выраженным арабским национализмом, еще и с бедуинской спецификой («бедуин аутентичнее горожанина») манифестация янычарских и тюркских корней и культурно-религиозных особенностей не приветствовалась и потому находилась под сильнейшим спудом. Трудности возникали и в карьерном плане, тем более в условиях процветания кланового nepотизма со стороны бедуинизированной элиты Джамахирии. Поэтому для Кураглы торговля, мелкие услуги и религия оставались главной стезей, хотя и не единственной.

Примечательно, что в Турции данную категорию населения именуют *Libya Türkleri*, то есть ливийские турки, хотя речь, как говорилось выше, в основном о потомках «турецкоподданных» нетюркского происхождения, хотя этнические турки тоже были. Сегодняшняя Анкара, в том числе в силу такой дефиниции данной общины, рассматривает всех Кураглы попросту как проживающих за пределами турецкого государства этнических турок и, соответственно, наладила и поддерживает с ними связи именно как со своими соотечественниками. Отсюда и корни заявления турецкого президента Р.Т. Эрдогана о том, что в Ливии «проживает миллион турок».²⁶

Внимание Анкары льстит «потомкам янычар» и явно побудило их к тому, чтобы пользоваться таким фактором, в т.ч. в плане обеспечения политических и социально-экономических интересов общины и ее союзников (например, других мисуратских кланов). Этим, по видимому, и объясняются (среди прочего) сегодняшние позиции во власти в Триполи деятелей с «турецкими корнями» и их линия на максимальное взаимодействие с Турцией. Достаточно сказать, что глава Президентского

совета Ф. Саррадж и весьма влиятельный министр внутренних дел Правительства национального согласия Ф. Башага – выходцы из Кураглы. Турецкий аналитик Фехим Таштекин даже написал в августе 2019 г. для ресурса «Аль-Монитор» экспертный материал под говорящим названием «Являются ли ливийские турки «Троянским конем» Анкары?».²⁷

Одновременно с прямым вмешательством Турции в Ливии с начала 2020 г. турецкие СМИ раскрутили тему «преследования ливийской турецкой диаспоры» со стороны Ливийской национальной армии, а также властей в Тобруке и Бенгази и солидарных с ними племен. Число «бежавших с востока Ливии в Мисурату и Триполи» представителей Кураглы оценили в 100 тыс. человек.²⁸ Очевидно, что при наличии такого «кризиса» мотивы не остаться в стороне от ливийских дел стали выглядеть в глазах Анкары более чем убедительными.

Зонтичные структуры данных «турок» – созданное в 2015 г. Ливийское кураглийское общество (الجمعية الليبية الكورغلية) и Совет шейхов и старейшин племен Кураглы (مجلس مشايخ واعيان قبائل الكراغلة), имеющий по факту два крыла – триполитанское и киренаикское (хотя на востоке Ливии находится лишь 1\6 всех ливийских «турок»), которые нередко занимают отличные друг от друга политические позиции по внутренним делам.

В Турции также имеется Ассоциация ливийских турок, основанная в 2011 году в Измире и энергично координирующая связи со своими «этническими братьями» в самой Ливии. Если отсутствие «кураглийских» объединений на ливийской территории во времена Каддафи объясняется нетрудно, то уехавшим в Турцию ливийцам турецких кровей (эта миграция была особенно сильна после захвата Италией Ливии в 1911 г., когда были разбиты воевавшие там войска Ататюрка) вряд ли создавали помехи. Однако ассоциация появилась и заработала только с началом вооруженного движения против Каддафи и активного прихода мисуратцев и других «горожан» в политику.

Из них: один из основателей Триполитанской республики в 1918 г. Рамадан аш-Штейви Ахмед ас-Сувейхли (род. 1879 в Мисурате); премьер-министр и министр иностранных дел королевской Ливии Мухаммед Сакизли; член Совета революционного командования Ливии и один из участников революции 1969 г. майор Омар Абдалла аль-Мухейши (турецко-черкесского происхождения); глава Президентского совета Фаез Мустафа Фаузи Мустафа ас-Сарадж (триполитанская семья, родоначальник которой Мухаммед Ага прибыл из района Измира в 1840 г.); Али Абдель Салям ат-Трейки – министр иностранных дел Ливии при М. Каддафи (1976-1982 и 1984-1986); министр внутренних дел в Правительстве национального согласия Фатхи Башага (Баша Ага); глава политического крыла ливийских «Братьев-мусульман» Партии справедливости и созидания Мухаммед Хасан Савван (род. в 1968 в г. Мисурате), идеолог исламистов Али Мухаммед ас-Саляби (род. в 1963 в г. Бенгази), политический деятель и парламентарий Абдель Рахман аш-Шейбани Ахмед ас-Сувейхли (род. в Александрии в семье из Мисураты); лидер т.н. Фронта стойкости (мисуратская боевая группа, аффилированная с ливийскими «братьями-мусульманами»); ливийский спортсмен-тяжеловес Иксан Шаляби.

Отдельно следует упомянуть лидеров мисуратских вооруженных группировок из числа Кураглы:

RADA («Силы противодействия») – Абдель Рауф Кара;

«Заря Ливии» – Висам Бен Хамид (погиб в 2016 г.);

«Бригада стойкости» – Салах Бади;

«Силы противодействия терроризму/ Мисурата» – Мухтар аль-Джахауи;

«Штаб операций в Сирте и Джуфре» – Ибрагим Бейт аль-Маль.

Ливийский трайбализм: недавнее прошлое, настоящее и будущее

В XX веке трайбализм считался чем-то отсталым и не вписывающимся в современные модели развития, как западно-ориентированные, так и восточно-социалистические.

По словам классика марксизма Ф. Энгельса, «старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения». Арабские мыслители т.н. прогрессивного толка, в первую очередь светские националисты, также выступали против трайбализма и дальнейшего сохранения родоплеменных структур.

Приблизительно с 1980-х гг. отношение в арабской среде к племенному фактору претерпело изменение. Прежде всего по причине усиливавшегося ощущения того, что как западная, так и социалистическая модели развития не были для региона органичными и учитывающими всю его специфику. На которую, как минимум, необходимо было делать поправку, а еще лучше использовать в интересах государственного строительства и политических процессов. К такому пониманию пришел целый ряд видных арабских лидеров, включая короля Хусейна (Иордания), Х. Асада (Сирия), С. Хусейна (Ирак) и М. Каддафи (Ливия).

В «Зеленой книге» М. Каддафи указывается: «Народ в основе своей состоит из совокупности племен, и люди, не принадлежащие ни к какому племени, встречаются редко». ²⁹ Это – явная отсылка к известному изречению из Корана: «Мы создали вас народами и племенами» (сура 49 «Комнаты», аят 13). Именно поэтому «народы и племена» представляют собой для любого исламского общества дарованные Всевышним формы общественного состояния, от которых попросту невозможно отказаться. Применительно к трайбализму это делает его освященным кораническим посланием и потому по сути имеющим для арабо-мусульман непреходящий характер.

Отсюда и другие рассуждения Каддафи: «Племя – это большая семья. Нация – это племя, но племя разросшееся в результате увеличения потомства, то есть нация –

это большое племя. (...) Нация – это межплеменные связи, племя – это междусемейные связи. Прочность этих связей снизу вверх ослабевает. Это общеизвестная истина, отрицать которую невозможно».³⁰ Последние тезисы о прочности связей и их ослабевании «снизу вверх» – почти цитата из Ибн Хальдуна.

Невозможно не заметить, что средневековые исследования Ибн Хальдуна о характере существования и взаимодействия племен, о групповой солидарности, идущей с уровня племени и достигающей общегосударственной планки (в качестве скрепы правящей династии), о соотношении «бедуинского уклада» и «городского» (цивилизации) и о цикле существования династии в течение четырех поколений в невероятно высокой степени «ложатся» на ситуацию в Ливии за последние 300 лет. Причем постоянный спор между ливийскими племенами и государством (Османским, династий Караманли и Сенуси) хоть и проходил в различные периоды с разной степенью интенсивности, не прекращался даже после революции 1969 года. Он то обретал форму межплеменных войн, поскольку за одним из протагонистов зачастую стояла государственная власть, то выливался в попытки обособления (Киренаика против Триполитании), то уходил в сферу налогообложения, когда те или иные племена отказывались платить. Пока племена были союзны властям, последние не видели в них проблему, когда возникали конфликты, государство начинало критически отзываться о родоплеменных отношениях и обычаях, старалось прижать их.

Наиболее острое неприятие, пусть и по большей части в теоретической плоскости, трайбализм вызывал у пришедших к власти в арабских странах во второй половине XX века левых и националистических сил. Включая Ливию. Поэтому лидер Джамахирии повторил в своих трудах известные установки, взятые в свое время на вооружение идеологами Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ, она же Баас): «Трайбализм,

преданность своему племени подрывает национальные чувства, ослабляет преданность своей нации и идет ей во вред».³¹ Но, как и у ближневосточных баасистов, теория и практика у Каддафи не всегда сходились воедино. Так, введенный полковником запрет на политические партии сыграл трайбализму на руку, содействовал тому, что естественные для любого общества разделительные линии остались родоплеменными. В том числе внутри политического руководства, народных комитетов всех уровней и силовых структур.

Одновременно с этим при Каддафи, несмотря на декларируемое негативное отношение к трайбализму, взаимодействие с обществом во многом строилось на племенной основе. Одни племена оказывались в фаворе, другие получали немилость. Причем на коллективной основе, хотя вызвано это было отношением к тем или иным конкретным персоналиям. Таким путем в Ливии сложилась ситуация межплеменного соревнования за социально-экономические преференции. Если какие-то племена их не получали и не видели пути добиться своего – они за небольшими исключениями консолидировано переходили в оппозицию властям.

Одним из показателей того, что Каддафи со всей серьезностью относился к фактору племен, может служить созванная им 9-го июня 2011 г. в Триполи «Национальная встреча шейхов и старейшин ливийских племен». Ему была нужна опора в племенах, чьи лидеры могли осудить (и осудили) действия антиправительственных сил, а могли и переметнуться на их сторону. В итоге, как мы знаем, племена раскололись и в таком расколе дошли до момента смены режима, после чего одни стали считать себя победившими, а других – проигравшими. Последних новая власть сразу же начала держать «в черном теле», забывая, что бедуинский закон отмщения за нанесенные обиды никто не отменял. Критическая масса обид вскоре «выстрелила» при генезисе текущей ливийской гражданской войны в 2014 г.

События 2011 года привели к беспрецедентному за последние полвека вооружению племен, которые в силу этого фактора могут теперь выступать в качестве отобилизованной военной единицы крупного масштаба. И уже выступают. Выше цитировался шейх племени Обейдат, который убежден, что в стране попросту идет межплеменная война, замешанная не на идеологических противоречиях (которых, по сути, нет из-за очевидного отсутствия идеологии, за исключением исламистов), а на стремлении получить максимальный доступ к власти, то есть к распределению материальных благ. Отсюда, кстати, и корни лозунга мисуратцев с союзными им племенами о том, что они «защищают революцию» (2011-го года против Каддафи) от попыток обратить ее вспять. Под последним имеются в виду требования племен Киренаики и юга о более справедливом распределении системы власти в Ливии, где «власть» означает доступ к финансовым и иным ресурсам.

На взаимоотношения внутри ливийского общества продолжает также оказывать определенное влияние историческая память племен о том, с кем и за что они воевали в прошлые века, какие обиды кто кому причинил. Так, с конца XVIII века племя Обейдат боролось с Ауляд Али и в итоге оттеснило их ближе к Египту и в сам Египет. В начале XIX века правитель Юсеф Караманли с рядом союзных племен начал кампанию против аль-Джавази, аль-Маджарба и аль-Джалялят и в 1816 г. провел резню аль-Джавази, вынудив остатки племени бежать в Египет. С 1860 по 1890 гг. воевали Барааса (за которыми стоял Стамбул) и Обейдат. Примеров много. При этом отдельные крупные племена не представляют собой монолитного консолидированного целого, в зависимости от мест базирования (обычно по линии запад-восток-центр) одни кланы имеют одну повестку, другие – иную. Поэтому нередки ситуации, когда различные авторитеты внутри одного и того же племени нещадно критикуют друг друга за политические и военные предпочтения, выпячивая себя

как истинных представителей этого племени и выставляя оппонентов чуть ли не самозванцами.

В отсутствие реальных политических партий (политическое крыло «братьев» оставим за скобками) базовыми общественно-политическими структурами выступают племена и племенные объединения. Которые получили свои «представительные органы». Таковых в стране с 2011 года создано и функционирует более сотни. Как претендующих на вселивийский и провинциальный/ районный масштаб, так всякого рода консультативных, координационных и молодежных советов в конкретных племенах. Примеры: Совет вождей Ливии (مجلس حكماء ليبيا), Высший совет шейхов и старейшин Ливии (المجلس الاعلى لمشايخ واعيان ليبيا), Ливийская организация племен шерифов и марабутов³² (المنظمة الليبية لقبائل الاشراف والمرابطين), Совет старейшин и шейхов Большой Адждабии (مجلس اعيان ومشايخ اجدابيا الكبرى), Высший совет старейшин и вождей города Зинтан (المجلس الاعلى لاعيان وحكماء مدينة الزنتان), Совет вождей Бенгази и окрестностей (مجلس حكماء بنغازي وضواحيها), Общественный совет племен Варфалла (المجلس الاجتماعي لقبائل ورفلة), Общественный совет племени Магарба (المجلس الاجتماعي لقبيلة المغاربة), Высший политический и общественный совет племени Зувайя (المجلس الاعلى السياسي والاجتماعي لقبيلة ازوية), Молодежный совет племени аль-Джавазы (مجلس شباب قبيلة الجوازي), Ассоциация молодежи племени аль-Амаим в Восточной территории (رابطة شباب قبيلة العمائم بالمنطقة الشرقية) и т.п.

В рамках политического процесса начались и идут контакты по регионально-племенному принципу. Среди примеров: 31 июля 2017 г. в Каире состоялись переговоры между делегациями Мисураты во главе с Фатхи Башагой и Абуль-Касемом Кзейтом, с одной стороны (всего 28 мисуратовских представителей), и «общественной делегацией Восточной Ливии», с другой. Восточноливийские общественники – это в основном шейхи и авторитеты тамошних племен. Целью переговоров было разъяснение подходов друг друга к ливийским делам и поиск

точек соприкосновения. Как показали дальнейшие события, взаимопонимания не получилось, однако сам путь нащупывания выхода из ливийского противостояния через договоренности между родоплеменными вождями трудно назвать контрпродуктивным.

В течение 2018-2019 гг. окончательно оформилось понимание большинством ливийских акторов того, что племена и региональные группы превратились в решающую военно-политическую силу, с которой необходимо работать и привлекать на свою сторону. Еще один нюанс в этой ситуации – целый ряд высокопоставленных силовиков и тысячи представителей младшего и среднего офицерского состава времен Каддафи являются выходцами из влиятельных племен и в настоящий момент находятся в своих домах в зоне племенного расселения или в эмиграции. С одной стороны, это своего рода элита племен, с другой, – позиция таких людей по отношению к происходящему формируется сегодня в основном сквозь призму интересов племени.

В ситуации, когда в состоянии фактической дисфункции находятся не только органы госвласти, но и законодательные структуры, право выражать мнение ливийского народа де-факто перешло на племенной уровень. Соборы авторитетов племен способны не только говорить от имени общества, хоть и не обязательно всего, но также обеспечивать легитимность тем или иным решениям, действиям, структурам. Так, та же ЛНА – это не просто вооруженные силы, поддерживаемые легитимным ливийским парламентом, находящимся в Тобруке, но еще и многими племенами, что дает данной армии абсолютно иной статус в рамках ливийских политических «уравнений».

Именно поэтому, как представляется, Египет обратился к представителям ливийских племен в вопросе о возможной военной акции для противодействия турецкому вмешательству в Ливии. В июле 2020 г. в Каире побывала весьма представительная делегация трайбалистских

лидеров. Всего около 180 человек, порядка 50 из которых – шейхи того или иного уровня:

- Салех аль-Атьюш аль-Маграби (племя Магарба),
- Салех аль-Фенди (племя Тархуна),
- аш-Шареф аль-Амами (племя Амаим – Киренаика),
- Салех Бу-Хрейс аль-Кизза³³ (племя Авакир – Бенгази),
- Валид Брейк аль-Лаваты аль-Акури (племя Авакир),
- Хафез Хаттаб аль-Манфи (внук Омара аль-Мухтара, племя аль-Манфа),
- Мифтах Маатук аль-Варфалли (племя Варфалла),
- Сулейман Бу-аль-Хана ад-Дараси (племя ад-Дараса),
- Саад Бу-Харуба ад-Дараси (племя ад-Дараса),
- Насер ас-Сакет ад-Дараси (племя ад-Дараса),
- ат-Тейиб аш-Шариф Хейралла (племя Обейдат),
- Мифтах Ахмед Абдель Кадер аль-Кейлуши (семейство из Триполи),
- Али ат-Туб аль-Катрани (марабутский клан аль-Катарна в Киренаике/ племя Авакир),
- Абдель Салям Абдель Аты аш-Шаер аль-Баргати (племя Барагта/ Барагса),
- Абдель Салям Бу-Хирака (аль-Харари) (шейх кланов Марабутов),
- Али Бу-Наджим аль-Маграхи (племя аль-Магарха),
- Абдель Карим Машгур аль-Арафи (племя аль-Арафа),
- Фатхи Обейд аль-Арафи (племя аль-Арафа),
- Мифтах Махмуд аль-Махмуди,
- Абдель Аты аль-Махмуди (шейх аль-Махамид),
- Ибрагим Халед ат-Тарики (один из лидеров ливийских туарегов),
- Али Мухаммед Барака ат-Табауи (один из лидеров Тубу),
- Мухаммед Идрис аль-Магриби (племя аль-Магарба),
- Джумаа аль-Хаташ (один из шейхов Аждабии),
- Мустафа Абдель Кадер ар-Ракъи (племя аль-Магарба),
- ас-Сенуси аль-Халик аз-Зувай (племя Зувайя),
- Салем Бу-Харура аз-Зувай (племя Зувайя),
- Мансур Ибсейс аль-Манфи (племя аль-Манфа),
- Атайя Бу-Рафия аль-Манфи (племя аль-Манфа),

- Мифтах Бу-Хусейн ат-Таджури (аль-Магарха/ Бенгази),
- Мухаммед Хасан аль-Мидфаа аль-Амуруни (племя Авакир),
- Али Бу-Камра аль-Амуруни (аль-Акури) (племя Авакир),
- Мухаммед Саид Джарбуа аль-Абиди (племя Абид),
- Салех Гейдан аль-Обейди (племя Обейдат),
- Радван Саид Мхейвар аш-Шейхи (племя Ауляд аш-Шейх),
- Биль-Ид Абдалла аш-Шейхи,
- Мухаммед Ибрагим аль-Маджбари (племя аль-Маджабра),
- Абдель Хамид аль-Хадр аль-Фарджани (племя Фарджан/ Тархуна),
- Мухаммед Мутар аль-Фарджани,
- Хмейд Саид аль-Хаббуни (племя Хаббун – Тобрук/Бенгази),
- Атыйя Салем Дрейна аль-Ашейби (племя Ашейбат),
- Саад аль-Варшафани,
- Абдалла Джумаа аль-Варшафани (гендиректор Международной выставки Бенгази, член Ливийско-египетской торговой палаты),
- Али аль-Ауджали аль-Акури (племя Авакир),
- Насралла Хасан ас-Суэиты (марабутское племя Суэйт, примыкающее к Авакир),
- Мухаммед Бу-Фадыля ас-Суэиты,
- Джамаль Мухаммед аш-Шейбани (племя Ганаима из Тархуны),
- Ибрагим Бу-Хрейба аль-Бараасы (племя Барааса),
- Сулейман Бу-ль-Арида аль-Бараасы (племя Барааса),
- Ахмед Наср аль-Хаси (племя аль-Хаса),
- Тахер Абдель Расул аль-Арави (племя Ауляд Али/ Тобрук),
- Бель-Касем Мади Дарбук (аль-Миграхи) (племя Магарха),
- Мухаммед аль-Мисбахи (глава канцелярии Высшего совета шейхов и племен Ливии),
- Фарадж Абдель Джавад аль-Кутаани (племя Кутаан),
- Мраджиа аль-Каши,
- Гарун аль-Аббар (племя Авакир),
- Рхейм Халед аль-Фрейт аль-Кабаили (племя Кабаиль – Адждабия),

- Гейс Абдель Хафиз аль-Фахери (марабутское племя аль-Фавахер),
- Фадлалла Рафалла аш-Шальви (один из старейшин Дерны).

Не будем детально разбирать авторитетность и позиции данных персоналий в масштабах своих племен и Ливии в целом. Как показывает практика, шейхов в арабских племенах обычно не один и не два, поэтому поле для политического маневра всегда есть и у племенных вождей, и у самих племен. Выше уже говорилось, что большая часть восточноливийских племен поддерживает ЛНА и на своем трайбалистском уровне выступает оппонентами западноливийских родоплеменных и территориальных клановых групп. Есть племена, где нет консолидированных подходов, и отдельные ветви могут занимать противоположные позиции в отношении политиков в Триполи/ Мисурате или Тобруке/ Бенгази.

В силу того, что ливийское общество вновь трайбализировалось до степени, существовавшей в XVIII-XIX веках, любые усилия по воссозданию централизованного государства должны будут иметь дело с этим фактором. Он, что называется, теперь установился всерьез и надолго. Поскольку прошлых сценариев объединения страны вокруг внеплеменной (тюркской, как в случае с Караманли) или религиозной (орден Сенуситов, который, кстати, тоже не ливийского происхождения) основе явно не предвидится, взаимодействие с родоплеменным сообществом и получение его благословения на власть – неизбежность. Без коллективного соучастия племен невозможен и переход (причем далеко не быстрый) к новой государственной идеологии и обретению общеливийского самосознания/ идентичности. Которые затем начнут ослаблять роль племен до уровня, приемлемого в современном государстве.

Но разговаривать с племенами необходимо уже сейчас. Работа на политическом уровне с институтами и

персоналиями, являющимися, по сути, местными копиями европейских аналогов, искомого результата скорее всего не даст. Хотя для внешних «сопровождающих» ливийского политического процесса понятны и удобны как раз привычные формы – министры, парламентарии, лидеры партий. Однако это, по всей видимости, мимикрия, поскольку органичным образом появиться изнутри ливийского общества все это попросту не могло. В текущих реалиях Ливии такое не работает или работает в весьма ограниченном масштабе и гораздо ниже средней планки. По состоянию на конец 2020 года такой вывод представляется очевидным и давно назревшим.

¹ Причем на это не повлияло даже то, что самую протяженную береговую линию в Северной Африке – 1900 км – имеет именно Ливия, и население, казалось бы, должно было находиться преимущественно в средиземноморской зоне с ее более мягким по сравнению с пустыней климатом, многочисленными рыбными и иными ресурсами, а также прекрасными условиями для выгодной морской торговли.

² Hüsken, Thomas. *Tribal Politics in the Borderland of Egypt and Libya*. – Palgrave MacMillan – Springer International Publishing, Switzerland, 2018. С. 15.

³ https://arabic.sputniknews.com/arab_world/201910151043156812-ليبيا-أحد-مشايخ-برقة-ما-يحدث-في-بلادنا-قتال-بين-قبيلة-وقبيلة-ومدينة-وأخرى-

⁴ Там же.

⁵ Mohammed Ben Lamma. *The Tribal Structure in Libya: Factor for fragmentation or cohesion?* // Observatoire du Monde Arabo-Musulman et du Sahel. Foundation pour la Recherche Strategique. September 2017. С.8.

⁶ Ladjdall, Tarek. *Tribe and State in history of modern Libya: a Khaldunian reading of the development of Libya in the modern era 1711-2011*. // Cogent Arts and Humanities, Vol 3 (1), December 2016.

⁷ Каддафи, Муаммар. *Зеленая книга* / Пер. с араб. М., 2000. Часть 3, с.91.

⁸ Tarkowski Tempelhof, Susanne and Omar, Manal. *Stakeholders of Libya's February 17 Revolution* // United States Institute of Piece Special Report. January 2012. С.8-9.

⁹ Ladjdall, Tarek. *Tribe and State in history of modern Libya: a Khaldunian reading of the development of Libya in the modern era 1711-2011*. // Cogent Arts and Humanities, Vol 3 (1), December 2016.

¹⁰ Саади – это 14 племен Восточной Ливии, которые объединены в два «лагеря» – Хараби (шесть племен, см. ниже) и Джабарна – восемь племен: аль-Арафа (العرفة), аль-Абид (العبيد), аль-Авакер (العواقير), аль-Арейбат (العريبات), аль-Джавазы (الجوازي), аль-Джалялят (الجلالات), аль-Маджабра (المجابرة) и аль-Магарба (المغاربة). Имя Саади идет по имени их прапращур Суады бинт Халифа бен Мазкур аз-Занати. Хараби – от имени родоначальника по имени Харб (вариант: Мухареб), Джабарна – от имени родоначальника по имени Джибрин. В 2017 г. Джабарна создали свой отдельный «Совет племен аль-Джбарна» со штаб-квартирой в Бенгази.

¹¹ Барааса, Обейдат, аль-Хаса, ад-Дараса/аль-Адраса (الدرسة/الادرسة), Фаед/аль-Фаваид (الفوائد), и Ауляд Хамад. Именуются Хараби, поскольку происходят от некоего Хавваса ибн Харба (Мухареба) бен Аккара бен Дияба.

¹² Конфедерация из 16 племен – аль-Катан, аль-Айяма, аз-Завий, аш-Шуаир, аль-Фавахир и др. При этом марабуты – это не только кочевые племена, но и клановые структуры внутри других племен, ведущие свою родословную от одноименного религиозного братства, возникшего на территории Марокко и известного также как Мурабитуны или Моравиды.

¹³ Стандартно называют 63 племена, среди которых: аль-Абатат (العباتات), аль-Авамер (العوامر), Ауляд Тархун (اولاد ترهون), аль-Баракат (البركات), аль-Бахалиль (البهاليل), аль-Джлас (الجلاص), аль-Каракта (القراطة), аль-Мазауга (المزاوغة), аль-Махада (المهادى), ан-Наайджа (النعايجة), ар-Рахаймия (الرحايمية), ат-Таршан (الطرشان), аль-Фарджан (الفرجان), аш-Шафатра (الشفاترة) и др.

¹⁴ Правление Караманли датируется периодом 1711-1835, им на смену пришла династия имамов Сенуси (1843-1969), по-

следний из которой стал королем Ливии под именем Идриса I. Он был свергнут в 1969 г. группой молодых офицеров во главе с М. Каддафи.

В русской традиции принято писать Караманли, на турецком языке – Караманлы (Karamanlı). Их родословную возводят к анатолийской тюркской (но не османской) династии Караманидов (1250-1487).

¹⁵ Najem, Faraj. *Libyan Tribes in diaspora // Libyan Studies # 34* (2003) (published as Annual Report of Society for Libyan Studies. Acting editor – Victoria Leitch, University of Durham, UK). С. 121.

¹⁶ <https://www.arabnews.com/node/1705546/middle-east>

¹⁷ См. также сноску 13.

¹⁸ Ее дети – Сейф-аль-Ислам Каддафи (род.1972 г.), Саади (род. 1973), Мутассим Биля (1974-2011), Сеиф-аль-Араб (1982-2011), Ганнибал, Айша, Хамис. То, что Сейф-аль-Ислам по матери из Барааса и сегодня делает племя заинтересованным в его политическом восхождении.

¹⁹ Не путать с племенем аль-Барагса (البراغثة), которое двумя частями находится в Киренаике и Бени Валиде. Их представитель аль-Махди аль-Баргаси (البرغثي) был выдвинут на пост министра обороны в Правительстве национального согласия в Триполи.

²⁰ От арабского слова «угол» – молитвенный дом, уединенное место в религиозной атрибутике суфийских братств. Позднее трансформировались в целые комплексы с мечетью, жильем для духовного наставника (шейха) и его учеников, а также гостиницами для паломников. Зачастую из завии вырастали целые деревни, поскольку людям было удобно селиться там, где уже появлялись мечеть, колодец (даже бассейны для омовения), первые дома и небольшая инфраструктура для коллективной жизни.

²¹ Тюркское «кул», весьма часто встречающееся, в том числе, в татарско-башкирских и среднеазиатских фамилиях, по сути дублирует арабское «абд» (раб, невольник), но толкуется не столько как раб в его изначальном значении, сколько как слуга,

холоп, челядинец, работник. Любопытно, что при династии Сефевидов словом «куллар» (кул во множественном числе) называли наемные войска, так что термин даже может иметь какую-то связь с войсками янычар.

²² Оставшаяся в Ливии часть тюркского семейства Караманли, которая правила страной в 1711-1835 гг. и была выслана затем Османскими властями в Турцию.

²³ Мигрировали из Турции в египетскую Александрию и Бенгази, затем обе ветви обосновались в Мисурате.

²⁴ Относятся к триполийским Кураглы, однако об их происхождении имеются разные версии, включая итальянское, поскольку имя Набули якобы может означать «неаполитанец».

²⁵ Из них уехавший в Египет в конце 1970-х и ставший крупным бизнесменом Хасан Салах-эд-Дин Татанакки.

²⁶ <https://turkish.aawsat.com/home/article/2057371/erdođanın-libya'daki-türkler-açıklaması-anlama-geliyor>

²⁷ Fehim Tastekin. *Are Libyan Turks Ankara's Trojan horse?* August 26, 2019 (электронная версия:

<https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/08/turkey-libya-are-libyan-turks-ankaras-trojan-horse.html>)

²⁸ Ayşe Betül Bal. *Haftar Deliberately targeted Libya's Turkish diaspora* // Daily Sabah, January 24, 2020.

(<https://www.dailysabah.com/politics/2020/01/24/haftar-deliberately-targeted-libyas-turkish-diaspora>).

²⁹ Каддафи, Муаммар. *Зеленая книга* / Пер. с араб. М., 2000. Часть 1, с.24.

³⁰ Каддафи, Муаммар. *Зеленая книга* / Пер. с араб. М., 2000. Часть 3, с.89.

³¹ Каддафи, Муаммар. *Зеленая книга* / Пер. с араб. М., 2000. Часть 3, с.93.

³² Шерифы – потомки пророка, марабуты (мурабитуны) – потомки членов одноименного религиозного братства, создавшего в Средние века на территории Марокко свое государство.

³³ Ранее занимал пост председателя Торгово-промышленно-аграрной палаты Бенгази и состоял членом Генерального союза торговых палат Ливии.

В.М. Ахмедов

О РОЛИ ИРАНА В СИРИЙСКОМ КРИЗИСЕ: ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

После распада СССР Иран фактически занял прежнее место Советского Союза в Сирии.

Тегеран прочно закрепился в социальной ткани сирийского общества. Свободно чувствовал себя в коридорах сирийской власти, пытаясь оказывать возрастающее влияние на принятие важных политических решений. Активно действовал в торгово-экономической и военной сферах¹.

Иран установил негласные, но прочные связи и контакты с наиболее боеспособными отрядами вооруженной и политической сирийской оппозиции, в частности с «Братьями-мусульманами». Все это позволяло Ирану фактически контролировать действия сирийских властей и отчасти управлять сирийским кризисом в своих интересах.

Такого уникального положения в Сирии Ирану удалось добиться в результате поэтапной абсорбции сирийских элит и социума, подчинения их своим интересам, что явилось результатом последовательной политики ИРИ в политической, военной и экономической сферах жизни САР.

Сирийско-иранские политические отношения имеют давнюю историю. Особенно активно они стали разви-

* Статья подготовлена старшим научным сотрудником Института востоковедения РАН В.М. Ахмедовым.

ваться с начала 1980-х гг. В то же время многие успехи Ирана по проникновению в Сирию связаны с развитием ирано-сирийских экономических отношений. Торгово-экономическое сотрудничество между Сирией и Ираном началось лишь в 1995 г. с ноты о взаимопонимании. В 2006-2007 гг. были подписаны соглашения о сотрудничестве в научно-технической, административной, таможенной, финансовой сферах, о совместной разработке и добыче нефти в Сирии, сооружении энергетических объектов².

Однако несмотря на географическую близость двух стран, общность культур, социальных связей и обычаев, товарооборот двух стран на рубеже 1990-х – начала 2000-х гг. оставался весьма незначительным. Структура сирийского экспорта в Иран практически не менялась на протяжении последних десятилетий до начала сирийских событий. Сирия ограничивалась поставками в Иран в основном хлопка, скота, мощщих препаратов, растительных масел и некоторых продуктов питания. В то же время иранский импорт в САР был более диверсифицирован, а его состав оказался значительно динамичнее. Иран экспортировал в Сирию широкую номенклатуру товаров, начиная от фисташек и заканчивая автомобилями. В структуре иранского экспорта была достаточно велика доля техники, разнообразного промышленного оборудования³.

В начале 2006 г. Иран и Сирия подписали соглашение о предоставлении режима наибольшего благоприятствования в двусторонней торговле. Однако спустя год оно не вступило в силу. Для того чтобы ускорить процесс вступления в действие этого соглашения во время визита сирийского премьер-министра в ИРИ в начале 2007 г. был подписан ряд дополнительных документов, регламентирующих двустороннюю торговлю⁴. Несмотря на это, торговля с Ираном имела для Сирии отрицательный баланс. Так, если Иран экспортировал в САР в 2004 г. товаров на сумму в 55 млн долл., то Сирия в ответ смогла поставить в Иран товаров на сумму около 3 млн долл. Таким образом, сирийский импорт в Иран был в десятки раз

меньше сирийского экспорта и составил 1% всего товарооборота САР⁵. По данным Министерства экономики и торговли САР общий объем товарооборота двух стран в 2005 г. составил 100 млн долл. В 2006 г. этот показатель удвоился и составил 200 млн долл. Такой значительный рост объяснялся прежде всего увеличением размера иранских капиталовложений в сирийскую экономику и частичным осуществлением некоторых иранских проектов в Сирии.

Общий объем иранских капиталовложений в сирийскую экономику составил к 2007 г. около 1 млрд долл. Особое внимание Иран уделял инвестициям в такие отрасли сирийской экономики, как энергетика, водоснабжение, добыча нефти и газа, транспорт и связь. Иран также выдвинул ряд предложений по новым инвестиционным проектам в САР, которые представляли собой дополнительный шаг в расширении сирийско-иранского сотрудничества в различных областях экономики.

Однако большинство этих проектов оставалось на бумаге и не находило практического воплощения. Основными препятствиями скорейшей реализации этих проектов являлись задержка с окончательным изучением деталей их исполнения, не до конца разработанная законодательная база, отсутствие внятных договоренностей по взаимовыгодным инвестиционным условиям. В то же время, согласно официальным сирийским данным, к июлю 2007 г. был выполнен ряд проектов. Удалось частично завершить строительство нефтеперерабатывающего завода в г. Баньясе. Общая сумма выполненных работ составила 8 млн долл. Построены электростанции в ряде сирийских городов на 20 млн долларов. Завершен проект орошения полей в Халебе (Алеппо) стоимостью 12 млн долл. Построен завод по переработке масел в провинции Дамаск на сумму 7 млн долл. Из проектов, находящихся в стадии выполнения, можно упомянуть запуск новой электростанции в Баньясе и ее подсоединение к общей электросети. Общая стоимость этого проекта составляла 60 млн долл.

Был выполнен значительный объем работ по созданию трансформаторных подстанций высокого напряжения в ряде сирийских городов⁶.

Таким образом, на рубеже 1990-2000-х гг. торгово-экономические связи между двумя странами активно развивались. Однако с началом сирийских событий в марте 2011 г. эта сфера ирано-сирийских отношений отошла на второй план, уступив место политическому и военному сотрудничеству.

С самого начала сирийских событий Иран принял в них активное участие. ИРИ оказала мощную поддержку сирийскому режиму в удержании власти в стране и противодействии вооруженной и политической оппозиции. Наряду со снабжением сирийских властей оружием, бойцами и советниками, финансами и предоставлением политической поддержки Иран доставил в Сирию из Афганистана, Ирака и Ливана бойцов, из которых в дальнейшем были сформированы милицейские отряды, сражавшиеся на стороне правящего режима.

Одной из серьезных проблем, осложнявших проведение Ираном собственной политической линии в сирийском кризисе, являлась идеологическая основа политики ИРИ в этой арабской стране. Иран пытался на практике применить известную идеологию о создании и укреплении «оси сопротивления по линии Багдад, Дамаск, Бейрут и Газа», которая, по мысли иранских клерикалов и пассионарно настроенных военных, должна была своим острием упираться в «сердце» Израиля. А само Государство Израиль должно было быть уничтожено. К тому же Иран практиковал шиитизацию части сирийского населения, пытаясь таким образом приобрести как можно больше союзников среди сирийцев и мобилизовать их на решение собственных задач.

Тегеран активно вмешивался в механизм работы сирийских вооруженных сил и органов безопасности. Корпус стражей исламской революции (КСИР) создавал в составе сирийской армии лояльные ИРИ подразделения, личный

состав которых индокринировался на религиозной основе. Обилие шиитских милиций в САР, находившихся под контролем Ирана, серьезно осложняло сотрудничество ИРИ со своими партнерами из России и Турции⁷.

В 2019 г. роль Ирана в Сирии заметно усилилась. Стратегия ИРИ в сирийском кризисе перешла в новую фазу, которая характеризовалась рекрутированием лояльных правящему режиму сирийцев в вооруженные формирования, которые действовали под прямым административным и оперативным контролем КСИР, опираясь на Силы местной обороны (СМО) и вновь образованные милицейские бригады.

Силы национальной обороны (СНО) были созданы в 2012 г. при непосредственном участии Ирана в качестве вспомогательных вооруженных формирований национальной сирийской армии. В конце 2017 г. в восточных районах Алеппо (Халебе) были образованы схожие вооруженные формирования – Силы местной обороны (СМО).

В состав СМО вошли несколько мелких милицейских отрядов, которые действовали под непосредственным управлением Ирана. В то же время СМО не имели какого-либо легального статуса в Сирии.

Чтобы избежать ранее допущенных ошибок при создании СНО, Иран структурно связал СМО с национальной армией САР. Недавно СМО обновили свой статус и официально вошли в состав национальных вооруженных сил САР. Однако до этого срок службы в составе СМО им не был засчитан.

6 апреля 2017 г. президент Б. Асад подписал представленный ему административно-организационным управлением ВС САР с подачи иранцев документ в виде специального меморандума с предложениями по формализации статуса гражданских и военных лиц из числа сирийских граждан, которые активно сотрудничали с Ираном в период сирийского кризиса⁸. Этот документ подписали также начальник административно-организационного управления Аднан Мехрез Абдо, начальник Генерального

штаба (ГШ) Вооруженных сил (ВС) САР Али Айюб и министр обороны САР Ф. Д. аль-Фрейж.

В упомянутом документе были прописаны различные аспекты деятельности СМО. Это касалось права на компенсацию семьям в случае гибели бойца как «борца за веру», амнистии призывникам, пытавшимся избежать службы в армии, и дезертирам. Общий состав СМО, подразделения которых предлагалось дислоцировать во всех провинциях Сирии, составил около 89 тыс. человек. Помимо этого примерно 52 тыс. человек составляли бывшие дезертиры и уклонисты от призыва, которые сотрудничали с иранцами.

Из их числа предлагалось сформировать отдельные подразделения. Общая численность гражданских специалистов, которые на протяжении последних 2 лет сотрудничали с иранцами, составила немногим более 37 тыс., которых также предлагалось включить в состав СМО.

Общее командование СМО осуществлялось непосредственно иранскими военными в координации с Министерством обороны (МО) САР. При этом материальные гарантии раненым, убитым, пропавшим без вести и их семьям обеспечивала иранская сторона. Таким образом, общий состав СМО, включая аффилированные с ними провинциальные отряды, должно было составить свыше 170 тысяч человек. Наиболее активное участие бойцы СМО в количестве 45 тыс. человек принимали в боевых действиях против вооруженной сирийской оппозиции, особенно в районах юга Алеппо весной 2018 г. Это иранская бригада «Аль-Бакир», «Джейш аль-Махди», бригада «Имама аль-Хусейна» и бригада «Ас'ад Алла аль-Галиба», которые состояли из сирийцев и сражалась преимущественно в районах Алеппо (Халеба), Дейр эз-Зора, Дамаска с пригородами и Латакии.

Характерно, что за исключением бригады «Аль-Бакир», идеология которой базировалась на племенных верованиях, остальные исповедовали шиитское учение имама М. ас-Садра. Наряду с ними в районах северного Алеппо

сражались милицейские формирования «Нубул» и «Захра», которые также состояли из сирийцев и исповедовали идеологию, основанную на учениях имама Хомейни.

В начале 2018 г. к СМО присоединились наиболее боеспособные части: бригады «Дошка», «Ас-Сафира», «Аль-Берри», «Аль-Хикма», а также другие подразделения «Ан-Найраб», «Исламское сопротивление в Сирии», «Ар-Рида», «Ар-Радван», «Сукур ад-Дахер», «Хан аль-Асаль», «Бригада 313», «Христианские силы аль-Гадаб», «Имам Зайюб аль-Абидин», группа «Аль-Кирш».

В основном они состояли из сирийцев и незначительного числа ливанцев и иракцев и действовали в районах Алеппо (Халеба), Хама, Хомса, Ракъа, Идлиба, Пальмиры, Латакии.

В результате проведенных ими операций, в том числе и против «Исламского государства» (ИГ, запрещено в РФ), они сегодня контролируют значительную территорию от юго-восточных районов Дейр эз-Зора, южных пригородов Ракъа до восточных кварталов Алеппо.

Несмотря на международные соглашения об ограничении присутствия Ирана на юге Сирии, ИРИ продолжила расширять свой контроль над этим районом⁹. В ноябре 2017 г. по инициативе КСИР в составе южного фронта ВС САР была создана «Бригада 313».

В этом же году в городе Изръа (провинция Деръа) ею был открыт вербовочный пункт по набору бойцов. За короткий период времени им удалось привлечь в свои ряды более 200 сирийцев, которым были выданы документы с эмблемой КСИР, что позволяло им беспрепятственно проходить через все посты сирийской армии. Штаб-квартира «Бригады 313» располагалась в 30 км от границы с Иорданией и 45 км от границы с Израилем. Это нарушало ранее достигнутые в Гамбурге соглашения между Москвой и Вашингтоном¹⁰. Однако данный факт, по-видимому, несколько не смущал Иран, и он продолжал наращивать силы этого подразделения за счет привлечения новых бойцов, в том числе из Ливана, Ирака и Афганистана.

Подобная активность Ирана заметно осложнила отношения с Россией и Турцией и вызвала резкую ответную реакцию со стороны Израиля и США, которая выразилась в постоянных авиаударах израильских ВВС по иранским объектам в САР.

Несмотря на то, что израильские и американские удары по иранским объектам в Сирии продолжают до сих пор, они не могут ощутимо повлиять на прочность иранских позиций в этой арабской стране. Подконтрольные Ирану территории не сокращаются, а скорее наоборот, имеют тенденцию к росту и отмечены разной степенью глубины проникновения в местные сферы безопасности, общественной инфраструктуры, экономики.

После относительного улучшения делового климата в САР Иран получил возможность заметно активизировать усилия по укреплению своего экономического присутствия в различных сферах промышленности и торговли, финансовом секторе САР. Одним из важных результатов подобной деятельности Ирана стала активизация им работы своих сирийских деловых партнеров, что позволило Тегерану свободно развивать экономические отношения с Сирией в обход американских и международных санкций.

Так, в январе 2019 г. в Дамаске открылся Сирийско-иранский деловой форум (СИДФ). В его работе приняли участие первый вице-президент ИРИ Эсхак Джахангири и премьер-министр САР Имад Хамис. На форуме были представлены многочисленные сирийские и иранские компании и бизнесмены из двух стран. Это была первая встреча подобного рода в 2019 г. в Сирии.

В октябре 2018 г. представительная делегация сирийских бизнесменов во главе с генеральным секретарем Федерации торговых палат Сирии (ФТПС) Мухаммедом Хамшо находилась с визитом в Тегеране. В ходе визита состоялись встречи с представителями иранского Министерства дорожного и жилищного строительства. Во время переговоров обсуждались различные пути развития сотрудничества между Ираном и Сирией в торговой и

промышленной сферах экономического развития двух стран. Эти два вышеотмеченных события заложили основу для дальнейшего укрепления и развития экономических отношений между Ираном и Сирией в условиях непрекращающегося сирийского кризиса.

Упомянутый выше визит сирийской делегации ФТПС в Тегеран в октябре 2018 года стал первым подобного рода мероприятием с середины 2011 г. Этот визит стал результатом активного давления посла Тегерана в Дамаске на сирийский режим.

Иран стремился восстановить двусторонние торгово-экономические отношения, особенно после возобновления работы на юге Сирии в районе сирийско-иорданской границы КПП «Ан-Насиб».

Иран также надеялся на установление прямых деловых отношений с лояльными режиму известными сирийскими бизнесменами и добивался заключения с ними выгодных инвестиционных контрактов. Одним из явных примеров такого сотрудничества могут служить отношения между ИРИ и Мухаммедом Хамшо, особенно после того, как последний выкупил долю компании «Ас-Султан» в сирийско-иранском консорциуме «Сиамко», специализирующемся на производстве автоматических устройств.

Визиту сирийской делегации в Тегеран в 2018 г. предшествовал ряд подготовительных деловых поездок представителей иранских деловых и политических кругов в Дамаск. Со своей стороны сирийский министр энергетики посетил Тегеран, где объявил о достигнутых с Ираном соглашениях о реконструкции и строительстве новых электростанций в Латакии, Алеппо (Халебе) и Дейр эз-Зоре.

Одним из важных результатов указанного визита сирийской делегации стало подписание меморандума о взаимопонимании между сирийским и иранскими торговыми палатами в развитии двустороннего сотрудничества в различных сферах торгово-экономической деятельности. Сирийской делегации также удалось добиться

от Ирана снятия налоговых тарифов на 88 видов товаров сирийского экспорта в ИРИ.

В своей торговой экспансии в Сирию Иран рассчитывает и опирается на поддержку прежде всего следующих сирийских торговцев и промышленников. Это генеральный секретарь Федерации торговых палат Сирии (ФТПС) М. Хамшо, члены парламента САР Хусейн Рагеб и Мухаммед Сурьеол, управляющий ФТПС Фирас Джижкли, крупный бизнесмен Хасан Зайду, посол САР в Иране Аднан Махмуд, член Сирийского союза экспортеров (ССЭ) Ияд Мухаммед, председатель Верховной комиссии инвесторов в свободной зоне (ВКИСЗ) Фахд Дарвиш.

В январе 2019 г. около 15 представителей иранского частного сектора приняли участие в работе 14-й сессии Высшей сирийско-иранской совместной комиссии (ВСИСК). Важным результатом работы сессии стало подписание более десятка контрактов и соглашений о взаимопонимании в различных областях экономической деятельности. Это прежде всего соглашения между Сирийской инвестиционной комиссией (СИК) и Иранской организацией по экономике, инвестициям и технической помощи (ИОЭИП), а также между Генеральными управлениями Сирии и Ирана по железным дорогам.

Подписаны: стратегический договор о сирийско-иранском экономическом сотрудничестве; договор между сирийским Министерством по экономике и внешней торговле и иранским Министерством по промышленности, торговли и горнодобывающей промышленности; специальное соглашение о сотрудничестве в сфере культуры на 2019-2020 гг.; эксклюзивное соглашение в сфере обмена информацией об отмывании денег и финансовом терроризме между Сирийской финансовой комиссией по противодействию терроризму и отмыванию денежных средств и Иранским финансовым трансфертным департаментом; специальная совместная программа в образовательной сфере на 2019-2020 гг.

Решить «иранский вопрос» силовым путем сегодня вряд ли возможно, избежав при этом большой войны на Ближнем Востоке, что на деле не отвечает интересам ни Израиля, ни тем более США и России.

Несмотря на продолжающийся кризис, Иран ведет не только активную политику в сфере военного строительства, но и создает заделы на будущее в ключевых отраслях сирийской экономики, в промышленности, культуре и образовании. И в случае, если Иран все-таки «дожмут» в плане изменения им характера своего военно-политического союза с действующим сирийским режимом (или в случае его падения), Тегеран всегда сможет остаться в Сирии в виде важного экономического фактора, а потом и возродить сотрудничество в военно-технической сфере.

¹ Подробнее об истории развития современных отношений Ирана и Турции с САР см.: Ахмедов, В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. (Akhmedov, V.M. The Contemporary Syria. History.Poitics.Economy). – М.: ИВ РАН, 2011, с. 152-173.

² Тишрин, 12.07.2007.

³ Там же.

⁴ SANA, 19. 02.2007.

⁵ NOBELNEWS, 17-19.07.2007.

⁶ SANA, 19.07.2007.

⁷ Подробнее о разногласиях Москвы и Тегерана в Сирии см.: Ахмедов, В.М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. (Syrian Uprising. History.Politics. Ideology.). – М.: ИВ РАН, 2018, с. 134-152.

⁸ Aumenn Jawad Al-Tamimi. Administrative Decisions on Local Defence Forces Personnel: Translation & Analysis. 03.05.2017. Link: <https://goo.gl/ngXYKc>

⁹ The Russian-American "Hamburg Agreement" on Syria: Its Objectives and Implications // Arabs 48, 11.07.2017, <https://goo.gl/hW4GAR>

¹⁰ Там же.

В.М. Ахмедов

ИСТОРИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ*

На рубеже 2011-2012 гг. в сирийском кризисе наметилась устойчивая и быстро развивающаяся тенденция его милитаризации и перерастания в вооруженную борьбу. В течение 2013-2014 гг. ситуация стала стремительно сдвигаться в сторону начала полномасштабной гражданской войны. В то же время сирийский режим не был готов идти на кардинальные реформы политической системы и постепенную смену власти. Радикализации сирийского конфликта и превращению его в межрелигиозную борьбу отчасти способствовал и сам режим. Первый и самый сильный удар был нанесен по светским, демократическим силам. Те, кто в марте 2011 года вышли на улицы сирийских городов с патриотическими требованиями реформ и свобод, очень быстро оказались перед выбором: либо вовсе остановить мирные протестные акции, либо взяться за оружие. Многие гражданские активисты и их лидеры сильно колебались и предлагали иные методы воздействия на власть. Но рост насилия и жестокость действий власти в отношении мирного гражданского населения вынуждал многих, особенно молодежь, становиться на путь вооруженной борьбы.

* Статья подготовлена старшим научным сотрудником Института востоковедения РАН В.М. Ахмедовым.

Достаточно быстро те, кто взялся за оружие, оказались в полной зависимости от тех, кто мог их снабдить этим оружием. Как правило, подобная помощь, особенно по мере ее роста, зачастую предоставлялась в зависимости от лояльности групп сопротивления исламистской повестке, что на практике выражалось не только в выборе названия отряда, но и особом поведенческом стереотипе (установление шариатских законов, например) на освобожденных территориях. В условиях «асимметричной» войны, когда режим использовал авиацию и артиллерию для бомбардировки захваченных повстанцами районов, а вооруженное сопротивление испытывало острую нехватку оружия, акции смертников стали единственным средством поддержания баланса сил на поле боя. Это дало мощный рост джихадистским отрядам в силах вооруженного сирийского сопротивления и способствовало на начальном этапе росту их популярности среди части населения освобожденных районов. К тому же привлечение Асадом иностранных наемников из Ливана, Ирака и Ирана, ряда других стран, вызванное серьезными потерями в живой силе национальных вооруженных сил и отсутствием должного боевого опыта у новобранцев, легитимизировало в глазах части местного населения участие в боевых действиях джихадистов из других арабских стран.

Для исправления сложившейся ситуации режим, начиная с 2013 г., приступил к созданию вооруженных отрядов по типу народного ополчения и милицейских формирований.

В этот период были созданы «Национальные демократические силы» (НДС), «Кувват ан-Нимр» и «Сукур аш-Шам». Характерно, что инициатива в создании указанных подразделений принадлежала в основном крупным алавитским бизнесменам и отставным сотрудникам сирийских спецслужб, близким к режиму. Поэтому в начальный период своей деятельности эти отряды больше напоминали частные армии и фактически не подчинялись центральному командованию. К тому же прак-

тически все они были сформированы на конфессиональной или этнической основе. Эти факторы снижали эффективность их боевых действий и уровень доверия и поддержки со стороны гражданского населения.¹ Несмотря на это, они провели ряд успешных операций против вооруженной оппозиции в различных районах страны. К концу 2015 года численность этих формирований составляла, по разным оценкам, 35-40 тысяч бойцов. Только после начала операции российских ВКС положение стало меняться. В 2015 году под руководством российских и иранских советников режим приступил к созданию 4 и 5-го армейских корпусов, в состав которых организационно вошла часть указанных подразделений.

Несмотря на предпринятые усилия, к осени 2015 года общая численность личного состава правительственных войск не превышала 100 тысяч человек против 300 тысяч в начале конфликта. Неудивительно, что к октябрю 2015 года сирийский режим уверенно контролировал не более 20% территории страны и не мог обойтись без внешней поддержки, чтобы противостоять вооруженной сирийской оппозиции.²

В сложившихся условиях Б. Асад был вынужден призвать на помощь иностранцев. Это, прежде всего, боевые отряды ливанской «Хизбаллы», общая численность которых, по разным оценкам, составляла от 10 до 14 тысяч бойцов, а также иракские шиитские военизированные бригады «Абуль Фадль Аббаса» (несколько тысяч бойцов), которыми фактически руководило спецподразделение «Аль-Кудс» КСИР ИРИ под командованием генерала Касема Сулеймани. Последний, по данным из источников военной сирийской оппозиции, фактически командовал обороной Дамаска и его пригородов. Данные о количестве иранских военных советников и специалистов, воюющих на стороне Б. Асада, весьма противоречивы и недостоверны. Однако большинство экспертов полагало, что их общая численность не превышала 15 тысяч человек.³ За последние два года Иран создал в Сирии

собственную армию «Джейш тахрир аш-Шам» численностью до 5 тысяч человек, в состав которой входили в основном шиитские наемники из Ирана и Афганистана, ряда арабских стран, незначительное число сирийцев. Сегодня, по данным сирийской оппозиции, общая численность шиитских милиций, действующих на территории страны, достигает 60-62 боевых формирований.⁴

Характерно, что численность противостоящей режиму Сирийской свободной армии (ССА), состоящей преимущественно из дезертировавших солдат и офицеров, а также отрядов народного ополчения, не превышала 30-35 тысяч человек. Отсутствие поставок вооружений из союзных им стран Запада, главным образом США, Великобритании и Франции, существенно осложняло ведение ими боевых действий даже против сильно ослабевшей армии режима, не говоря уже о шиитских вооруженных отрядах из Ливана, Ирака и Ирана. Вряд ли они смогли бы долго противостоять этой силе, если бы не поддержка так называемой вооруженной исламистской оппозиции, общая численность различных отрядов которой, по разным оценкам, колебалась на рубеже 2013-2015 гг. от 70 до 80 тысяч бойцов.

В отличие от ССА, чью идеологическую основу в целом питали мировоззрения светского и националистического характера, исламские бригады и фронты не испытывали особо сильной нужды в финансировании и оружии, которое поступало им из-за рубежа, главным образом из арабских монархий Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравии. Сыграло свою роль и отсутствие должной реакции международного сообщества, которое оказалось бессильным не только остановить, но и осудить жесткие действия режима. Указанные выше обстоятельства раскололи вооруженную оппозицию, выдвинув на передовые позиции радикальных исламистов, и дезорганизовали политическую оппозицию, которая не сумела сплотить силы вооруженного сопротивления на единой патриотической основе и политической платформе.

Особенности сирийского конфликта и сложность его разрешения заключаются не только в его беспрецедентной длительности и интернационализации по сравнению с восстаниями в других арабских странах. Они также определяются рядом глубинных внутренних процессов, которые подспудно зрели на протяжении нескольких последних лет и выплеснулись на поверхность в переломный для страны и общества момент.

Особый характер сирийского восстания определялся традиционно существовавшей разницей между городом и деревней в Сирии и той ролью, которую сыграла в восстании периферия, по крайней мере, на его начальном этапе.

Как известно, первые наиболее сильные очаги революции вспыхнули в провинциальных центрах. Отчасти это объяснялось тем, что именно там силы безопасности и армия, прежде всего, утратили свой авторитет среди населения. Имело также значение резкое ухудшение социально-экономического положения населения периферии из-за ряда неурожайных годов и сильнейшей засухи 2010 г. В результате накануне начала сирийских событий в крупные городские центры страны потянулись разорившиеся фермеры и потерявшие работу сельчане, общая численность которых насчитывала, по некоторым данным, около 1 млн человек. Принятая режимом в середине 2000-х годов политика приватизации привела к острой социальной поляризации общества, обнищанию и маргинализации значительных масс населения в сельских местностях. Одновременно политика поддержки исламского сопротивления в Палестине и Ливане усиливала консервативные религиозные настроения в депрессивных районах сирийской глубинки. В результате это привело к тому, что население этих местностей оказалось наиболее восприимчивым для самых радикальных идей. Одновременно снизилась роль умеренного ислама в сирийском обществе, что усилило экстремистские аспекты в восприятии населением государственной политики и

идеологии. Сложившаяся ситуация оказалась наиболее благоприятной для роста идей радикального исламизма, а последующие действия властей после начала сирийского восстания только укрепили его позиции. Подобные настроения в обществе послужили прекрасной матрицей для распространения джихадистских идей как местного происхождения, так и пришедших из-за рубежа.

Именно представители этой группы населения, которые в течение нескольких последних лет заполняли пригороды крупных городских центров, сыграли роль своеобразного катализатора сирийского восстания. Наиболее радикально настроенные представители этой новой городской периферии требовали свержения власти, которая сама более полувека тому назад пришла из дальних горных сел и захватила города, создав там свою культуру и установив свои порядки. Эта же группа протестного движения хотела установить свой новый тип власти, создать новый общественный порядок, основанный на иных принципах, в качестве продукта культуры мегаполисов, мировосприятия «новых» горожан.

В то же время в Дамаске и Алеппо (Халебе) интеллектуальная, экономическая, торговая элиты не хотели революции и не желали испытывать все связанные с ней риски. В таких городах, как Дамаск и Алеппо (Халеб), можно было с достаточной долей уверенности выделить (по месту жительства) очень бедные слои населения, готовые поддержать революцию. Одновременно с этим их более состоятельные соседи из представителей среднего класса и торгово-промышленной буржуазии не приветствовали эту революцию, а многие жители зажиточных кварталов тесно связывали свое благополучие с режимом.

Таким образом, сирийский кризис вывел на политическую авансцену новые социальные силы, обнажив искусно замаскированный и приглушенный режимом Хафеза Асада весь спектр острых социальных противоречий, клановых, конфессиональных, этнических и земляческих

конфликтов. Прежде внешне единый сирийский социум в условиях обострения кризиса стал стремительно раскалываться по указанным выше конфликтным линиям, серьезно радикализовав исламистские настроения в стране.

В результате в сирийском национальном движении, возродившемся на волне «арабской весны», возобладали религиозные настроения радикального характера. Практически была сведена на нет его светская составляющая. В период 40-х гг. XX столетия светские силы сыграли ведущую роль в борьбе сирийского народа за национальную независимость, а их идеология послужила основой формирования политической системы и государственных институтов современной Сирии.

В свою очередь в протестном сирийском социуме сложилась принципиально новая ситуация. В мировоззрении многих социальных групп населения, стоявших в авангарде вооруженной борьбы, возобладали представления о правящем режиме как «оккупационном», вступившем в преступный заговор с Ираном, рядом влиятельных мировых держав и Израилем с целью порабощения арабских народов и их подчинения инациональному господству. В практическом плане подобное мировоззрение послужило мощным мотивом борьбы за свержение действующего режима.

Отмеченные настроения были искусно использованы различного рода внутренними и внешними силами, которые под флагом религии стремились реализовать свои истинные цели в Сирии и в целом на Ближнем Востоке. В подобной ситуации противоборствующим сторонам естественно не удалось долго удерживать радикальные исламистские настроения в рамках логики ведущейся борьбы. Достаточно быстро они сами стали заложниками исламистских настроений джихадистского характера и были вынуждены следовать в русле данных идеологием. В результате политические цели борьбы в Сирии были подчинены данной идеологии, которая постепенно охва-

тила вовлеченные в сирийский конфликт региональные и международные силы, став одним из главных мотивов их действий. На Ближнем Востоке развернулась беспрецедентная по своим масштабам и остроте религиозная война, которая поставила регион на грань территориального раскола и серьезно деформировала прежний характер международных отношений, значительно осложнив внутреннюю ситуацию в других районах мира, прежде всего в Европе.

Действительно, сегодняшний пример Сирии, а также Ирака показывает, что идея джихада все еще имеет большое влияние и у этой идеи нет недостатка в добровольцах, готовых пожертвовать во имя ее жизнью. Хотя джихад главным образом направлен против оказавшихся под инациональным влиянием собственных правящих элит и лишь во вторую очередь – против неверных, мотивационная сила этой идеи в арабо-мусульманском мире столь же сильна, как и раньше. Все это свидетельствует о том, что и сегодня идея войны как продолжения религии, особенно в экстремистских формах, вовсе не умерла. При этом необходимо иметь в виду, что ислам намного медленнее, чем другие религии, отказывался от идеи религиозной войны. Несмотря на внешне светский характер власти во многих арабских государствах Ближнего Востока, в них все еще был силен элемент фундаментализма. Цель фундаменталистских групп – возврат к священному закону шариата, и каждая неудача государственных лидеров объяснялась их нежеланием пойти на это.

В описанных выше условиях властям Сирии, опиравшимся на мощный аппарат спецслужб, армию, представленных главным образом алавитским меньшинством (12% населения), вряд ли удалось бы долго и эффективно контролировать действие религиозного и этнического факторов в многоконфессиональной и полиэтнической стране.

Действительно, если рассматривать арабские восстания в рамках религиозной парадигмы, то получается,

что те страны, где они произошли и продолжаются (в том или ином виде), отличались большинством суннитского населения. То есть главной движущей силой этих народных восстаний были и есть сунниты. И Сирия, где 75% населения исповедуют ислам суннитского толка, не является исключением.

В условиях же вооруженной борьбы открылся путь для возвращения суннитов к власти, которую они в той или иной степени старались сохранять в своих руках практически без перерыва с момента возникновения халифата Омеядов в 661 г. н. э.⁵

При этом необходимо иметь в виду, что изначально ислам суннитского толка содержал много элементов, которые условно можно было назвать светскими, демократическими. Вернее, он был более восприимчив к их осмыслению.⁶

Однако отмеченная роль периферии оказала специфическое влияние на религиозные аспекты восстания, которые по своему типу больше напоминали бедуинский характер, сельскую атрибутику, и именно этим объясняется такое распространение ислама салафитского толка по сравнению со скромной ролью традиционного суфийского вероучения. Салафитские идеи расцвели прежде всего в условиях провинциальных центров. Вклад так называемого цивилизационного ислама, присущего городским элитарным слоям, буржуазии, торговцам, интеллигенции, военным, носил весьма скромный характер как среди гражданских, так и военных участников вооруженного движения. Это становилось очевидным на примере весьма скромного присутствия суфийского элемента как в отрядах вооруженной, так и гражданской оппозиции. После того, как сирийское восстание стало приобретать с конца 2011 года характер вооруженной борьбы, позиции вооруженной оппозиции, в том числе воинствующих исламистов, в Сирии постепенно окрепли.

Всего на территории Сирии в 2012 году, по разным оценкам, находилось около 1200 вооруженных отрядов

различной направленности – от наиболее умеренных до самых радикальных. К концу 2016 года их количество заметно сократилось. Многие оказались полностью разгромленными, самораспустились и перестали существовать как самостоятельные боевые единицы. Другие вошли в состав более крупных формирований, таких как «Исламское государство», «Джейш аль-Ислам», «Джейш фатх аш-Шам», «Ахрар аш-Шам», «Сукур аш-Шам», «Фейлак аш-Шам», ССА и другие. На рубеже 2015-2016 гг. возникли новые отряды, которые сформировались главным образом на основе существовавших ранее фронтов по типу объединенных военных штабов и боевых соединений. Среди них можно выделить «Джейш ан-Наср» (филиал ССА), в состав которого вошли «Джабха аш-Шамийя», «Джейш аль-Ызз'а», «Фалькон аль-Габ» и еще 13 отрядов, «Новая Сирийская Армия» (в основном на базе курдских отрядов сопротивления) и ряд других.

В силу весьма лабильной ситуации на сирийских фронтах и быстро меняющейся политической конъюнктуры в стране и вокруг нее достаточно сложно точно исчислить количество отрядов вооруженной сирийской оппозиции. Однако большинство экспертов полагает, что сегодня в Сирии активно действуют не менее 100-120 различных фронтов и отрядов вооруженной сирийской оппозиции (с учетом ИГ и «Джабхат ан-Нусры») общей численностью не менее 70 тысяч профессиональных и хорошо вооруженных бойцов.⁷ При этом, несмотря на происходящие трансформации в составе вооруженной оппозиции, ее *матрица* с точки зрения социальной основы, идеологических установок, политической ориентации, основных целей и задач практически не изменилась по своим ключевым параметрам с момента зарождения этих отрядов в первой половине 2012 г.

Салафиты, как и прежде, составляют костяк многих отрядов вооруженной исламской оппозиции, часть из которых продолжает оставаться в той или иной мере подверженной джихадистской идеологии. К наиболее явным

джихадистским группировкам можно отнести отряды, непосредственно связанные с «Аль-Каидой», такие как «Джабхат ан-Нусра»⁸, «Исламское государство» (ИГ), батальоны «Аль-Мухаджирин»⁹.

Практически не упоминающийся сегодня Исламский фронт Сирии (ИФС) являлся наиболее значимой, активно действующей организацией, хорошо представленной в различных сирийских провинциях. ИФС был основан в июле 2012 года и состоял из 11 наиболее крупных отрядов. Заметную роль среди них играли движение «Ахрар аш-Шам», «Ааль-Фаджр аль-Исламийя», «Ливаа аль-Хак», батальон «Хамза бин Абдул Муталиб», «Джамаат ат-Талиа аль-Исламийя», батальон «Мусааб бин Умайя»¹⁰.

В своем уставе ИФС провозгласил, что стремится к свержению действующего в Сирии режима и установлению в стране «цивилизованного исламского общества», которое будет следовать суннитскому направлению ислама «набожных предшественников».

ИФС представлял собой сирийскую версию салафизма джихадистского толка. Он отличался от «Аль-Каиды» тем, что большинство членов его отрядов были сирийцы.

Одним из наиболее крупных отрядов ИФС являлся «Ахрар аш-Шам», который действовал в районах Алеппо (Халеба), Идлиба и на севере Сирии.¹¹

ИФС сотрудничал с другими отрядами вооруженной сирийской оппозиции, но не подчинялся ССА. Подобно «Джабхат ан-Нусре» и «Ливаа ат-Таухид», он создавал «Исламские комитеты» для разрешения конфликтных ситуаций, главным образом в сфере нарушения прав человека на освобожденных территориях. Он пользовался заметным влиянием в районах Ракья, Идлиба и Алеппо (Халеба) и их сельских пригородах.

Другой группой являлся Исламский Фронт за освобождение Сирии (ИФОС). Основу его идеологии составляла общая исламская идентичность, где соединялись идеи салафизма, «Братьев-мусульман», а также различных исламских школ либерального направления, несмотря

на то, что его заявления и действия несколько отличались от салафитской доктрины ислама. В своих выступлениях ИФОС стремился отойти от чисто салафитского дискурса и делал большой упор на общенациональные и традиционные ценности сирийского общества. Многие отряды ИФОС действовали под знаменем ССА. ИФОС возглавлял Ахмед Исса, который одновременно командовал «Сукур аль-Шам», а Мухаммед Аллюш координировал боевые операции¹².

Наиболее крупными отрядами ИФОС являлись «Ливаа ат-Таухид», находившийся в Алеппо (Халебе), «Катаиб аль-Фарук», действовавший в основном в районах Хомса, «Аль-Фарук аль-Исламийя», осуществлявший операции в провинции Хама. Отряд «Сукур аль-Шам» был особенно активен в районе Идлиба, а также в значительной части районов провинции Хама. Отряд «Лива аль-Ислам»¹³, являвшийся частью группы, отколовшейся от «Ансар аль-Ислам», действовал в провинции Дамаск.¹⁴

В состав Фронта входил также отряд «Сукур аль-Курд», действовавший в Камышлы, и Революционный совет Дейр аз-Зора¹⁵.

Для работы в гражданской сфере по мобилизации местного населения на освобожденных территориях была создана и действовала организация под названием «Исламский комитет аш-Шам», куда входили несколько видных салафитских деятелей. В этом комитете доминировала группа Срура («политический салафизм»). Она вела большую работу в деле оказания гуманитарной помощи населению, в образовательной сфере и занималась спасательной деятельностью. Оказывала медицинскую и образовательную помощь местному населению и помогала пережить ему тяготы военного времени. Комитет издавал журнал «Нур аш-Шам».

В своих уставных документах комитет утверждал, что стремится к «установлению Божьей религии на земле» и укреплению исламской идентичности Сирии. Комитет имел также свое видение по вопросам гражданства, вза-

имоотношениям разных конфессий и своей роли в социальном развитии страны. С конца 2013 года Комитет стал вести подготовку к созданию собственной политической партии, которая отражала бы его религиозные и идеологические взгляды.

В ноябре 2011 года возник Фронт исправления и развития (ФИР), который следовал в русле традиционной салафитской идеологии. Он был создан в восточных районах Дейр аз-Зора, где традиционно проживали племена. Он имел филиалы по всей Сирии. В его состав входили 139 батальонов. ФИР состоял из двух групп: военной и гражданской¹⁶.

Сирию без Асада ФИР представлял как гражданское государство, основанное на принципах справедливости, толерантности, мирного сосуществования всех социальных групп населения. Несмотря на то, что ФИР не акцентировался на вопросах демократии, он в то же время заявлял о своей приверженности некоторым демократическим принципам, чтобы принять участие в строительстве будущей Сирии.

ФИР пользовался поддержкой ряда влиятельных шейхов, салафитских организаций в Иордании и КСА и прямой поддержкой руководства этих двух государств.

Один из руководителей салафитского движения в Иордании Али аль-Халаби полагал, что ФИР по многим параметрам был близок к традиционному салафизму наподобие «Ливаа аль-Ислам» во главе с ныне покойным Захраном Аллюшем. Он также утверждал, что ФИР пользовался поддержкой арабского салафитского движения и не получал помощи из других источников.

Действительно, в состав ФИР принимались только сирийцы, и там не было иностранцев и арабов из соседних стран, как в других отрядах вооруженной сирийской оппозиции. Фронт располагал значительным потенциалом силы, который определялся его опорой на поддержку племен восточных районов Сирии и значительными ресурсами, которые позволяли ему привлекать новых бой-

цов и заручаться лояльностью других отрядов. Стремление ФИР объединить под своими знаменами другие не менее сильные отряды вооруженной оппозиции наталкивалось на серьезные разногласия между ними, особенно ССА, «Ахрар аш-Шам», «Лива ат-Таухид».

Если проанализировать идеологическую платформу и национальную программу современного салафитского движения с точки зрения силы его воздействия на население и роли в обществе, то ясно, что та часть ИФС, куда входили «Ахрар аш-Шам», «Аль-Фаджр аль-Исламийя», «Ат-Талиаа аль-Мукатилия», «Лива аль-Хак» и другие отряды, – имела исключительно сирийскую, местную повестку. В то же время другие отряды в составе ИФС, такие как «Катаиб аль-Фарук», «Аль-Фарук аль-Исламийя», «Сукур аш-Шам», «Лива аль-Ислам», – решали несколько иные задачи.

На уровне гражданского общества такие организации, как благотворительное общество «Аш-Шам», разделяющие идеи «политического салафизма», другие гражданские организации салафитов, осуществляющие операции гуманитарного характера, занятые проповеднической деятельностью, работой в сфере образования, имели достаточно широкую базу общественной поддержки. Вместе с другими исламскими отрядами они участвовали в управлении освобожденными территориями.

Например, такие отряды, как «Ахрар аш-Шам», «Ливаа ат-Таухид», «Сукур аш-Шам» участвовали в делах гражданской администрации и управления. Они пытались преодолеть армейский стиль во взаимодействии с местной администрацией, чтобы наладить сеть контактов среди гражданской администрации и населения. В то же время военная составляющая оставалась приоритетной в деятельности подобных организаций.

Все эти группировки в принципе были согласны с применением исламских законов во время и после революции. Некоторые из них поддержали создание и работу шариатских комиссий. Они также поддержали так назы-

ваемые «комитеты по утверждению истины и искоренению зла» (наподобие саудовской религиозной полиции – аль-Мутаваа). Данное обстоятельство ставило вопрос о том, действительно ли эти отряды верят в индивидуальные свободы и права человека, законы, гарантирующие их соблюдение.

На политическом и идеологическом уровне большинство этих групп поддерживало идеи исламского государства в качестве будущего политического режима власти в Сирии. Этот политический режим, в их представлении, должен был основываться на исламских законах шариата как единственном источнике законодательства. Подобная позиция была озвучена в ряде публичных заявлений некоторых лидеров разных отрядов, таких как «Ливаа ат-Таухид», «Ахрар аш-Шам», «Аль-Фарук аль-Исламийя», «Сукур аш-Шам».

В то же время некоторые отряды («Ливаа ат-Таухид», «Катаиб аль-Фарук», «Сукур аш-Шам») избегали публичной поддержки демократической системы. При этом они старались не критиковать открыто идеи плюрализма, парламентаризма и механизмы демократического управления. В данном случае их позиция была весьма схожа с позицией египетской партии «Ан-Нур» салафитского толка, которая в принципе поддерживала демократический процесс, но отвергала демократические ценности, настаивая на главенствующей роли ислама и шариата как основы законодательства и права.

Интерпретация этими группами внедрения в практику и повседневную жизнь норм мусульманского права вызывала неприязнь большинства населения, особенно те запреты, которые некоторые отряды вводили в отношении одежды женщин и табакокурения, что рассматривалось как нарушение норм ислама и шариата.

Указанные выше факторы могли изменяться в зависимости от тех позиций, которые эти движения и отряды занимали в ходе взаимодействия с отрядами зарубежной сирийской оппозиции, их деятельности в рамках совместных

военных советов. Большинство из этих организаций, даже те, которые работали с ССА, испытывали определенное недоверие к институтам сирийской оппозиции, действовавшим за рубежом. Они очень внимательно относились к любым попыткам зарубежной оппозиции навязать им свою точку зрения. Данное обстоятельство затрудняло их взаимодействие с ССА и СНКОРС как в военном, так и в политическом плане.

К тому же, несмотря на ужесточение вооруженной борьбы, до сих пор непросто добиться единства среди самих салафитов Сирии. Многие их группы в Сирии разделяют общие исламские идеи салафитской направленности и действуют в интересах салафитов. Кроме того, необходимо иметь в виду, что между членами различных групп постоянно идет обмен мнениями и идеями по вопросам формирования единой салафитской позиции. С другой стороны, классифицировать эти группы в идеологическом плане представляется весьма трудной задачей, так как нередко их идеи противоречат друг другу, быстро меняются одна на другую в зависимости от смены баланса сил и изменения взаимоотношений между различными отрядами вооруженного сопротивления.

Те вызовы, с которыми сегодня сталкиваются различные отряды салафитского движения, во многом связаны с их неспособностью противодействовать попыткам различных сил внутри Сирии и за ее пределами сдержать рост салафизма и помешать утвердиться ему в новых социальных и культурных реалиях Сирии. В свою очередь перспективы салафитского движения связаны с возможностью населения воспринять идеи салафизма, в том числе в их скорректированном виде применительно к сегодняшним условиям Сирии. Несмотря на то, что сегодняшняя ситуация свидетельствует о бурном росте «провинциального» салафизма, сохраняется возможность возрождения салафитского движения (в модернизированной форме), исторически присущего столичным центрам, прежде всего в Дамаске и Халебе.

В то же время один из видных исследователей салафизма Абдуррахман аль-Хадж полагал, что всплеск салафизма, особенно джихадистского характера, не имеет глубоких корней в Сирии и обусловлен мобилизационными задачами и политической миссией, которые определяются особыми условиями ведущейся в Сирии войны¹⁷.

На самом деле сегодня достаточно сложно спрогнозировать перспективы салафитского движения в Сирии. Скорее всего, они будут определяться развитием конкретной ситуации на сирийской почве и теми переменами, которые ждут Сирию в недалеком будущем.

В случае продолжения гражданской войны может наблюдаться дальнейший рост и распространение джихадистского салафизма. В случае же смены режима и возвращения к мирной жизни возрастают шансы умеренного, реформистского и политического салафизма, который прежде всего начнет развиваться в сельских местностях, а потом и в крупных городских центрах.

Несмотря на то, что сегодня в Сирии пока превалирует «джихадистская» идея, воплощенная в действиях «Исламского Государства», «Джейш Фатх аш-Шам» (бывшая «Джабхат ан-Нусра»), было бы неправильным считать, что умеренный ислам, характерный для этапа мирных протестных движений, полностью исчез и не имеет шансов на возрождение. Если допустить, что присущий Сирии постмодернистский ислам Леванта – это продукт новой городской культуры, то надо признать, что он должен был неизбежно впитать в себя характерный для ливантских городов дух либерализма и стремления к демократии. Нельзя исключать, что в случае прекращения военных действий и при определенных политических условиях он может оказать свое позитивное влияние на сирийский социум и стать существенным дополнением в формировании новой идеологии обустройства общества.

«Исламистский феномен» сирийского восстания серьезно трансформировался за несколько последних лет, особенно в связи с особыми условиями сирийской рево-

люции. Нельзя исключать, что в случае прекращения военных действий в Сирии и постепенного возвращения жизни страны в прежнее мирное русло «исламистский феномен» может постепенно исчезнуть, поскольку, как было показано выше, его живительной основой служит жестокая вооруженная борьба в стране.

¹ Journal of Strategic Studies, 2015, No 38, p. 626-649; Zaman al-Wassal, 04.08.2015.

² Syria Deeply, 11.01.2017.

³ <http://www.iimes.ru/?p=20322#more-20322>

⁴ аль-Модон (араб. яз.), 16.06.2016.

⁵ Подробнее об этом периоде в истории Сирии см.: Бартольд В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата. Т. 4. Москва, 1966, с. 156-162.

⁶ Подробнее об этом см.: Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1963, с. 501-647.

⁷ ар-Рай аль-Яум (на арабском языке), 29.06.2016.

⁸ С лета 2016 года отказалась от своей приверженности к «аль-Каиде» и сменила название на «Джейш фатх аш-Шам».

⁹ Abdurrahman al-Haj. Al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad // Al-Jazeera Net, 20.05.2013, p. 9-12.

¹⁰ Aaron Y. Zelin/ The Syrian Islamic Front: A New Extremist Force: Policy Watch 2031. 4 February 2013,

<http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-syrian-islamic-front-anew-extremist-force>

¹¹ www.ahraralsham.com/; www.facebook.com/ifajr

¹² <http://syrialiberationfront.com>

¹³ С 2013 г. преобразован в «Джейш аль-Ислам», куда вошел ряд других отрядов.

¹⁴ <http://lewaaltawheed.com/>; <http://www.al-farok.com/>;

<https://www.facebook.com/ALFAROQISLAMIC>

¹⁵ <http://syrialiberationfront.net>

¹⁶ www.asala-tanmia.com/; www.al-farok.com/archives/1264

¹⁷ Abdurrahman al-Haj. Al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad // Al-Jazeera Net, 20.05.2013, p. 11-12.

В.И. Ковалев

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТУРЦИИ НА ПОРОГЕ СМЕНЫ ЭПОХ

Турецкая Республика медленно, но верно подходит к окончанию эпохи президента Р.Т. Эрдогана и его Партии справедливости и развития (ПСР). Эта эпоха началась после победы молодого лидера и его Партии на парламентских выборах 2002 года и продолжается уже без малого два десятка лет. Невзирая на устоявшийся за рубежом и, в том числе, в России тезис о том, что президент Р.Т. Эрдоган – это «султан турецкого народа», турецкий лидер пришел к власти и удерживает ее в рамках демократического законодательства и в изнурительной внутривнутриполитической борьбе.

Другой вопрос заключается в том, подыгрывает ли он себе в этой борьбе имеющимся у него административным ресурсом или же играет «чисто»? Ответ очевиден, однако он ничуть не исключает тезиса о том, что в Турции есть реальная, а не системная оппозиция, бороться с которой турецкой власти приходится по-настоящему. На этом пути президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом одержано множество важных побед и сделан целый ряд преобразований, которые, вне зависимости от их знака, уже оказались вписаны в турецкую историю. Среди них – два референдума по внесению поправок в действующую Конституцию страны образца 1982 года.

Первый референдум состоялся 12 сентября 2010 года, и невзирая на обилие в нем поправок технического

свойства, укрепляющих вес и влияние исполнительной власти страны, главным все же следует признать предложение по аннулированию временной Статьи 15 Основного закона, запрещающей суд над организаторами военного переворота 1980 года¹. Ирония турецкого руководства, организовавшего референдум, проявилась в том, что референдум и военный переворот состоялись в один и тот же день – 12 сентября, но с разницей в 30 лет, в 2010 и в 1980 гг. соответственно. Надо сказать, что это была поворотная точка в отношениях между действующей турецкой властью и светским военным корпусом страны, за которой военные как отдельная и влиятельная политическая сила в Турции прекратили свое существование, будучи «возвращенными в казармы» после того, как Р.Т. Эрдоган победил в референдуме с голосами 57,9% «за» и 42,1% «против»².

Вторая поворотная точка – это голосование по превращению Турции из парламентской в президентскую республику, с упразднением института премьер-министра и превращением президента страны из церемониальной фигуры в полноценного главу турецкого государства. Голосованию предшествовали многолетние попытки действующей турецкой власти провести масштабную конституционную реформу в стране, полностью отказавшись от «путчистской» Конституции 1982 года и перейдя на «гражданскую» Конституцию. Однако соответствующая работа специально созданной межпартийной Комиссии в Великом Национальном Собрании (Меджлисе) Турции зашла в тупик.

Результатом стало волевое решение действующей власти и лично президента Р.Т. Эрдогана по поводу того, что необходимо ограничиться лишь поправками к Конституции 1982 года, исключаящими из Основного закона должность премьер-министра страны и передающими его полномочия президенту. По сути провести замену в разделе «полномочия» слов «премьер-министр» на слово «президент».

Голосование по поправкам, упраздняющим парламентскую республику и превращающим Турцию в республику президентскую, состоялось 16 апреля 2017 года. По итогам референдума, пусть и с минимальной разницей, действующей власти удалось одержать очередную, знаковую для себя и всей страны победу: «за» проголосовало 51,4%, «против» – 48,6%³. Это голосование запустило перестройку всей структуры власти турецкого государства. В частности, заметно укрепились позиции Администрации президента, а созданные в ее рамках профильные Комитеты в определенном смысле дублируют функции турецких министерств и ведомств и могут рассматриваться даже как профильные надзорные органы.

При этом заметим, что действующей в Турции власти приходилось терпеть осечки и действовать на опережение, прогнозируя свое возможное поражение. Среди наиболее характерных примеров следует отметить участие во всеобщих выборах 7 июня 2015 года, которые Партия справедливости и развития провалила. За этим поражением должно было последовать формирование коалиционного, а уже не однопартийного правительства в стране. Однако серией внутриполитических маневров действующей в Турции власти удалось и объявить перевыборы 1 ноября 2015 года, и одержать на них достаточно убедительную победу. Опускаем техническую сторону вопроса, каким образом действующей в Турции власти удалось это сделать.

Второй раз турецкая власть сыграла на опережение, объявив досрочные парламентские выборы 24 июня 2018 года. В стране надвигались серьезные экономические трудности, и проведение выборов по графику (выборы изначально были запланированы на 2019 год), как посчитало турецкое руководство, могло привести к поражению. Однако, не будучи уверенной в том, каков будет результат на выборах, действующая власть внесла изменения в избирательное законодательство страны, разрешив политическим партиям формировать коалиции

и таким образом преодолевать 10%-й избирательный барьер в ВНСТ. И, как мы покажем чуть ниже, это стало для турецких лидеров большой ошибкой с далеко идущими последствиями.

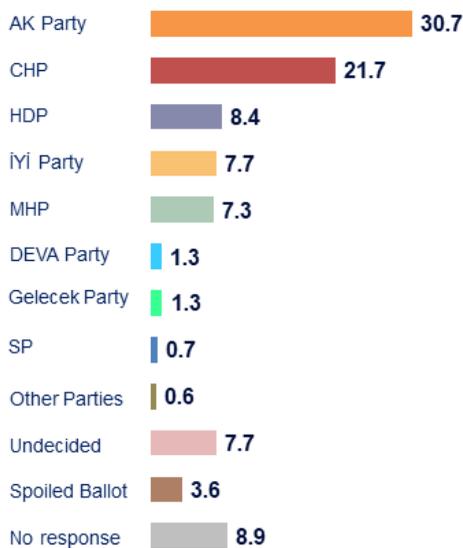
На предмет перспектив выборов по графику в 2019 году турецкая власть угадала. Это наглядно показали результаты муниципальных выборов в стране 31 марта, по итогам которых турецкая власть потеряла все большие города страны, включая столицу – Анкару и крупнейший город страны – Стамбул. Наиболее досадным стало поражение на выборах в Стамбуле, которое потерпел ветеран турецкой политики Бинали Йылдырым, последний, в прямом смысле этого слова, премьер-министр страны против представителя главной оппозиционной Народно-республиканской партии Экрема Имамоглу.

И если на первых выборах, которые состоялись 31 марта 2019 года, Экрем Имамоглу одержал победу над Бинали Йылдырымом с минимальным отрывом – 48,80% против 48,55%⁴, то на вторых выборах, объявленных действующей властью, заметим, достаточно спорным образом, отрыв многократно возрос – 54,21% против 44,99%⁵.

Нежелание турецкой власти отдавать Стамбул оппозиции понятно. Считается, что Стамбул с 10,5 млн избирателей – это Турция в «миниатюре», и победа в местных выборах дает мэру хорошие шансы на то, чтобы претендовать в стране на высший – президентский – пост. Соответственно, в самом начале Экрем Имамоглу вызвал у турецкой власти немалую обеспокоенность своим стремительным появлением на политическом небосклоне Турции. Однако первый год нахождения Экрема Имамоглу высветил его недостатки как управленца и политика, а также его неготовность, по крайней мере в обозримой перспективе, составить конкуренцию Реджепу Тайипу Эрдогану.

На самом деле пусть Реджеп Тайип Эрдоган является и председателем Партии справедливости и развития, и ее лицом, но довольно интересным образом рейтинг ту-

рецкого лидера находится на достаточно привычном для него уровне (условно «50% голосов плюс 1 голос»). В то время как рейтинг Партии справедливости и развития демонстрирует серьезный спад, который ускорился на фоне эпидемии коронавируса. В этом смысле уместно сослаться на результаты опроса за май 2020 года, проведенного анкарским социологическим агентством MetroPOLL с вопросом о том, за какую политическую партию проголосовали бы избиратели, если бы выборы состоялись уже в ближайшие выходные:

**Turkey's Pulse May 2020 has been conducted by CATI
(computer-assisted telephone interview).**

SOURCE: METROPOLL TURKEY'S PULSE MAY 2020

Как мы видим, рейтинг Партии справедливости и развития оказался на уровне 30,7%, а ее партнера по коалиции, Партии националистического движения, – 7,3%. Иными словами, по данным проведенного опроса, обе эти партии держат 40,0% голосов избирателей.

С другой стороны, есть суммарный вес оппозиции: Народно-республиканская партия – 21,7%, Партия демократии народов – 8,4%, Хорошая партия – 7,3%. К ним присоединились две партии, созданные в конце 2019 – начале 2020 года бывшими соратниками Р.Т. Эрдогана, – Партия демократии и прорыва Али Бабаджана с 1,3% голосов и Партия будущего Ахмета Давутоглу с 1,3%. Итого оппозиция, выступающая против действующей в стране власти, набирает также 40,0%. Помимо этого, есть еще Партия счастья с 0,7% (которую следует считать потенциальным партнером действующей власти), другие партии – 0,8%, неопределившиеся голоса – 7,7%, испорченные бюллетени – 3,6%, а также не давшие ответа – 8,9%.

Таким образом, наблюдается достаточно новая ситуация паритета между действующей властью и оппозицией. Причем происходит это на фоне ситуации с возможностью прохождения в Меджлис «микропартий», примкнувших к каким-либо коалициям с целью совместного преодоления 10%-го избирательного барьера. Действующая в Турции власть внесла эту поправку с целью присоединения к себе голосов Партии националистического движения на выборах 2018 года. Однако получилось так, что она выстрелила себе в ногу, дав возможность оппозиционным движениям страны консолидироваться между собой.

Стоит заметить, что вновь созданные партии Али Бабаджана и Ахмета Давутоглу еще будут расти, причем за счет электората именно Партии справедливости и развития, что к 2023 году способно превратиться для власти в серьезную проблему. У президента Р.Т. Эрдогана может просто не оказаться «подпорки» в виде партии, чьи рейтинги сокращаются. А надпартийным президентом Р.Т. Эрдоган быть не пожелал, внося соответствующие поправки в 2017 году в Конституцию. Кроме того, Р.Т. Эрдоган как политик, находящийся во власти с 2002 года, стоит на плато своих возможностей, за которым начинается неизбежный спад. Операция «преемник» в лице

министра казначейства и финансов, зятя президента Б. Албайрака, заранее обречена на провал, чего власть не может не понимать.

2023-й год в этом смысле предстает не только в качестве 100-летнего юбилея Турецкой Республики, но и в качестве поворотной точки смены власти в Турции. Именно поэтому в середине 2020 года на повестке дня в Турции вновь возникла тема досрочных выборов в стране, которые может провести власть с целью зафиксировать свои сегодняшние рейтинги в стране и дать себе лишние 2-3 года. При нынешней динамике развития ситуации это для действующей турецкой власти может стать наилучшей стратегией.

¹ https://tr.wikipedia.org/wiki/2010_T%C3%BCrkiye_anayasa_de%C4%9Fi%C5%9Fikli%C4%9Fi_referandumu

² https://tr.wikipedia.org/wiki/2010_T%C3%BCrkiye_anayasa_de%C4%9Fi%C5%9Fikli%C4%9Fi_referandumu

³ https://tr.wikipedia.org/wiki/2017_T%C3%BCrkiye_anayasa_de%C4%9Fi%C5%9Fikli%C4%9Fi_referandumu

⁴ 31 Mart İstanbul Yerel Seçim Sonuçları
<https://secim.haberler.com/2019/yerel-secimler/31-mart-istanbul-secim-sonuclari/>

⁵ 23 Haziran 2019 İstanbul Seçim Sonuçları.
<http://secim.ntv.com.tr/>

Р.А. Кузнецов

О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПАКИСТАН

Исламская Республика Пакистан (ИРП) занимает видное место в современном политическом мире. Достаточно велика ее субъектная роль, ибо это крупная по населению страна (6-е место на планете), занимающая стратегически важное положение на стыке трех геополитических регионов (Южной, Западной и Центральной Азии). Пакистан является государством, которое провело испытания ядерного оружия, располагает мощными вооруженными силами и проявляет внешнеполитическую активность в сообществе мусульманских и развивающихся стран.

Военное руководство Пакистана определяет военную доктрину как оборонительную, направленную на предотвращение возможной агрессии и сохранение территориальной целостности страны. В соответствии с документом «Пакистанская оборонная политика», принятым комитетом по вопросам обороны кабинета министров, главную угрозу для Пакистана представляет «экспансионизм и растущий гегемонизм Индии»¹.

Ядерная программа занимает важное место в военной доктрине Пакистана, хотя она не представлена в виде официального документа². В связи с этим Исламабад придерживается следующих ключевых принципов: минимальное ядерное сдерживание, сконцентрированное на Индии;

массивное возмездие; политика возможного применения ядерного оружия первыми; децентрализованная структура ядерного командования и управления (контроля). Зарубежные военные специалисты отмечают, что военно-политическое руководство ИРП целенаправленно проводит мероприятия по строительству стратегических ядерных сил (СЯС) по примеру США и КНР³.

Результаты анализа открытых источников показали, что опираясь на принцип применения ядерного оружия первым, Исламабад сформулировал четыре основных фактора, при которых он применит ядерное оружие: нападение Индии на Пакистан с использованием обычного и ядерного оружия; уничтожение большей части сухопутных или военно-воздушных сил Пакистана; нанесение значительного экономического ущерба или экономическая блокада Пакистана; осуществление политической дестабилизации или крупной диверсии внутри страны.

Ядерные силы Индии и Китая – фактор развития СЯС ИРП

Военно-политическое руководство Пакистана осознает, что Дели рассматривает ядерное оружие прежде всего как инструмент сдерживания стран Азиатского региона. В настоящее время правительство Индии в целом решило задачу организации эффективной системы обеспечения безопасного хранения ЯО и принятия решения на его применение. В соответствии с индийской военной доктриной ядерное оружие может быть использовано командованием стратегических сил по команде премьер-министра с согласованием с политическим и исполнительным советами. Активно развиваются научный и технологический потенциалы военно-промышленного комплекса Индии.

Индия по состоянию на 2020 г. обладает приблизительно 130 ядерными боеголовками. На вооружении индийских вооруженных сил находятся баллистические ракеты (БР) «Агни 1-4» с дальностью стрельбы 700 км,

2000 км, 3200 км и 4500 км соответственно. В июне 2018 г. страна провела шестое испытание БР «Агни 5» (дальность 5000 км), которая в настоящее время находится на завершающей стадии разработки. Предполагается, что подразделения, на вооружении которых находятся ракеты «Агни 1-3», нацелены прежде всего на ведение действий против Пакистана, а «Агни 4, 5» – для поражения объектов на территории Китая⁴.

Увеличение оборонного бюджета КНР способствует быстрому укреплению его военного потенциала, при этом акцент ставится на развитии ядерных и ракетных вооружений. По состоянию на 2020 г. количество ядерных боеголовок, которыми обладает Китай, оценивается специалистами приблизительно в 270 единиц. В настоящее время Пекин модернизирует свои межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), в зоне поражения которых – цели на территории США, Японии, Индии. Оценочное количество ракет «Дунфэн-4», «Дунфэн-5А», «Дунфэн-5В», «Дунфэн-31» и «Дунфэн-31А» составляет около 100 единиц⁵.

Наиболее вероятный сценарий военных действий Китая против Индии на начальном этапе будет включать удары НОАК по целям стратегического значения ракетами «Дунфэн-21С» (дальность стрельбы 1750 км) и «Дунфэн-26» (4000 км), которые могут нести ядерные и обычные боеголовки. Военная политика Китая в области ядерного сдерживания направлена на обеспечение паритета в различных сферах с ведущими государствами мира, а также на усиление своего влияния на формирование обстановки в районах мира, играющих важную роль в мировой транспортной системе⁶.

Ретроспективный аспект развития СЯС ИРП

Работы по использованию атомной энергии в Пакистане начались в 1953 году, когда правительством был создан Комитет по атомной энергии, преобразованный впоследствии в Комиссию по атомной энергии⁷. Они были

значительно ускорены после проведения Индией в 1974 году испытания ядерного взрывного устройства⁸. В результате длительного и целенаправленного использования иностранной экспертной и технической помощи пакистанские специалисты полностью освоили технологию работ от добычи урана до его обогащения и преобразования в ядерное топливо⁹. В настоящее время в Пакистане созданы и функционируют следующие объекты:

– атомная электростанция в г. Карачи, реактор мощностью 137 МВт, поставлен и построен в 1972 году канадской компанией «Дженерал электрик»;

– Пакистанский институт ядерной науки и технологии (ПИЯНТ) в городе Нилор, основан в 1965 году. На его территории расположены два ядерных реактора мощностью 10 МВт и 27 кВт, работающих на обогащенном уране и используемых для получения различных изотопов. Для подготовки научно-технических кадров с 1973 года при ПИЯНТ действует Центр ядерных исследований;

– экспериментальный завод по обогащению урана с помощью ультрацентрифуг в н.п. Сихал, прообраз основного производства в г. Кахута, закрыт для международного контроля;

– научно-исследовательский и военно-производственный центр имени Абдул Кадир Хана. В его состав входит завод по обогащению урана с использованием центрифуг. Специалисты считают, что наработанный этим предприятием уран (U_{235} , 90% чистоты) был использован для сборки опытного образца ядерного взрывного устройства;

– атомная электростанция в Чашма, мощность до 600 МВт;

– предприятие по переработке ядерного топлива в Кундиане;

– производственный реактор в н.п. Хошаб;

– урановое месторождение в районе н.п. Дера Гази Хан;

– центр по изучению и переработке урановой руды в г. Лахор¹⁰.

Наряду с указанными объектами в Пакистане существует ряд научно-исследовательских центров по применению наработок в ядерной области в различных сферах.

Основные из них размещены в городах Тандо-джам (провинция Синд), Файсалабад (Пенджаб), Пешавар (Северо-западная пограничная провинция)¹¹.

Контроль за работой атомных объектов и состоянием окружающей среды на прилегающей к ним территории осуществляется управлением ядерной безопасности и радиационной защиты в структуре комиссии по атомной энергии. Одновременно с процессом накопления высокообогащенного урана, разработок и приобретения механических и электронных компонентов взрывного устройства в Пакистане отмечалось ведение геологических исследований с целью выбора района, пригодного для проведения испытания, а также строительство сети сейсмических станций, официально предназначенных якобы для изучения глубинных процессов земли и предсказания землетрясений¹².

Современное состояние СЯС Пакистана

В настоящее время Пакистан не имеет официально принятой ядерной доктрины. Имеющиеся данные указывают, что пакистанские власти уделяют приоритетное внимание развитию своего ядерного оружия перед лицом ядерных угроз, а также угроз применения обычного оружия со стороны Индии. В этой связи пакистанское руководство допускает использование ядерного оружия в качестве ответной меры на возможное широкомасштабное наступление Индии с применением обычных вооружений.

В настоящее время имеются весьма приблизительные оценки ядерного арсенала Пакистана. Предположительно, страна располагает ядерными боеприпасами в количестве более 60 ед., хотя оценки запасов делящихся материалов дают возможность предполагать о наличии и большего количества¹³. Возможными носителями ЯО в Пакистане могут быть самолеты тактической авиации и баллистические ракеты. В мирное время ядерные боеприпасы на носители не устанавливаются, а содержатся в пониженной технической готовности отдельно от них¹⁴.

Самолеты-носители. На вооружении ВВС Пакистана состоят самолеты, которые могут быть носителями ядерных авиабомб: F-16 американского, «Мираж-5» французского производства и совместная разработка ИРП и Китая истребитель JF-17. Наиболее вероятным носителем является истребитель F-16 различной модификации (тактический радиус – до 1100 км). В строю имеется 55 самолетов данного типа.

Баллистические ракеты. Пакистанская программа создания баллистических ракет реализуется с начала 1980-х годов и имеет два направления работ: жидкостные и твердотопливные ракеты. В основе их конструкции в большинстве случаев лежат зарубежные разработки – КНР и КНДР. Баллистические ракеты, которые могут быть носителями ядерных боеприпасов:

- малой дальности – «Хатф-3» (другое наименование – «Газнави»), а также «Хатф-4» («Шяхин-1»);
- средней дальности – «Хатф-5» («Гаури-1»), «Хатф-5А» («Гаури-2»), «Хатф-6» («Шяхин-2») (см. таблицу).

Таблица

Пакистанские баллистические ракеты

Параметры	Тип ракеты			
	«Газнави»	«Шяхин-1»	«Гаури-1» / «Гаури-2»	«Шяхин-2»
Максимальная дальность полета, км	290	500	1300/1500	2500
Масса ГЧ, кг	500	1000	700	700

Меры физической безопасности на ядерных объектах направлены прежде всего против действий экстремистов и террористов (например, похищения ядерного оружия или радиационного заражения объекта и близлежащей территории). В Пакистане такие меры предусматривают применение концепции многоуровневой защиты, когда доступ к каждому из объектов многократно перекрывается вооруженной охраной, системой заграждений и датчиков проникновения. Потенциальному злоумышленнику, таким образом, пришлось бы преодолеть несколько систем охраны, чтобы добраться до ядерных материалов и устройств, что весьма проблематично даже при наличии сообщников в одном из многочисленных контуров безопасности. Также в Пакистане практикуется раздельное хранение компонентов ядерных боеголовок и детонаторов к ядерным боезарядам: в мирное время они находятся на удаленных друг от друга объектах и могут быть собраны в единое боеготовое устройство при возникновении угрозы (например, со стороны Индии). Предполагается, что таких объектов всего шесть, хотя, возможно, за последние годы их количество было увеличено. Отсутствие точных данных о местах сборки ядерных устройств, как самого уязвимого для террористов элемента, вызывает большое беспокойство в США и других странах. Но такое физическое разделение делящихся ядерных компонентов от ядерных детонаторов повышает безопасность¹⁵.

Меры кадровой безопасности ориентированы на то, чтобы исключить возможность несанкционированных или неадекватных действий изнутри ядерного объекта – со стороны пакистанского военного персонала или сотрудников служб безопасности (в отличие от мер физической безопасности, которые направлены на защиту ядерных объектов, оружия и его компонентов от атак извне – со стороны экстремистов и террористов, желающих похитить ядерное оружие или вызвать радиационное заражение самого ядерного объекта и близлежащей территории). Кадровая политика в атомной отрасли Пакиста-

на, в основном скопирована с американской, и включает в себя целый комплекс мер.

Во-первых, в пакистанских вооруженных силах производится тщательный отбор военнослужащих для охраны ядерных объектов. Охрана состоит в значительной степени из офицерского состава провинции Пенджаб, который, как считается, менее подвержен исламистской пропаганде и менее связан с религиозными экстремистами. В службах безопасности практически нет пуштунов, так как предполагается, что они в большей степени поддаются пропаганде «Талибана» и составляют костяк пакистанских талибов, вербующих своих сторонников в FATA (Federally Administered Tribal Areas)¹⁶.

Во-вторых, в Пакистане действует программа «надежности персонала», аналогичная американской PRP (Personnel Reliability Program). В рамках этой программы каждый сотрудник, допущенный к охране ядерных материалов, проверяется на наличие симпатий к исламистам, связей за рубежом, сексуальных отклонений, личных проблем, на злоупотребление наркотиками или алкоголем и т.д.¹⁷

В третьих, в ВС Пакистана также применяют принцип перманентной ротации кадров, что снижает риск сговора сотрудников, работающих длительное время на одном месте, и правило «двух человек», при котором ни одно действие или решение, касающееся ядерного оружия, не может быть осуществлено менее чем двумя людьми. Постоянное обновление части персонала также позволяет снизить шанс заговора между сотрудниками, допущенными к обращению с ядерным оружием, делящимися материалами или их носителями. Предполагается, что персонал полностью ротировается в течение двух-трех лет¹⁸.

Основной задачей этих мер является сокращение риска сговора с террористами и попадания ядерных материалов, оружия или его компонентов в руки экстремистов или на черный рынок для продажи. По данным

на начало 2020 года, от 8 до 10 тыс. человек из службы безопасности Межведомственной разведки и военной разведки были задействованы в кадровой работе по отбору кандидатов¹⁹.

Ключевые аспекты пакистанской ядерной программы держатся в строгой тайне. Несмотря на то, что в открытой печати публикуется много сведений о характере ядерной программы Пакистана, и, конечно, еще больше известно спецслужбам США, Китая, Индии и других стран, тем не менее, ключевые факты остаются неясными: точная структура командования ядерными силами в случае военного кризиса (например, угрозы войны с Индией), многие процедуры контроля за ядерным оружием, точное расположение некоторых складов с ядерными компонентами взрывных устройств и детонаторами, расположение мест сборки ядерных устройств в угрожаемый период (в мирное время ядерные компоненты и детонаторы хранятся раздельно). Также неизвестны данные кадровой работы в спецслужбах Пакистана: количество и личности тех, кто был отстранен по программе PRP, причины их отстранения, как часто заменяются коды идентификации и активации²⁰.

Таким образом, Пакистан активно применяет методы введения в заблуждение потенциального противника. Известно, что на многих угрожаемых направлениях Пакистан развернул макеты ядерных ракет, чтобы усложнить задачу подсчета его возможностей по нанесению упреждающего или ответного удара. Вполне возможно, что такая же практика распространена и на сами ядерные устройства, при этом лица, задействованные в их охране, не знают, охраняют ли они реальное ядерное оружие или лишь макеты. Использование методов введения противника в заблуждение, однако, не обеспечивает полной безопасности ядерного арсенала: так, например, если отдельные компоненты пакистанской ядерной программы полностью скрыты завесой тайны, информация о других сравнительно легкодоступна.

Перспективы развития СЯС Пакистана

Следует отметить, что успехи Пакистана в создании баллистических ракет в значительной степени базируются на сотрудничестве с другими странами, в первую очередь КНР и КНДР. Западные специалисты отмечают, что возможностей для применения ядерного оружия в море у ВС Пакистана пока нет. Вместе с тем рассматривается возможность создания морских баллистических ракет на основе сухопутных для их установки на подводных лодках французского производства типа «Агоста 90В», две единицы которой были поставлены на вооружение пакистанских ВМС в марте 2007 года²¹. «Агоста 90В» предусматривает возможность оснащения 16 крылатыми ракетами типа «Гарпун» с ядерными боеголовками. На сегодняшний день Пакистан располагает двумя такими подводными лодками, что в условиях реального противостояния с Индией не является достаточным. Для обеспечения надежного потенциала второго удара пакистанское государство должно иметь в распоряжении не менее девяти подводных лодок с ракетами, оснащенными ядерными боеголовками, что в условиях крайне ограниченных экономических возможностей Пакистана представляется малореальным²².

Основная цель, как она просматривается на перспективу, состоит в качественном и количественном наращивании ядерного арсенала, достаточного для того, чтобы любое ядерное нападение на Пакистан и его ВС привело к адекватному ядерному возмездию, способному нанести агрессору невосполнимый урон. Особенность пакистанской политики состоит в том, что все решения, касающиеся ядерного оружия и средств его доставки, принимают исключительно военные. Даже несмотря на законодательно закрепленный приоритет гражданских органов власти и длительные периоды гражданского правления, пакистанские военные никогда не упускали реальный контроль за ядерными силами Пакистана

из своих рук²³. В ядерной отрасли Пакистана действует, на первый взгляд, весьма надежный комплекс мер обеспечения безопасности ядерных материалов, ядерных устройств и их компонентов атомной бомбы. В основном они разработаны на основе американских технологий и включают в себя меры физической безопасности, работу с кадрами, технические меры и процедуры, секретность и введение в заблуждение²⁴.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы и обобщения в отношении современного состояния и перспектив развития стратегических ядерных сил Исламской Республики Пакистан:

1. Увеличение темпов экономического роста Индии и Китая обуславливает повышение геополитического значения военного потенциала этих стран для принятия стратегических решений военно-политическим руководством Пакистана.

2. Ядерное оружие Пекина и Дели находится на разных уровнях развития, но подходы этих государств к оценке роли данного вида вооружений во многом схожи. В частности, они рассматривают ЯО не столько как средство ведения войны, но как необходимый политический атрибут сдерживания внешней угрозы. В условиях того, что ядерные государства продолжают рассматривать ЯО в качестве средства обеспечения военной безопасности, качественно и количественно наращивая свой ядерный потенциал, руководство Пакистана считает необходимым прилагать значительные усилия в данной области. При этом руководство ИРП уже приступило к формированию полноценной ядерной триады.

3. Военно-политическое руководство Пакистана осознает, что дальнейший рост арсеналов ЯО страны является опасной тенденцией, которая может оказаться существенным фактором дестабилизации региональной обстановки. Это обуславливает низкую вероятность принятия руководством ИРП решения на применение СЯС для разрешения двусторонних противоречий.

4. В Пакистане присутствует определенное количество факторов, которые обусловили создание ядерного оружия. В первую очередь, это военно-политический фактор, который оказался решающим при принятии решения о развертывании ядерной программы. Кроме того, важную роль сыграло наличие в стране достаточной научно-технической и экономической базы для разработки ядерного оружия и проведения его испытаний.

¹ Kartik Bommakanti. The Use of Force – Stability and Instability: India, Pakistan, and China // India Review 11, no. 3 (2012): 161–90.

² <https://www.armscontrol.org/factsheets/Nuclearweaponswhohaswhat>

³ https://en.wikipedia.org/wiki/Pakistan_and_weapons_of_mass_destruction

⁴ <https://nationalinterest.org/blog/buzz/pakistan-has-lots-nuclear-weapons-should-world-worry-74516>

⁵ <https://nationalinterest.org/blog/buzz/heres-how-china-made-pakistan-military-powerhouse-135137>

⁶ <https://nationalinterest.org/blog/buzz/forget-north-korea-pakistans-nuclear-weapons-program-truly-terrifying-45632>

⁷ <https://www.atomicheritage.org/history/pakistani-nuclear-program>

⁸ <https://www.nti.org/learn/countries/pakistan/nuclear/>

⁹ Stephen P. Cohen. Nuclear Weapons and Conflict in South Asia // Brookings, November 23, 1998, <https://www.brookings.edu/articles/nuclear-weapons-and-conflict-in-south-asia/>

¹⁰ <https://fas.org/nuke/guide/pakistan/nuke/>

¹¹ <https://nationalinterest.org/feature/pakistans-nuclear-weapons-program-5-things-you-need-know-12687>

¹² <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-o-s/pakistan.aspx>

¹³ <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/India-s-nuclear-submarine-provokes-Pakistan-to-renew-arms-race>

¹⁴ <https://www.vox.com/2018/4/2/17096566/pakistan-india-nuclear-war-submarine-enemies>

¹⁵ <https://www.iaea.org/newscenter/news/pakistan-streamlines-its-national-nuclear-power-programme-with-iaea-support>

¹⁶ <https://cnpp.iaea.org/countryprofiles/Pakistan/Pakistan.htm>

¹⁷ <https://www.reuters.com/article/pakistan-nuclearpower/pakistan-plans-to-build-several-new-nuclear-reactors-official-idUSL8N1N668Q>

¹⁸ <https://www.reuters.com/article/us-pakistan-nuclear-china/china-signs-deal-to-build-new-nuclear-reactor-in-pakistan-wnn-idUSKBN1DO1W6>

¹⁹ <https://carnegieendowment.org/2016/06/30/pakistan-s-nuclear-use-doctrine-pub-63913>

²⁰ <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/no-change-in-pakistans-nuclear-policy-fo-says-on-imrans-statement/articleshow/70958633.cms?from=mdr>

²¹ <https://www.nti.org/analysis/articles/pakistan-submarine-capabilities/>

²² http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/kiyo/pdf/bulletin_e2002_3.pdf

²³ <https://www.nature.com/articles/d41586-019-02578-5>

²⁴ <https://thediplomat.com/tag/pakistan-nuclear-doctrine/>

А.Ю. Носков

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РЕГИОНЕ ССАГПЗ

Сегодня очевидно, что экономические модели последних десятилетий в Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейте, Катаре, Омане и Бахрейне, предполагающие добычу и экспорт нефти и нефтепродуктов, нуждаются в серьезной трансформации.

Подтверждением этого является то, что все государства региона приняли долгосрочные программы стратегического характера, направленные на диверсификацию национальных экономик. Под этим термином понимаются развитие отраслей, не связанных с добычей и экспортом углеводородов, а также снижение степени участия государства в экономической жизни страны в пользу частного бизнеса. Однако несмотря на наличие некоторых схожих проблем, программа каждой монархии имеет свои особенности, акцентируя усилия на развитии туризма, финансового сектора, морской логистики, авиации и железнодорожных перевозок, обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, возможности по диверсификации существенно ограничены такими факторами, как низкий уровень развития индустриальной базы, суровые климатические условия, дефицит пресной воды, недостаточная степень квалификации населения.

Особо отметим, что реформирования требует и политика в области энергетики, а сама отрасль нуждается

в масштабных инвестициях. Планы реформ в этом направлении в монархиях Аравийского полуострова также не идентичны друг другу, однако общей тенденцией, характерной для всех стран региона, является повышение внимания к развитию возобновляемой энергетики, в первую очередь солнечной.

Ниже приведены некоторые из проблем, характерных для стран ССАГПЗ, на смягчение которых может повлиять развитие солнечной энергетики:

- низкий уровень развития обрабатывающей промышленности, частного бизнеса, сферы обслуживания;
- увеличение нагрузки на энергопроизводящие мощности и угроза экспортному потенциалу в связи с ростом внутреннего спроса на энергию (оценивается в 8% ежегодно)¹;
- высокий уровень безработицы и низкий уровень квалификации среди коренных жителей при наличии достаточного стимула для повышения качества трудовых ресурсов из числа национальных кадров.

Следует отметить, что солнечная энергетика сегодня в состоянии обеспечить частичное удовлетворение внутреннего спроса на энергию: эксплуатация крупных электростанций, а также небольших панелей и водонагревателей способна заменить, хотя пока в ограниченной степени, традиционные источники. При этом государства Аравийского полуострова рассматривают солнечную энергетику именно как источник для обеспечения внутреннего потребления, возможности ее экспорта за пределы региона сегодня маловероятны ввиду их географического расположения. Это важное отличие: к примеру, некоторые страны Северной Африки (Алжир, Тунис, Марокко, Египет), имеющие схожий климатический потенциал, рассчитывают со временем осуществлять экспорт электрической энергии, произведенной за счет солнечного света, на европейский континент. Но в условиях региона возобновляемая энергетика может лишь замедлить темпы роста внутреннего потребления традиционных

энергоносителей в аравийских монархиях, тогда как снизить объемные показатели использования нефти и природного газа для внутренних нужд в обозримой перспективе она не в состоянии.

Для стран Персидского залива солнечная энергетика является одной из немногих отраслей, способных внести весомый вклад в развитие обрабатывающей промышленности, сферы обслуживания, рынка труда, то есть стимулировать процесс диверсификации. Так, по данным Международного агентства по возобновляемым источникам энергии, солнечная энергетика в 2019 году обеспечивала 4,4 млн рабочих мест. Для сравнения: аналогичный показатель гидроэнергетики составляет около 2 млн. Международное агентство по возобновляемой энергетике в 2019 году предсказывало, что в случае реализации намеченных идей в развитии солнечной энергетике регион ССАГПЗ получит 220 тыс. новых рабочих мест к 2030 году². Этого не способна обеспечить нефтяная отрасль, несмотря на несопоставимые показатели рентабельности. Кроме того, пандемия коронавируса в 2020 году показала уязвимость таких сфер, как туризм, торговля или авиационные перевозки перед лицом глобальных факторов, тогда как возобновляемая энергетика будет более устойчива к ним.

Солнечная энергетика обладает и некоторыми преимуществами в области экологии и безопасности. Это важно в условиях Персидского залива: показатели загрязненности воздуха здесь одни из самых высоких в мире, а нефтяная инфраструктура или ядерные реакторы более рискованны с точки зрения угрозы терактов или военных действий. Однако сегодняшний технологический уровень развития солнечной энергетике в мире даже при самом оптимистичном сценарии в регионе позволит не улучшить экологическое состояние, а лишь незначительно поспособствовать замедлению роста объемов загрязнения воздуха в странах ССАГПЗ.

Пожалуй, наибольший вклад в привлекательность солнечной энергетике для аравийских монархий со вре-

менем могут внести климатические особенности: плотность энергии солнечного излучения здесь почти самая высокая в мире (более чем в два раза выше, чем в Германии, являющейся одним из мировых лидеров в развитии отрасли³), что в сочетании с низкой облачностью и высокой продолжительностью светового дня обуславливает весомое преимущество. С развитием технологий этот фактор может существенно повысить показатели объемов производимой энергии на единицу инвестиций до самых высоких в мире, чему также способствует наличие малонаселенных и пустынных территорий. Кроме того, песчаные массы содержат в себе кремний – материал, широко используемый при производстве фотовольтаических панелей.

Еще одна отличительная черта – потребление электричества домашними хозяйствами, где львиная доля приходится на кондиционеры. Логично, что нагрузка на охлаждающее оборудование возрастает с повышением температуры воздуха, и в эти же временные отрезки будут возрастать и показатели произведенной энергии с использованием фотовольтаического оборудования. Эта особенность технически упрощает процесс обеспечения внутренних нужд в электричестве, в отличие, например, от многих европейских стран, где наибольшие объемы потребления приходятся на обогрев и отопление⁴.

И конечно, важным стимулирующим фактором является наличие у аравийских монархий ресурсов для финансирования инвестиционных проектов в объемах, которые может позволить себе далеко не каждая страна.

Если говорить о планах, связанных с реализацией потенциала в развитии солнечной энергетики в монархиях Аравийского полуострова, то их можно охарактеризовать как амбициозные.

Так, принятый руководством Саудовской Аравии в 2016 году документ «Видение 2030» предполагает создание инфраструктуры общей мощностью 9,5 ГВт, использующей возобновляемые источники. В начале 2018 года

наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Саль ман подписал соглашение с руководителем Soft-Bank Group, предполагающее совместное инвестирование в строительстве крупной солнечной электростанции общей мощностью более 7 ГВт и стоимостью около 5 млрд долл. США – один из самых крупных проектов подобного рода в мире. Новость имела широкий резонанс, однако через несколько месяцев в прессе появилась информация о сворачивании проекта по причине разработки «более жизнеспособной стратегии» солнечной энергетики в Саудовской Аравии⁵. В июне 2020 года министр энергетики королевства заявил, что скоро общественности будет представлен проект в области солнечной энергетики, характеризующийся самой низкой в мире себестоимостью производства электричества из себе подобных. В последние годы принят ряд законопроектов, направленных на стимулирование развития сектора. Пока в стране функционирует несколько небольших (мощностью по несколько МВт) солнечных электростанций.

Катар приступил к строительству солнечной электростанции мощностью 0,8 ГВт. Выход на полную мощность запланирован на 2022 год. В эмирате также функционирует крупнейший в регионе завод по производству полисиликона, который применяется при создании солнечных панелей⁶.

В 2020 году в Омане введена в эксплуатацию крупнейшая в султанате солнечная электростанция мощностью 100 МВт, в стадии строительства еще один проект мощностью 500 МВт⁷.

Лидером по освоению отрасли в регионе являются ОАЭ: в 2013 году здесь была введена в эксплуатацию крупнейшая в регионе солнечная электростанция «Шамс-1» (с арабского – «солнце») мощностью 100 МВт, также функционирует несколько небольших станций. В стадии строительства – знаменитый «солнечный» город Масдар (с арабского – «источник») стоимостью 22 млрд долл. США, вся инфраструктура которого будет

функционировать за счет использования энергии солнечных лучей. При помощи финансовых инвестиций со стороны ОАЭ в 2015-2016 гг. удалось реализовать проект кругосветного перелета самолета Solar Impulse 2, который работал на солнечных батареях. По утверждению Международного агентства возобновляемой энергетики, почти 80% от общего объема солнечных батарей в монархиях Аравийского полуострова функционируют в ОАЭ. Заявленные цели предполагают, что к 2050 году $\frac{3}{4}$ потребляемого в стране электричества будут обеспечивать солнечные электростанции⁸.

В списке достижений эмиратской компании Masdar и саудовской ACWA Power – реализация нескольких проектов в сфере возобновляемой энергетики за границей, что позволило приобрести некоторый опыт.

При этом ситуация в аравийских монархиях парадоксальна: несмотря на огромный климатический потенциал и наличие финансовых ресурсов, реальные достижения в развитии солнечной энергетики крайне скромны, а общий объем эксплуатируемых мощностей не достигает 1 ГВт. Для сравнения: аналогичный показатель в Турции около 6 ГВт, в Испании – около 7 ГВт. Кроме того, в отличие от большинства других регионов, где в последние годы фактические показатели в развитии возобновляемой энергетики зачастую превышают плановые, для монархий Аравийского полуострова пока характерна другая тенденция: реальные достижения нередко отстают от заявленных целей. Значительная часть установленных мощностей в монархиях Аравийского полуострова носит исключительный характер, а использование солнечной энергии пока не получило широкого распространения и популярности. Идеи типа Масдар или Solar Impulse 2 хотя и привлекают интерес, но являются скорее экспериментальными и рекламными, нежели направленными на реальное развитие возобновляемой энергетики.

Кроме того, монархии в значительной степени используют иностранные технологии, оборудование и

рабочую силу, тогда как участие местных специалистов и промышленности крайне ограничено, в том числе при реализации зарубежных проектов. Роль аравийских монархий в большинстве случаев сводится лишь к общему управлению и выделению финансовых средств, при этом вопросы экономической эффективности и рентабельности этих проектов, по всей видимости, отходят на второй план. Впрочем, подобные особенности характерны и для многих других отраслей в странах региона.

Причины сложившейся ситуации следующие. Общеизвестно, что возобновляемая энергетика во всем мире рождается при государственной поддержке. И если в странах Европы, Китае, Японии и США система государственной поддержки возобновляемой энергетика была образована в первой половине 2000-х гг., то аравийские монархии приступили к этому только в середине 2010-х гг.⁹. И это при значительно более благоприятных климатических условиях и финансовых возможностях.

Увы, пагубное и разлагающее влияние оказал фактор «нефтяной зависимости»: если многие страны Европы или АТР, являющиеся импортерами энергоносителей, в период высоких цен на «черное золото» были вынуждены рассматривать альтернативные способы решения своих проблем, то для нефтедобывающих стран Персидского залива те годы характеризовались наличием высоких доходов от экспорта углеводородов. Поэтому возможность инвестирования в возобновляемую энергетика не казалась им привлекательной.

Кроме того, себестоимость производства солнечной энергии сегодня зачастую уступает традиционным энергоносителям, а в условиях аравийских монархий с их рекордно низкими потребительскими ценами на нефть разница будет еще выше, что негативно влияет на инвестиционную привлекательность проектов в возобновляемой энергетике.

При этом задержка с утверждением планов развития на несколько лет оказала более пагубное влияние: с учетом стремительного расширения масштабов использования солнечной энергетики в мире аравийские монархии существенно отстают в развитии собственной кадровой, индустриальной и даже законодательной баз в этом направлении. Важно и то, что в предыдущие годы передовые компании отрасли ориентировали производство на регионы с другой температурой и влажностью, тогда как жаркий климат Аравийского полуострова может сыграть и негативную роль: фотовольтаические панели и иное оборудование не готовы к таким условиям и будут подвержены более быстрому износу.

Для монархий Аравийского полуострова предпочтительнее создавать национальные отрасли, нежели финансировать реализацию проектов чужими силами и чужими ресурсами. Это обусловит необходимость развития системы субсидирования, подготовки кадров, предприятий по производству и обслуживанию. Важными проблемами являются необходимость очистки панелей от песчаных масс, возможное недовольство кочевых племен строительством инфраструктуры на территории их традиционного проживания, утилизация списанного оборудования и другие. Плановые документы, принятые правительствами аравийских монархий, содержат скорее общие количественные показатели и сроки исполнения, однако исчерпывающих решений описанных выше вопросов пока не предлагают.

Полностью положиться на привлечение иностранных специалистов и технологий для развития солнечной энергетики, как это было в случае с нефтью, непросто. Во-первых, этот ресурс будет разрабатываться для внутреннего потребления, а не экспорта, что существенно понижает интерес потенциальных инвесторов. Во-вторых, сегодня ситуация в экономиках аравийских монархий изменилась: времена бескрайних финансовых возможностей закончились, а необходимость развития сектора

с опорой на национальные индустриальные базы и рабочую силу очевидна. Уже не каждая страна региона готова пойти на то, чтобы бездумно тратить миллиарды долларов на привлечение иностранных инвесторов. Вместе с тем развитие отрасли без зарубежных партнеров сегодня невозможно. Как представляется, предпочтение будет отдано тому, чьи инициативы обеспечат не только строительство инфраструктуры или поставку оборудования, но и поспособствуют развитию местной индустриальной и кадровой баз. Вероятно, что этот аспект является основной причиной, по которой руководство монархий пока не спешит вкладывать большие суммы в проекты в сфере солнечной энергетики, предпочитая сосредоточиться на выработке более предпочтительной для себя модели взаимодействия с партнерами. Сегодня структура подрядчиков и поставщиков представлена главным образом отдельными европейскими производителями (в первую очередь французскими, испанскими, германскими), а также японскими, китайскими, корейскими и американскими. Хотя солнечная энергетика на Аравийском полуострове пока в зачаточном состоянии, а с началом ее расширения конкуренция за этот рынок будет высокой, непреодолимых препятствий за вступление в борьбу за него российских компаний, экспортирующих соответствующее оборудование и технологии, сегодня нет.

В августе 2020 года Израиль и ОАЭ подписали совместное соглашение о нормализации отношений. Оно является скорее политическим шагом, а оценивать его возможные последствия пока преждевременно. Вместе с тем солнечная энергетика является одним из самых перспективных направлений для возможной кооперации между двумя странами: климатические условия схожи, Израиль уделяет внимание сектору с 1950-х гг., а отрасль получила многостороннее развитие здесь. По ряду показателей (например, доля в общей структуре используемых энергоносителей) страна сумела выйти на одни из передовых позиций в мире, некоторая продукция

(панели, оборудование) экспортируется в десятки государств, функционирует несколько научно-исследовательских учреждений. При этом технологический, кадровый и индустриальный потенциал для ближневосточной страны сдерживается таким фактором, как относительно невысокий спрос, ограниченный по ряду аспектов внутренними потребностями¹⁰. Однако в случае, если бы израильские технологии получили доступ к финансовым ресурсам некоторых аравийских монархий, солнечная энергетика не просто обрела бы новый стимул для развития, но в течение нескольких лет могла бы преобразовать общую структуру производства энергии в масштабах всего региона. Однако отношения между Израилем и многими арабскими странами все еще остаются очень сложными, и при всей привлекательности такого сотрудничества пока это не больше, чем теоретическая возможность.

Добавим, что с экономической точки зрения солнечная энергетика теоретически может развиваться совместными усилиями стран Аравийского полуострова и даже в виде интеграционных проектов. К примеру, создание научно-исследовательского института или завода по производству панелей в случае одного Катара или Кувейта было бы сомнительным с точки зрения экономической эффективности проектом. Однако в условиях ориентированности подобных предприятий на рынок не одной страны, а сразу шести государств, их функционирование несло бы в себе иной эффект. Теоретически, достижению общих целей могли бы способствовать обмен опытом, совместные исследования, подготовка кадров, взаимодействие в торговле и логистике, создание общих электросетей и т.д. Но подход по реализации проектов на условиях интеграции не свойственен для государств Аравийского полуострова, отсутствует также подобный опыт, а политические противоречия между некоторыми странами региона глубоки и делают невозможным любое взаимодействие меж-

ду ними. Ввиду этого более вероятным сценарием представляется самостоятельное развитие «солнечного» потенциала каждой монархией, чем на основе совместной кооперации.

Таким образом, можно предположить, что правительства ОАЭ, Саудовской Аравии, Бахрейна, Катара, Кувейта и Омана продолжают уделять внимание солнечной энергетике и инвестировать в ее развитие. Вместе с тем имеются существенные препятствия, решений для которых пока не выработано, а политика в этом направлении будет глубже учитывать национальные интересы, по причине чего инвестиционные проекты будут существенно отличаться от предыдущих лет и требовать аналогичного подхода от иностранных подрядчиков и поставщиков. Вероятность «зеленой революции» или кардинальных преобразований в энергетической политике в связи с возобновляемой энергетикой в аравийских монархиях в ближайшие годы не следует оценивать как высокую.

¹ Renewable energy in the Gulf: fact and figures/International Renewable Energy Agency – <https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Factsheet/Renewable-Energy-in-the-Gulf.pdf>

² Irena report predicts GCC to create 200,000 solar power jobs by 2030 – <https://www.constructionweekonline.com/260703-Irena-report-predicts-GCC-to-create-200%2C000-solar-power-jobs-by-2030>

³ The outlook for renewable energy in the GCC/PWC/ – <https://www.strategyand.pwc.com/m1/en/reports/2018/the-outlook-for-renewable-energy-in-the-gcc.html>

⁴ Там же.

⁵ Saudi Arabia Shelves Work on SoftBank's \$200 Billion Solar Project – <https://www.wsj.com/articles/saudi-arabia-shelves-work-on-softbanks-200-billion-solar-project-1538328820>

⁶ Шмелева Т. А. О развитии солнечной энергетики в Катаре. – <http://www.iimes.ru/?p=66070>

⁷ Oman's largest solar power plant to start operation next year – <https://timesofoman.com/article/3017935/oman/transport/omans-largest-solar-power-plant-to-start-operation-next-year>

⁸ Кузнецов Р.А. О развитии возобновляемых источников энергии в странах Персидского залива. – <http://www.iimes.ru/?p=67842>

⁹ Чубайс А.Б. Лекция «Возобновляемая энергетика в России. Создание технологического кластера: 2007-2019-2035». – <https://www.youtube.com/watch?v=1QrPRSPXfw0>

¹⁰ Подробнее см.: Солнце как заместитель углеводов. Освоение зеленых технологий на Земле обетованной. – https://www.ng.ru/ng_energiya/2015-06-09/14_sun.html

Ф.О. Плещунов

**МИРОВАЯ ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА
КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ В ЕВРОПЕ
ПОЗИЦИЙ ИСЛАМИСТОВ
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ.
СИТУАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ**

2020 г. уже вошел в новейшую историю как период, отмеченный мировой пандемией нового коронавируса, которая хотя и не представлялась сперва серьезной угрозой, в какой-то момент сосредоточила на себе почти все внимание мирового сообщества. Для аналитиков, политологов и просто всех тех, кто традиционно следит за обстановкой на Ближнем Востоке, новости о распространении вируса по планете почти весь первый квартал года находились где-то на периферии информационного поля. Еще в конце февраля – начале марта темой № 1 в ближневосточной повестке было открытие границ с Европой для миллионов беженцев из Сирии и других стран региона президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом и ситуация в Греции, вызванная этим кризисом. Но 11 марта Всемирная организация здравоохранения объявила усугубляющуюся эпидемию пандемией, и все новости, связанные с Ближним Востоком, сразу отошли на второй план.

Отошли настолько, что отдельные острословы во всемирной сети на фоне доминировавшей на новостном фоне статистики по заболеваемости принялись во-

прошать: «А как же это ничего не слышно о том, что происходит в Сирии или Ливии?», «А куда делась проблема миграционного кризиса и нелегальной иммиграции в Европе?», «А чем заняты исламисты в период пандемии?», «А будут ли теракты?». Однако очень быстро все эти вопросы, показавшиеся острякам утратившими свою значимость на фоне мировой эпидемии, вновь стали актуальны для Европы самым неприятным образом.

Так, уже к середине марта эпидемию нового коронавируса в качестве пиар-повода активно и весьма цинично начала использовать террористическая группировка «Исламское государство» (запрещена в России). 15 марта, в начале самой острой фазы распространения вируса в некоторых странах Европы, в том числе во Франции, ИГ через свой официальный печатный орган, газету «Аль-Наба», порекомендовала своим сторонникам воздержаться от поездок в Европу из-за охватившей континент эпидемии, а тем, кто уже находился в Старом свете на момент обращения, – держаться подальше от больных людей, мыть руки перед едой и не ездить в зараженные районы. Иными словами, не ездить туда, где до эпидемии разворачивалась основная террористическая активность исламистов – в Париж, Брюссель, Лондон и другие проверенные города-мишени экстремистов в течение первых двух десятилетий XXI в.

Позднее исламисты изменили свое отношение к вирусу, начав в своих публикациях представлять его в качестве своего союзника в джихаде. 22 марта ливанское издание «Al-Masdar News» сообщило, что террористы в статье «Худшие кошмары крестоносцев» призвали Аллаха усилить мучения «неверных» от коронавируса, посланного якобы в качестве наказания за идолопоклонство¹. В выгодном для себя ключе трактуя информацию о сворачивании на время пандемии активности вооруженных сил США в местах дислокации по всему миру, террористы посчитали, что пандемия вынудила армии «крестоносцев» отступить в собственные страны, чтобы

бороться с эпидемией. В этой же публикации сторонники ИГ фактически полностью поменяли линию группировки, по сути призвав своих последователей не бояться вируса, а использовать вызванную пандемией ситуацию для усиления давления на страны Запада.

Далее приводятся выдержки из статьи ИГ, переведенной английским блогером-политологом иракского происхождения Айменом Джавадом аль-Тамими (Ayman Jawad Al-Tamimi): «Последнее, чего хотят крестоносцы, – чтобы их нынешние невзгоды, вызванные пандемией, совпали с атаками («моджахедов») в их собственных странах, такими, как (прошлые) нападения в Париже, Лондоне и Брюсселе... «Крестоносцы» надеются, что «моджахеды» будут спокойны и полны сожаления о своих нынешних страданиях, но они притворяются, что забыли о своих собственных преступлениях против мусульман, которые совершают и по сей день... Мусульмане не должны жалеть неверующих и отступников, но должны использовать имеющиеся возможности для... усиления давления на них... Им также следует помнить, что послушание Богу, наиболее предпочтительной формой которого является джихад, устраняет муки и гнев Божий (т.е., иными словами, осуществление джихада является лучшей гарантией защиты от эпидемии – прим. аль-Тамими)»².

И хотя представление пандемии в конце марта 2020 г. в качестве наказания немусульманам очевидным образом являлось грубым манипулированием фактами, поскольку от эпидемии серьезно пострадали многие страны со значительным или преимущественно мусульманским населением, в их числе Иран, Ирак, Китай, да и та же Франция, достаточно быстро в Европе нашлись те, кто решил следовать новому курсу исламистов максимально буквально.

Так, 4 апреля во французском городе Роман-сюр-Изер департамента Дром вооруженный ножом исламист напал на прохожих, ранил пятерых, а двоих человек убил. В отличие от британских коллег, почти сразу после пре-

ступления успешно ликвидировавших в подобных ситуациях двух исламистов в ноябре и феврале 2019-2020 гг., что позволило предотвратить новые жертвы, французская полиция была не слишком расторопной, что уже, кажется, стало ее характерной чертой. Поэтому когда стражи порядка наконец прибыли по вызову, террорист молился на коленях на арабском, готовясь сдаться.

Нападавшим оказался уроженец Судана 1987-го года рождения Абдалла Ахмед-Осман, имеющий французский вид на жительство как беженец. Здесь необходимо отметить, что в период мировой пандемии Франция в какой-то момент (в середине апреля 2020 г.) вошла в пятерку стран-лидеров по числу погибших от коронавируса (более 10 тыс. смертей на 100 с лишним тысяч случаев заражения), а еще позднее стала лидером в Европе по числу ежедневных смертей (порядка 1 500 человек в день). На фоне разразившейся в стране эпидемии власти Франции продлили сроки действия всех удостоверений иммигрантов, разрешили на период эпидемии остаться в стране всем просителям убежища. Более того, даже по просроченным иммиграционным документам в период пандемии вплоть до конца июня можно было легально находиться в Европе.

Эти меры, как показывает теракт в Роман-сюр-Изере, стали дополнительным фактором риска в этот период и дополнительной нагрузкой на правоохранные органы страны, значительные силы которых были задействованы в обеспечении безопасности граждан в рамках карантинных мер. После ареста террориста французская полиция все же активизировалась и начала более эффективно работать над делом, задержав еще двух подозреваемых, также выходцев из Судана. В то же время в ходе обыска в доме нападавшего правоохранные органы изъяли рукописи, в которых исламист писал среди прочего, что «живет в стране неверных»³.

Еще позднее появилась информация, которая напрямую связала действия Ахмед-Османа и с эпидемией ко-

ронавируса. Agence France-Press (AFP), ссылаясь на свой источник, сообщило о показаниях свидетелей, которые утверждали, что суданец был недоволен мерами по самоизоляции, установленными французскими властями в связи с распространением вируса, и был озлоблен ситуацией. При этом на допросе он заявил, что «не помнит того, что произошло»⁴.

С одной стороны, это позволяет сделать вывод, что молодой человек относился к категории людей с нестабильной психикой, на состоянии которых негативно сказались карантинные меры (что, в частности, вызвало всплеск бытового насилия по всему миру). С другой, очевидно, что в его случае, особенно с учетом записок о «стране неверных», мощным фактором давления стала пропаганда ИГ либо другой террористической группировки. Скорее всего, в обычной ситуации он не решился бы на что-то подобное либо даже не подумал бы об этом, но сочетание ограничений самоизоляции и выверенная экстремистская пропаганда в условиях кризиса дали результат, которого исламистам, вероятно, не удалось бы добиться в другое время.

Как будто бы оценив эффект от случившегося, через несколько дней после нападения во Франции «Исламское государство» сделало очередной ход в пропагандистской кампании по использованию мировой пандемии в своих интересах. 7 апреля британский таблоид «The Sun» сообщил о том, что ИГ выпустило серию плакатов, на которых коронавирус прямым текстом назывался «солдатом Аллаха». Плакаты содержали призыв к сторонникам террористической группировки «атаковать их (немусульман) тогда, когда они меньше всего этого ожидают», а в качестве фона были использованы фотографии Лондона и Чикаго⁵.

Не приходится сомневаться, что «засвечены» эти города были намеренно, по принципу «от противного», поскольку в США уровень общественной безопасности практически в любой ситуации и даже в условиях миро-

вой пандемии традиционно остается высоким, а британские полицейские после серии просчетов сделали выводы и быстро ликвидировали двух террористов, нападавших на прохожих в Лондоне в ноябре и феврале 2019-2020 гг. Это означает, что всерьез рассчитывать нанести свои удары именно в указанных городах исламисты не могли. Однако, как показал печальный пример Роман-сюр-Изера, пандемия давала достаточно большие возможности нанести такие удары в других государствах Запада.

Стоит отметить, что в ситуации с предупреждением угрозы исламистского экстремизма не только во Франции, но и во многих других странах мира и прежде всего в Европе, дополнительным фактором риска стали некоторые меры, предпринимаемые правительствами в связи с эпидемией коронавируса. Прежде всего это относится к решениям выпустить из тюрем и мест временного заключения и содержания часть людей, которые находились там на момент начала пандемии. Мотивировались такие действия опасениями массового распространения инфекции среди заключенных.

Во Франции на свободу к началу апреля вышло порядка 5 тыс. человек, осужденных за нетяжкие преступления, которым таким образом сократили и так подходивший к концу срок с учетом хорошего поведения. При этом чиновники также заявляли, что некоторым заключенным после окончания эпидемии придется вернуться в места заключения и отбыть свой срок до конца. Эти меры коснулись не только заключенных, но и беженцев, которые в конце марта – начале апреля массово выпускались французскими властями из центров содержания для лиц, просящих убежища, то есть коснулись в буквальном смысле той категории людей, к которой относился и совершивший нападение в Роман-сюр-Изере суданец.

Хотя это и не получило широкого освещения в СМИ, аналитических обзорах или правительственных отчетах, весной 2020 г. властям европейских государств в период пандемии неизбежно пришлось взглянуть с новой сторо-

ны на проблему беженцев и нелегальной иммиграции вообще. Введя режимы карантина или самоизоляции на своей территории, государства Евросоюза соответствующим образом ужесточили и контроль на внутренних границах ЕС (а в некоторых случаях и вовсе практически закрыли их), чтобы препятствовать распространению вируса. Внешние же границы как были закрытыми, так и остались таковыми, однако как ранее, так и теперь, в условиях пандемии, это не останавливало потоки беженцев и нелегальных иммигрантов, как показала ситуация на греко-турецкой границе в конце февраля 2020 г., когда президент Турции Р. Т. Эрдоган перестал сдерживать эти потоки, открыв границы своей страны для прохода в Европу беженцев из Сирии и других стран Ближнего Востока.

Невзирая на ужесточение пограничных мер по всему миру, нелегальная иммиграция не только продолжалась, но даже в некоторых случаях усилилась благодаря политическим решениям, подобным упомянутому выше. Вот только в условиях пандемии к стандартным рискам таких процессов, кроме традиционной террористической угрозы и риска повышения криминогенного фактора в странах ЕС, добавился и риск распространения инфекции, контролировать который фактически намного сложнее, чем выявлять, например, террористическую угрозу (впрочем, тут, конечно, многое зависит от эффективности спецслужб и правоохранительных органов конкретной страны).

И если ситуация на греко-турецкой границе Францию напрямую не затрагивает, то происходящее, например, на средиземноморском побережье Ливии – дело совсем другое. А обстановка там осложнилась в конце марта, о чем написала правозащитная организация Freedom United со ссылкой на британское издание «Гардиан» в материале «Беженцам, пострадавшим от принудительного труда в Ливии, угрожает коронавирус»⁶. Нервозность среди тех, кто весной 2020 г. находился в лагерях для беженцев в Триполи и центрах для временного содержания

вновь прибывших, в которых жили выходцы из Эритреи, Судана и других стран, выросла в связи с известием о том, что Агентство ООН по делам беженцев (УВКБ) объявило о приостановлении своей работы в регионе в связи с мировой пандемией. Также УВКБ и Международная организация по миграции приостановили полеты по переселению беженцев и гуманитарные миссии по спасению в Средиземном море (тех, кто пытается нелегально достичь на лодках побережья Италии или Франции – прим. авт.).

«Существует реальный риск того, что коронавирус будет связан с туберкулезом, который, как мы все знаем, уже является проблемой, и что мигрантов несправедливо обвинят и подвергнут стигматизации», – прокомментировал ситуацию в лагерях Лиам Келли, директор по стране в Датском совете по делам беженцев⁷. По мнению представителей организации Freedom United, причиной всех проблем с лагерями беженцев в Ливии весной 2020 г. являлось субсидирование Евросоюзом ливийской береговой охраны, которая регулярно останавливала лодки с мигрантами в море и возвращала их в центры временного содержания, где те использовались в качестве бесплатной рабочей силы и, возможно, в качестве живого щита представителями местных племенных вооруженных формирований. В организации считали, что решением проблемы является прекращение финансирования со стороны ЕС, что привело бы к ликвидации лагерей. Однако не уточняли, каким же образом ситуация должна была развиваться дальше, видимо считая на этом свою правозащитную миссию завершенной.

В расположенном в 113 милях от Триполи лагере беженцев Зинтан к концу марта 2020 г. десятки людей умерли от вспышки туберкулеза. Еще раньше порядка 200 беженцев были выпущены из триполитанского центра временного содержания Сабаа по причине проблем со здоровьем не уточненного характера. Если допустить, что в качестве альтернативы оказанию посильной помощи

на месте правозащитными организациями вроде Freedom United рассматривалось перемещение из гуманитарных соображений всех беженцев (в том числе и заболевших) в любую средиземноморскую страну Западной Европы, будь то Испания, Франция или Италия, это, без сомнения, поставило бы и без того перегруженные в тот период системы здравоохранения этих государств на грань катастрофы, а врачей – перед неуместной ни в каких обстоятельствах этической дилеммой: направить на лечение таких беженцев ресурсы и таким образом лишит этих ресурсов своих соотечественников или же проигнорировать страдания беженцев, в любом случае взяв на себя тяжелый груз вины.

В то же время едва ли приходится сомневаться, что какая-то часть имеющих проблемы со здоровьем беженцев и иммигрантов в 2020 г. все-таки достигла берегов ЕС. На этом фоне вдвойне недальновидным представляются действия как французского правительства, так и других государств, решивших выпустить заключенных и беженцев. Но даже если отбросить гипотезу о возможных родственных или дружеских связях уже находившихся в той же Франции беженцев и вновь прибывших иммигрантов, риск заразиться за время вынужденного пребывания за пределами мест заключения и содержания, с учетом крайне серьезной эпидемиологической ситуации в стране в марте-апреле, следует признать чрезвычайно высоким. Принимая во внимание длительный инкубационный период вируса, это могло бы обернуться настоящей катастрофой, которая способна унести в разы больше жизней, чем даже теракты исламистов. На момент сдачи этой статьи в печать, к счастью, о чем-то подобном известно не было.

Что же касается эффективности выявления террористических угроз со стороны исламистов, о чем шла речь выше, то нельзя сказать, что за 5 лет, прошедших с момента массовой резни, устроенной исламистами в редакции сатирического издания «Шарли Эбдо» и еще более

кровавых терактов в Париже осенью того же года, французские власти как-то особенно преуспели на этом поприще. Столь масштабных нападений не повторялось, однако похвастаться правоохранительным органам Пятой республики все равно было нечем.

Вот как в начале года охарактеризовал ситуацию заместитель главного редактора «Фигаро» Ив Траард: «(Прошло) 5 лет с убийств в (редакции) «Шарли Эбдо», Франция научилась жить с исламистской угрозой. Не проходит и месяца... без кровавого нападения с криком «Аллах Акбар» на нашей земле... Но есть ли смысл бороться с последствиями исламизма, если мы не боремся с истоками этой идеологии смерти? Однако на этом поприще отрицание продолжает конкурировать с наивностью. Едва ли что-то изменилось за последние 5 лет. Наоборот. Во имя (ценностей) разнообразия, недискриминации и прав человека Франция допустила ряд ударов по своей культуре и истории. Исламисты – горячая проблема. Они продолжают борьбу, которая даже если ведется без оружия, (привлекает новых сторонников) своим очарованием войны цивилизаций»⁸. Исламистские атаки в современной Франции стали настолько регулярными, что то же издание «Фигаро» в другой публикации называет такие периодические нападения кричащих «Аллах Акбар» экстремистов с ножами на прохожих «будничным джихадом»⁹.

На недостатки французской системы наблюдения за террористической активностью указывает и сенатор Натали Гуле (Nathalie Goulet). По ее данным, хотя в целом в базах данных системы значится порядка 20 тыс. человек, 12 тыс. из которых считаются радикальными исламистами, под круглосуточным наблюдением находится всего порядка дюжины¹⁰. У этой проблемы есть и обратная сторона: некоторые из тех, кто должен среди прочего осуществлять наблюдение за потенциальными террористами, сами обращаются к исламизму. Самым ярким примером этой настораживающей тенденции в октябре 2019 г. стал Микаэль Арпон, сотрудник IT-подразделения,

отслеживающего террористов, убивший четырех своих коллег прямо в префектуре парижской полиции.

Известный французский эксперт по Ближнему Востоку и джихадизму Жиль Кепель назвал этот инцидент «важным поворотным пунктом в исламистском терроризме». «Трудно поверить, что полиция, на которую мы полагаемся в вопросе нашей защиты и которая должна быть нашим последним оплотом перед терроризмом, сама может стать жертвой терроризма, которой перерезали горло в святой святых префектуры», – добавил Кепель¹¹.

Случай обращения в исламизм Арпона стал известен благодаря совершенному им теракту, но является далеко не единственным. Так, после его атаки, в префектуре у семи офицеров полиции, подозреваемых в радикализации, было отобрано табельное оружие, еще несколько были взяты под пристальное наблюдение, а всего полицейский префект Парижа Дидье Лальман сообщил о 33 случаях радикализации, информация о которых была получена префектурой¹². Кроме того, британское издание «Телеграф» со ссылкой на «Фигаро» в конце декабря 2019 г. написало, что за последнее время исламистам удалось привлечь в свои ряды десятки действительных и бывших солдат французской армии, в том числе т. н. командос, имеющих экспертные навыки обращения с оружием и взрывчаткой.

Согласно докладу парижского Центра анализа терроризма «Солдаты и джихад», на который ссылаются как британское, так и французское издания, более трети бывших французских военнослужащих обратились в ислам и почти половина из них служила в элитном Иностранном легионе, десантных подразделениях или отрядах командос и морских пехотинцев, где они приобрели опыт участия в боевых действиях, обращения с оружием и взрывчатыми веществами. В отчете аналитического центра среди прочего говорится, что в настоящее время французская армия «представляет собой стратегическую цель по вербовке для террористических групп...

и бывшие солдаты являются огромным активом для таких групп»¹³.

Авторы отчета описывают 23 профиля бывших французских военнослужащих, которые «были выявлены в террористических организациях (речь преимущественно идет об «Исламском государстве») или участвовали в подготовке террористических атак». В подготовленном еще раньше отчете сената отмечалось, что порядка 30 бывших военных присоединились к группировкам джихадистов с 2012 г. Несколько из бывших легионеров были арестованы в связи с участием в подготовке террористических заговоров во Франции, а еще часть бывших десантников стала лидерами подразделений ИГ в Сирии и Ираке.

По данным отчетов, некоторые бывшие военнослужащие радикализировались после того, как вступили во французскую армию, иные же начали интересоваться идеологией джихадизма после того, как ушли в отставку. В то же время были отмечены и случаи, когда люди сознательно вступали во французскую армию, чтобы впоследствии применить полученные в ней навыки уже в рамках джихадистских группировок. Самым показательным в этом отношении считается дело джихадиста из французской Шаранты, названного Борис В., который вступил в ряды воздушных коммандос с намерением получить навыки, которые быгодились террористической группировке. Позднее он взял себе псевдоним Юнус Дезертир и был убит около Алеппо в Сирии в 2016 г. Кроме того, в конце 2019 г. был арестован обратившийся в ислам Фредерик Р., ветеран Иностранного легиона за 60, признавшийся в том, что помогал группе радикальной молодежи планировать атаки.

В то же время французская военная разведка заявила, что в течение 2019 г. были предприняты меры по обнаружению и предотвращению процессов радикализации в армии Пятой республики, и несколько солдат, вызывающих подозрения, находятся под наблюдением. Однако

добавила, что ни один из этих солдат не представляет непосредственной угрозы, и в целом уровень такой угрозы «со стороны суннитского джихадистского ислама в вооруженных силах в настоящее время считается низким»¹⁴. Учитывая то, в каком неудовлетворительном состоянии в последние годы находятся французские спецслужбы и правоохранительные органы, едва ли подобные оценки можно всерьез признать авторитетными.

Однако эта ситуация перестанет вызывать удивление, если принять во внимание происходящее сегодня во французском обществе размывание таких еще недавно фундаментальных для демократии Пятой республики понятий, как свобода слова. «Мы (все еще) во Франции или (уже) в Пакистане»? – вопрошает левый журналист Жак Жульяр, комментируя заголовки французских СМИ 2020 г. вроде «Мила, 16-ти лет, получает угрозы жизни за критику ислама»¹⁵. Девушка в ходе трансляции в соцсети в ответ на оскорбления со стороны ровесника-мусульманина резко раскритиковала ислам и тут же начала получать угрозы жизни. Политики, как будто забыв о принципе свободы слова, предпочли либо дистанцироваться от случившегося, либо в той или иной форме осудить реакцию подростка. В ответ некоторые из поддержавших девушку публицистов и общественных деятелей обвинили власти в том, что в сложившейся ситуации те ведут себя так, как будто в стране уже действует закон об уголовном наказании за богохульство, как в Пакистане или Иране.

Если общество не может защитить свои ценности или хотя бы прийти к какому-то консенсусу относительно того, что эти ценности изменились, стоит ли удивляться, что общество не может защитить и себя? В условиях, когда весьма значительные ресурсы страны задействованы в борьбе с мировой пандемией, уязвимость такого рода становится критической. Как будто бы предчувствуя это, президент Франции Эммануэль Макрон в начале 2020 г. объявил о программе мер противодействия тому, что он

назвал «исламистским сепаратизмом» или «политическим исламом», разъединяющим общество. «Проблема в том, что во имя религии некоторые люди хотят отделиться от Республики и таким образом не уважают ее законы. Здесь, во Франции, нет места для политического ислама. То, что нам необходимо принять, не является, как я слышал от некоторых людей, «планом против ислама». Это было бы глубокой ошибкой. То, с чем мы должны бороться, это сепаратизм», – сказал французский президент в специальном выступлении 18 февраля¹⁶.

План Макрона предусматривал ограничение роли, которую иностранные правительства могут играть во Франции в таких сферах, как подготовка имамов, финансирование мечетей и детско-юношеское образование. Среди прочего Макрон заявил о том, что планирует ликвидировать существовавшую в течение десятилетий программу обмена учителями «Преподавание языка и культуры (страны) происхождения» (L'Enseignement Langue et Culture d'origine, ELCO), в рамках которой учителя из таких стран, как Алжир, Марокко, Тунис и Турция, приезжали и проводили во Франции языковые и культурные курсы без какого-либо надзора со стороны властей Пятой республики.

Учителя из упомянутых стран каждый год совокупно обучали порядка 80 тыс. студентов. Кроме того, эти страны ежегодно отправляли во Францию несколько сотен имамов, многие из которых, по словам Макрона, часто оказывались связаны с салафитами или другими исламистскими движениями, течениями и организациями вроде «Братьев-мусульман», а также «проповедовали против республики». Программа, озвученная французским президентом, предусматривала замену к сентябрю 2020 г. ELCO на двусторонние соглашения, чтобы гарантировать, что у Франции будет контроль за содержанием курсов.

Весьма показательно, что единственным государством, отказавшимся подписывать такое двустороннее соглашение, оказалась Турция. «Сегодня Турция может

выбрать, пойти с нами по этому пути или нет, но я не позволю ни одному иностранному государству подпитывать культурный, религиозный или связанный с самоидентификацией сепаратизм на территории нашей республики. Мы не можем иметь турецкие законы на французской земле. Без вариантов», – прокомментировал турецкую политику Макрон¹⁷. Едва ли можно что-то добавить к этому. Впрочем, усилия турецкого президента Реджепа Тайипа Эрдогана и курируемых им организаций вроде Дианета по наращиванию влияния Турции среди мусульманских общин Европы заслуживают отдельного масштабного исследования.

Сверх вышеописанных мер план Эммануэля Макрона также предусматривает возвращение государственного контроля над т. н. мусульманскими гетто во Франции. Кроме этого пункта план также включает следующие три: 1) борьба против иностранного влияния в школах и местах религиозного культа; 2) реорганизация исламского богослужения во Франции в соответствии с принципами секуляризма и законами страны; 3) борьба со всеми манифестациями исламистского сепаратизма и коммунитаризма. «Прозрачное финансирование мечетей, обучающиеся во Франции и уважающие республиканские ценности и принципы имамы – вот как мы создадим условия для свободного исповедания мусульманами своей религии во Франции», – подытожил Макрон свою инициативу¹⁸.

Озвучена эта инициатива была едва ли больше, чем за месяц до того, как во Франции начала разгораться эпидемия нового коронавируса, масштабы которой уже на конец апреля 2020 г. для страны оказались таковы, что наверняка повлияли на сроки выполнения многих государственных проектов и программ, в том числе и этой. Очевидно, что такая задержка оказалась на руку некоторым из стран, о которых в своей речи столь настороженно отозвался Эммануэль Макрон. Например, Турция по состоянию на конец апреля, несмотря на вспышку эпидемии в стране, так и не ввела карантин на своей

территории, опасаясь коллапса экономики, а значит, получила или сберегла дополнительные финансовые резервы, чтобы, среди прочего, влить их при необходимости в дестабилизирующие европейские общества программы вроде тех, что продвигает организация Дианет.

Как показали события весны 2020 г., во многих странах мира и, в том числе, во Франции мировая пандемия оказалась новым сложным контекстом не только для систем здравоохранения, непосредственно задействованных в борьбе с эпидемией, но и для правоохранительных органов, для социальных служб и международных общественных организаций вроде УВКБ. Применительно к террористической деятельности исламистов на территории Европы и пропаганде таких движений эта ситуация позволила осуществиться сценариям, которые в обычной обстановке можно было бы признать весьма маловероятными. А меры, призванные по замыслу правительств снизить угрозу разрастания эпидемии, в то же время стали катализатором для появления или усугубления других угроз общественной безопасности. Едва ли мировая пандемия 2020 г. окажется единственной и самой серьезной в среднесрочной перспективе, поэтому от того, как правительствами будет проанализирована текущая ситуация, будет зависеть и эффективность, с которой они в условиях будущих кризисов смогут реагировать на другие угрозы. Не только биологического характера.

¹ См.: ISIS calls on God to increase coronavirus torment against idolatrous nations. [Электронный ресурс] // Al-Masdar News, 22.03.2020. URL: <https://www.almasdamnews.com/article/isis-calls-on-god-to-increase-coronavirus-torment-against-idolatrous-nations/> (дата обращения: 21.04.2020).

² Цит. по: Aymenn Jawad Al-Tamimi. Islamic State Editorial on the Coronavirus Pandemic. [Электронный ресурс] // Aymenn Jawad Al-Tamimi's Blog, 19.03.2020. URL: <http://www.aymennjawad.org/2020/03/islamic-state-editorial-on-the-coronavirus> (дата обращения: 21.04.2020).

³ Цит. по: Во Франции задержали третьего человека по делу о нападении в Дроме. [Электронный ресурс] // РИА Новости, 05.04.2020. URL: <http://ria.ru/20200405/1569596845.html> (дата обращения: 21.04.2020).

⁴ См. AFP: совершивший нападение с ножом на юго-востоке Франции был недоволен самоизоляцией. [Электронный ресурс] // ТАСС, 05.04.2020. URL: <http://tass.ru/proisshestiya/8167027> (дата обращения: 21.04.2020).

⁵ См. Patrick Кнох. ISIS brands coronavirus ‘a soldier of Allah’ as it threatens attacks on London and Chicago. [Электронный ресурс] // The Sun, 07.04.2020.

URL: <https://www.thesun.co.uk/news/11349907/isis-coronavirus-soldier-allah-attacks-london-chicago/> (дата обращения: 21.04.2020).

⁶ См. Refugees subjected to forced labor in Libya now threatened by coronavirus. [Электронный ресурс] // Freedom United, 26.03.2020. URL: <https://www.freedomunited.org/news/refugees-subjected-to-forced-labor-in-libya-now-threatened-by-coronavirus/> (дата обращения: 21.04.2020).

⁷ Цит. по: Sally Hayden. Libya’s refugees face being cut off from aid due to coronavirus. [Электронный ресурс] // The Guardian, 24.03.2020. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/mar/24/libyas-refugees-face-being-cut-off-from-aid-due-to-coronavirus> (дата обращения: 21.04.2020).

⁸ Цит. по: Giulio Meotti. France, The "Budding Islamic Republic". [Электронный ресурс] // Gatestone Institute, 10.01.2020.

URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/15412/france-islamic-republic> (дата обращения: 21.04.2020).

⁹ Ibid.

¹⁰ Nicky Harley. French senator warns of ISIS attack over monitoring failings on anniversary of Strasbourg atrocity. [Электронный ресурс] // The National, 11.12.2019.

URL: <https://www.thenational.ae/world/french-senator-warns-of-isis-attack-over-monitoring-failings-on-anniversary-of-strasbourg-atrocity-1.950014> (дата обращения: 21.04.2020).

¹¹ Цит. по: Joseph A. Harriss. France’s Fifth Column: Terrorist Infiltration of the Paris Police Force. [Электронный ресурс] // The American Spectator, 11.10.2019.

URL: <https://spectator.org/frances-fifth-column-terrorist-infiltration-of-the-paris-police-force/> (дата обращения: 21.04.2020).

¹² См.: Guns confiscated from French police officers suspected of radicalization. [Электронный ресурс] // RFI, 31.10.2019.

URL: <http://www.rfi.fr/en/france/20191031-seven-officers-guns-confiscated-police-radicalisation-paris-prefecture-knife-attack> (дата обращения: 21.04.2020).

¹³ Цит. по: David Chazan. Dozens of former French soldiers joined jihadist groups in Middle East, new report reveals. [Электронный ресурс] // The Telegraph, 18.12.2019.

URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/12/18/thirty-former-french-soldiers-joined-jihadist-groups-middle/> (дата обращения: 21.04.2020).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Цит. по: Giulio Meotti. France Quietly Reintroducing the Crime of Blasphemy. [Электронный ресурс] // Gatestone Institute, 09.02.2020.

URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/15526/france-blasphemy-censorship> (дата обращения: 21.04.2020).

¹⁶ Цит. по: Transcription du propos liminaire du Président de la République lors du point presse à Mulhouse. [Электронный ресурс] // Elysee, 18.02.2020.

URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/18/protoger-les-libertes-en-luttant-contre-le-separatisme-islamiste-conference-de-presse-du-president-emmanuel-macron-a-mulhouse> (дата обращения: 21.04.2020).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

СТРАТЕГИЯ КИТАЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Последние два десятилетия Китайская Народная Республика (КНР) последовательно расширяет географию своих национальных интересов. Показательно в этом плане понятие «глобальное добрососедство», активно используемое в китайской политической науке и практике с середины 2000-х гг. наряду с уже ставшим традиционным понятием «пояс добрососедства» (под ним подразумеваются отношения с сопредельными странами)¹. Параллельно с этим происходит внедрение в общественное сознание психологии «великой державы» и идеи «великого возрождения китайской нации»².

Для того чтобы избежать чрезмерной зависимости от США, страны Персидского залива (СПЗ) укрепляют национальный военный потенциал и агрессивно диверсифицируют свои экономические и военные связи с Китаем³. В долгосрочной перспективе это может подтолкнуть некоторые арабские страны СПЗ к укреплению своего сотрудничества с китайской стороной в сфере безопасности⁴ и размещению на своей территории военных объектов КНР, включая военно-морские базы (ВМБ)⁵.

Китайская Народная Республика, обладающая высоким экономическим потенциалом, играет все более стратегически важную роль для СПЗ. В последние годы сфера интересов китайской стороны в Персидском заливе рас-

ширилась – от узкой направленности на торговлю углеводородами до широкомасштабных инвестиций в энергетику, промышленность, финансы, транспорт, связь и прорывные технологии. Китай также становится все более важным участником программ экономической диверсификации СПЗ. Так, объем двусторонней торговли между Китаем и СПЗ достиг 163 млрд долларов в 2018 году, и в ближайшие годы будет расти и дальше. В настоящее время Китай является главным экономическим партнером СПЗ и крупнейшим торговым партнером Кувейта, Омана, Саудовской Аравии и ОАЭ⁶.

Руководители СПЗ осознают, что экономический рост КНР сопровождается увеличением военной мощи Народно-освободительной армии Китая (НОАК), что позволит китайской стороне проводить более решительную политику в регионе для достижения своих стратегических целей⁷. Кроме того, несмотря на свои усилия по диверсификации источников нефти, Китай остается зависимым от Ближнего Востока и Африки в отношении примерно двух третей своего общего импорта. Таким образом, китайская сторона продолжает полагаться на морские линии связи, такие как Баб-эль-Мандебский пролив, Южно-Китайское море, Ормузский пролив, Малаккский пролив и Суэцкий канал для большей части своей торговли и импорта энергоносителей. Кроме того, проекты, связанные с постконфликтным восстановлением в других странах Ближнего Востока, таких как Ирак, Ливия, Сирия и Йемен, могут в конечном итоге стоить сотни миллиардов долларов, и именно китайские предприятия имеют возможность выиграть значительную долю этих контрактов.

Растущая экономическая и военная мощь Китая, а также его постоянное место в Совете Безопасности ООН гарантируют, что его глобальное влияние будет только возрастать со временем. В связи с этим СПЗ рассматривают КНР как важный источник политической поддержки, особенно когда они приступают к программам диверсификации и избирательным экономическим реформам, од-

новременно противодействуя давлению Запада по таким вопросам, как права человека и демократизация. Отсутствие официальной реакции Китая в связи с убийством саудовского журналиста Джамала Хашогги в консульстве Саудовской Аравии в Стамбуле в 2018 году укрепило мнение руководства СПЗ, что их мировоззрение более тесно связано с позицией Пекина, чем с мнением их традиционных западных партнеров.

Китай в целом воздерживается от прямого участия в спорах в странах Ближнего Востока. Он установил хорошие связи с руководством всех государств региона. За счет этого экспорт китайского оружия СПЗ ежегодно растет. В настоящее время китайские беспилотные летательные аппараты производятся в Саудовской Аравии и используются в Египте и Ираке для борьбы с терроризмом⁸. Кроме того, китайская сторона направила около 1000 военнослужащих на свою первую зарубежную военную базу в Джибути для выполнения задач по борьбе с пиратством. К началу 2020 года КНР уже направила 32 конвойные флотилии в Сомали и прилегающие воды для обеспечения безопасности в Красном и Аравийском морях⁹.

Растет деятельность Китая и в рамках миротворческих миссий ООН. В 2018-2019 гг. КНР направила на Ближний Восток и в близлежащие районы более 1800 солдат и полицейских: Западная Сахара (10 человек), Дарфур в Судане (371 человек), Ливан (418 человек), Южный Судан (1056 человек) и израильско-палестинская граница (5 человек).

Кроме того, китайские военные участвовали в операциях, одобренных Советом Безопасности ООН. Например, корабли военно-морских сил НОАК сопровождали суда ООН, перевозившие химическое оружие из Сирии для уничтожения на Кипре. Китай неоднократно развертывал вооруженные силы для поддержки эвакуации китайских граждан из стран Ближнего Востока, таких как Ливан, Ливия и Йемен¹⁰.

Китайские инвесторы со своей стороны не используют западные и местные охранные предприятия для обеспечения безопасности проектов и защиты специалистов, а прибегают к услугам национальных частных военных компаний. В настоящее время на Ближнем Востоке наращивают свое присутствие такие китайские компании, как подконтрольная вооруженной народной милиции КНР Snow Leopard, Tianjiao Tewe (GSA) и Huaxing ZhongAn¹¹.

Однако руководство арабских государств региона обеспокоено политикой Китая в отношении Ирана, особенно военным сотрудничеством между двумя странами. Тем не менее, китайская сторона проявила осторожный подход к Тегерану, несмотря на свою поддержку ядерной сделки с Ираном¹². Все экономические показатели демонстрируют, что Китай не инвестировал значительные средства в Иран, несмотря на заявления Тегерана об обратном. Кроме того, большинство китайских военных производителей воздерживается от передачи технологий иранским компаниям¹³.

Следует отметить, что при значительном снижении геополитического и военного потенциала США и невозможности обеспечить защиту СПЗ из-за разработки Ираном ядерного оружия такие государства, как Саудовская Аравия, могут начать свои собственные ядерные программы или приобретут усовершенствованные баллистические ракеты. В этом случае именно КНР может оказать им соответствующую военно-техническую и технологическую помощь, став тем самым ключевым гарантом безопасности на Ближнем Востоке.

Одновременно с тем, как СПЗ стремятся получить экономические и политические выгоды от возросшей роли Китая в регионе, руководства этих государств в краткосрочной перспективе намерены сохранять баланс между отношениями с КНР и давним союзником – США.

В настоящее время у Китая нет военных и материально-технических возможностей, чтобы обеспечить надежную альтернативу американскому “зонтику безопасности”

в Персидском заливе. США разместили десятки тысяч военнослужащих в регионе и поддерживали базы в каждой СПЗ, кроме Саудовской Аравии, а также в Афганистане, Ираке, Иордании, Турции и Сирии. С точки зрения арабских государств, уровень безопасности, обеспечиваемый военными США, несмотря на растущую неопределенность в отношениях с ними, в краткосрочной перспективе останется решающим для поддержания мира и стабильности в Персидском заливе.

Для обеспечения сбалансированных отношений с КНР и США руководство СПЗ ограничивает поддержку расширения военного присутствия китайских военных в регионе. Так, несмотря на то, что Китай является основным рынком для экспорта оманской нефти и планирует стать крупнейшим инвестором в его порт Дукм, оманская сторона предоставила американским военным доступ к объектам как в том же Дукме, так и в еще одном порту Салале. Кроме того, Саудовская Аравия и ОАЭ являются одними из немногих стран, которые приобрели у США ракетные комплексы «Пэтриот».

Усилия китайского руководства по расширению своего присутствия и влияния на Ближнем Востоке также сталкиваются с противодействием со стороны США. Так, заместитель помощника министра обороны США по Ближнему Востоку Майкл Малрой в августе 2019 года предупредил, что расширение взаимодействия СПЗ с Китаем на Ближнем Востоке может подорвать сотрудничество в области обороны между США и их союзниками в этом регионе.

Уже будучи крупнейшим в мире потребителем энергии, Китай будет все больше зависеть от импорта нефти и газа, поскольку его экономика может продолжить расти в ближайшие десятилетия. В 2018 году почти 30% китайского импорта нефти (или 2,9 млн баррелей в день) приходилось на страны СПЗ. При этом более половины этого объема приходилось только на Саудовскую Аравию. В свою очередь, сотрудничество ОАЭ с Китаем носит

в основном экономический характер еще и потому, что страна стремится стать главным торговым хабом для китайской инициативы «Экономического пояса Нового Шелкового пути» (ЭПНШП). Так, около 60% европейской и африканской торговли Китая проходит именно через ОАЭ. Таким образом, два самых влиятельных государства СПЗ – Саудовская Аравия и ОАЭ – останутся базовыми партнерами экономической политики Китая на Ближнем Востоке.

Экономические интересы СПЗ и Китая также сходятся в более широком географическом регионе. Растущее внимание китайской стороны к Красному морю может повлечь за собой большие попытки сформировать выгодную для Саудовской Аравии морскую торговлю в этом районе и в западной части Индийского океана. Кроме того, агрессивная экономическая политика КНР совпадает с планами Кувейта, Омана, Катара и Саудовской Аравии по строительству новых портов и увеличению мощностей, существующих в регионе. Эти планы подтверждаются стремлением ОАЭ активно инвестировать в ЭПНШП, особенно в Африканский Рог, и тем самым сохранять свое лидирующее экономическое положение в регионе. Хотя ОАЭ стремятся привлечь китайские инвестиции, они также опасаются расширения китайских компаний в портах региона, что может поставить под угрозу статус Дубая как регионального торгового центра.

Несмотря на успехи ближневосточной политики КНР, существует ряд причин, которые препятствуют закреплению ее позиций в регионе. Во-первых, конфликтогенный потенциал самого Ближнего Востока объективно затрудняет политику любого внерегионального актора. Во-вторых, воздействие «американского фактора». Нельзя отрицать, что влияние Вашингтона на Ближнем Востоке несколько снизилось, однако он по-прежнему остается наиболее заметным игроком на «ближневосточной шахматной доске». В-третьих, еще одним фактором, в какой-то степени затрудняющим проникновение Китая на Ближний Восток, выступает невысокий интерес китайцев к исламской

культуре. В-четвертых, ближневосточная политика КНР строится на принципах невмешательства и нейтральности. Именно в этой плоскости кроются ключевые отличия китайской внешней политики от американской и даже российской¹⁴. Но, по некоторым оценкам, такая политическая линия не вполне соответствует статусу ведущей мировой державы. Кроме того, сама ситуация на Ближнем Востоке не предполагает пассивной позиции. В этой связи эксперты доказывают, что пришло время менять прежнюю, слишком «тихую» и «мягкую» ближневосточную политику Китая¹⁵.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что политическое и военное руководство Китая активно и последовательно расширяет свое влияние на Ближнем Востоке, используя для этого миротворческие миссии ООН, производство и экспорт ВВТ, а также укрепление торгово-энергетических связей с государствами региона. Вместе с тем в краткосрочной перспективе китайская сторона не сможет в полном объеме заменить США в качестве ключевого союзника СПЗ и государства-гаранта их безопасности.

¹ Небренчин А.С., Небренчин С.М. КНР – сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2017. – 116 с.

² Innovative China – New Drivers of Growth // International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank and the Development Research Center of the State Council, P. R. China, 2019, p. 23.

³ <https://thediplomat.com/2020/01/what-cpec-means-for-chinas-middle-east-relations/>

⁴ <http://www.chinaarabcf.org/chn/zagx/gjydy/t1699552.htm>

⁵ <https://wgi.world/china-s-closeness-to-the-middle-east/?fbclid=IwAR1GV4JS1bMGSMXP7UytKQiqfuCcZnYaRv5JMiw2MRyd5-h11vQLpyoIo3Y>

⁶ <https://thediplomat.com/2019/03/can-china-remake-its-image-in-the-middle-east/>

⁷ Шлындов А.В. Вооруженные силы Китайской Народной Республики. Очерки: монография / Ред.-сост. Н.В. Анисимцев. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2019. – 184 с.

⁸ <https://carnegietsinghua.org/2019/04/16/zh-event-7099>

⁹ http://www.xinhuanet.com/world/2019-08/28/c_1124931654.htm

¹⁰ Современные вооруженные силы. – Пекин: издание Научно-технического информационного центра национальной обороны КНР. 2019, № 11, 120 с.

¹¹ Корабельное вооружение. – Пекин: изд-во «Китайской кораблестроительной промышленной корпорации». 2019, № 12, 111 с.

¹² <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-50987403>

¹³ <https://mil.sina.cn/zgjz/2019-11-30/detail-iihnzhfz2672349.d.html?vt=4&cid=56268>

¹⁴ Kashin V., Lukin A. Russian-Chinese Security Cooperation in Asia // Asian Politics and Policy. 2018. Vol. 10. No.4. P. 614-632.

¹⁵ <https://www.rfa.org/mandarin/yataibaodao/junshiwaijiao/wy-01082020105609.html>

И.И. Стародубцев

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Российско-турецкие отношения эпохи «Путина – Эрдогана» подходят к окончанию своего второго десятилетия. Невзирая на то, что с принятыми поправками в Конституцию РФ президент В. Путин снова получил возможность избираться на высшую должность в Российской Федерации в 2024 и 2030 годах, а президент Р.Т. Эрдоган, скорее всего, и без всяких референдумов прибегнет к «обнулению», посчитав свой срок с 2018 года за первый (после конституционного референдума в 2017 году, превратившего Турцию в президентскую республику¹), можно подводить промежуточные итоги и говорить о наследии «Путина – Эрдогана».

Начать стоит с того, что формирует каркас современных российско-турецких отношений – с тех мега-проектов, которые реализуются сторонами: первая турецкая атомная электростанция «Аккую» (соглашение от 2010 года²), газопровод «Турецкий поток» (соглашение от 2016 года³) и поставка Турции российских систем ПВО С-400 (соглашение от 2017 года⁴).

Выразимся чуть более точно: эти проекты реализуются Россией в Турции. Однако они не являются коммерческими проектами в обычном смысле этого слова. Речь идет о том, что каждый из этих проектов добавляет Тур-

ции качества: АЭС «Аккую» – ноу-хау и кадры в сфере мирной атомной энергии, газопровод «Турецкий поток» – статус транзитного государства для энергоносителей в Европу для конкурирующих между собой добывающих стран, поставка С-400 – ноу-хау в сфере разработки систем ПВО.

Какие задачи за рамками коммерческих (хотя они, как в случае той же АЭС «Аккую», не являются бесспорными) решила для себя этими проектами Россия в Турции?

В случае АЭС «Аккую» – попробовала, хотя и на 100% за бюджетные средства РФ, новую для атомных станций модель «ВОО» (Build – Operate – Own, то есть «строй – эксплуатируй – владей»). Сама по себе такая модель привязывает Россию и Турцию друг к другу, поскольку подразумевается многолетняя эксплуатация объекта, поставки ядерного топлива, а также вывод станции из эксплуатации после окончания срока службы.

В случае с газопроводом «Турецкий поток» – Россия не только обходит газотранспортную систему Украины на пути в Европу, но и делает Турцию, пусть и неявным, но интересантом в том, чтобы лоббировать дальнейшее следование российского газа в Европу. Таким образом, случилось то, о чем мы не раз говорили на страницах ИБВ: добывающая страна и транзитная страна по определению имеют поле для сотрудничества между собой на мировом энергетическом рынке.

Что же касается поставки российских систем С-400, надо понимать, что Турция нуждается не только в том, чтобы прикрыть свое небо и получить независимую от НАТО систему, но и в получении ноу-хау в сфере систем противовоздушной обороны.

Стоит напомнить, что Турция определила для себя три ключевые сферы для развития своего собственного оборонно-промышленного комплекса – читай, стратегического потенциала: 1) беспилотные летательные аппараты, 2) ракеты и системы ПВО, 3) космические технологии и спутники. И своей сделкой с Россией Тур-

ция заполняет пробел по второму направлению своего развития⁵.

В сфере БПЛА Турция в последние годы продемонстрировала заметный прогресс, хотя отдельные компоненты (допустим, двигатели БПЛА) еще могут быть локализованы путем налаживания собственного производства.

В части космоса и спутников следует считать, что в конце 2018 года Турция создала свое Космическое агентство⁶ и продолжает реализовывать программу создания собственных спутников связи, спутников наблюдения и разведки, а также национальной навигационной системы. В этом направлении до сих пор Турция двигалась без участия российской стороны.

Говоря о возможностях дальнейшего развития сотрудничества с Турцией, российской стороне надо четко представлять себе несколько моментов. Прежде всего потребности потребительского сегмента своего внутреннего рынка Турция практически полностью закрывает самостоятельно. Промышленная продукция Турцией за рубежом закупается, однако высокотехнологичная и из того, достаточно узкого и редкого сегмента товарной номенклатуры, который она не производит самостоятельно. Особняком можно выделить сельскохозяйственную продукцию, в особенности мясо и пшеницу, которые в последние годы Турцией импортируются из-за возникшего дефицита собственного производства.

В своем импорте из-за рубежа Турция ищет «best practices», то есть наилучшие практики, коими (для нее) является Западная продукция из США и стран ЕС. Импорту из ЕС способствует то, что Турция является членом Таможенного союза с Европой⁷, а следовательно, в рамках существующих договоренностей часть продукции европейского происхождения, в том числе промышленной, облагается в Турции по нулевой ставке. Проще говоря, речь идет о том, что любая конкурирующая продукция, которая завозится из третьих стран, включая Россию, изначально должна быть заметно более низкой стоимо-

сти. Более того, стоит заметить, что российское производство в целом, за исключением отдельных направлений, не воспринимается в Турции в качестве «best practices» и Россия рассматривается по сравнению с Западом по остаточному принципу.

Подчеркнем, что то же строительство АЭС «Аккую» и та же поставка Турции систем С-400 стали возможными только благодаря тому, что Запад на протяжении ряда лет по этим направлениям реализовывал политику технологического сдерживания Турции, не передавая туркам соответствующих технологий и не желая делать многомиллиардных инвестиций в стране. Однако двумя крупными проектами с Россией Турция показала наличие у нее российской альтернативы. И дискуссионным является, сделает ли это Запад более сговорчивым или же российско-турецкое сотрудничество продолжит заполнять существующие в Турции научно-технологические и производственные пробелы.

Простым примером является до конца не понятная ситуация с исключением Турции из международной программы создания истребителей пятого поколения F-35⁸, которое открывает определенные возможности для российско-турецкого сотрудничества. Однако понятно, что Турция, наращивая сотрудничество с Россией в такой чувствительной сфере, как ОПК, может стать объектом американских и европейских санкций, последует, если так можно выразиться, большое сопротивление внешней среды новым сделкам между РФ и TR.

И, вероятно, главным в современной турецкой экономической политике является то, что Турция провозгласила, проводит и достигла немалых успехов в политике локализации производства на собственной территории и импортозамещения. Очевидно, что современная коронавирусная ситуация лишь укрепила страну в том, что ключевые позиции продукции и услуг надо либо локализовать, либо же по ним следует создавать достаточное количество закупочных альтернатив. Разумеется, в этом

смысле торгово-экономические отношения с тем же Китаем нуждаются, как минимум, в ревизии.

Общий вывод здесь заключается лишь в том, что Турция, будучи изначально трудным и вязким рынком для зарубежных поставщиков продукции и услуг, сегодня не предлагает им достаточного количества окон возможностей, чтобы можно было рассматривать ее в качестве емкого и привлекательного рынка. Исключение составляет экспорт в Турцию уникальной, не имеющей аналогов продукции, экспорт ноу-хау, экспорт высокопрофессиональных кадров и экспорт денег (то есть прямые иностранные инвестиции юридических и физических лиц).

Касательно последнего заметим, что наряду с несомненными достижениями Турции в сфере развития собственного производства есть несколько объективных недостатков и угроз. К их числу следует отнести нехватку собственных финансовых средств для инвестиций в НИОКР и в налаживание новых производств. Турция умудряется действовать в достаточно стесненных обстоятельствах. Во многом благодаря тому, что у страны наличествует четкое понимание, что нельзя развивать все направления одновременно, и делается акцент на стратегических областях, как мы проиллюстрировали в случае того же турецкого оборонно-промышленного комплекса.

Турция, являясь страной-соседкой России (по Черному морю), одновременно является и естественным торгово-экономическим партнером нашей страны. Однако четкое понимание изложенного выше должно сопровождаться позиционированием / классификацией Турции в ряду прочих российских торгово-экономических партнеров с расстановкой приоритетов и определением стратегии.

Сразу заметим, что изложенное ниже не должно наводить на мысль о том, что российским экспортерам следует отказаться от любых попыток продажи своей продукции в Турции. Просто надо понимать, что наибольшие шансы в Турции есть у российских естественных монополий: энергетических, оборонно-промышленных и финансовых.

1. Объем российского предложения, которое могло бы быть востребовано в Турции, сегодня крайне ограничен, и он не может быть увеличен заметным образом лишь только организационными мероприятиями продвижения российского экспорта (читай: деятельностью профильных российских государственных структур).

2. Технологическое сотрудничество между Россией и Турцией ограничено окнами возможностей (ОПК, космос, компьютерные технологии) и имеет свои естественные ограничители, с точки зрения того, какими технологиями Россия готова делиться с зарубежными партнерами и с Турцией, в частности.

3. Турецкий бизнес должен быть интересен России, в первую очередь в качестве инвесторов в российскую экономику. В нашей стране наблюдается дефицит товаров народного потребления, производимых с лейблом «Сделано в России» (с другой стороны, турецкий рынок перенасыщен предложением, и выход за географические рамки может быть для турецких предпринимателей решением их проблем). Разумеется, следует обеспечивать полную локализацию производства в России или ее достаточно высокую долю.

4. Турецкие строительные подрядчики – одни из лучших в мире, тогда как в России значимых в мировом масштабе компаний нет. Опыт компании «Ренессанс», ставшей российским юридическим лицом с турецкими паспортами учредителей, должен тиражироваться.

5. Турцией накоплен значительный опыт в сфере гостиничного туризма, и, как и в предыдущем случае, турецкий рынок перенасыщен предложением, в то время как в России индустрия гостеприимства и въездного туризма по образцу лучших мировых примеров делает только первые шаги.

Россией и Турцией в эпоху «Путина – Эрдогана» сделан серьезный задел стратегическими проектами своего сотрудничества. Однако надо четко понимать, что ни о каких 100 млрд долл. США⁹ торгового оборота между

двумя странами – горизонт, озвученный президентами Путиным и Эрдоганом, – не может быть и речи. Для этого попросту нет фундамента, в особенности со стороны российских производителей и экспортеров.

Это наводит на мысль о том, что Россия должна сначала сделать свою часть «домашнего задания» и в определенной степени здесь ей может помочь Турция, главной проблемой которой следует считать высокий уровень накопленного потенциала, который не может быть уже реализован внутри турецкого рынка, а следовательно, ее бизнес с деньгами и опытом надо привлекать для работы в России.

¹ Referandum 2017. NTV. <http://referandum.ntv.com.tr/>

² АСЭ. АЭС «Аккую». <https://ase-ec.ru/about/projects/aes-akkuyu/>

³ Министерство энергетики Российской Федерации. В Стамбуле подписано Межправительственное соглашение по строительству «Турецкого потока». 10.10.2016. <https://minenergo.gov.ru/node/6193>

⁴ ТАСС. История контракта на поставку С-400 в Турцию. 12.07.2019. <https://tass.ru/info/6658162>

⁵ Ковалев В.И. Стратегические вооружения Турции. Часть 1. 13.01.2020. <http://www.iimes.ru/?p=65825>

⁶ Anadolu Ajansı. 20 yıllık rüya gerçek oldu, Türkiye Uzay Ajansı kuruldu. 13.12.2018. <https://www.aa.com.tr/tr/gunun-basliklari/20-yillik-ruya-gercek-oldu-turkiye-uzay-ajansi-kuruldu/1337121>

⁷ TC Dışişleri Bakanlığı Avrupa Birliği Başkanlığı. Gümrük Birliği. https://www.ab.gov.tr/gumruk-birligi_46234.html

⁸ Euronews. Турцию исключили из программы F-35. 18.07.2019.

<https://ru.euronews.com/2019/07/18/us-removing-turkey-from-f-35-program>

⁹ РИА Новости. Россия и Турция намерены достичь торгового оборота в \$100 миллиардов. 08.01.2020. <https://ria.ru/20200108/1563190650.html>

Владимир (Зеэв) Ханин

ВЫБОРНЫЙ ГОД В ИЗРАИЛЕ КАК ЗЕРКАЛО КРИЗИСА И ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Введение

Израиль провел практически весь 2019 и встретил новый 2020 год, не только пожиная упомянутые плоды масштабных достижений в сфере экономики, дипломатии и национальной безопасности, но и в состоянии трех подряд, на протяжении 12 месяцев, избирательных кампаний в Кнессет. Подобная беспрецедентная в израильской истории ситуация возникла, когда Биньямин Нетаньяху, лидер правящей правоцентристской партии Ликуд (Сплочение), дважды не сумел реализовать мандат на формирование правительства, полученный им по итогам состоявшихся в апреле и сентябре 2019 г. выборов в Кнессет 21-го и 22-го созыва. И если в первом случае, исчерпав отведенное законом время для формирования правящей коалиции, глава кабинета предпочел просто распустить парламент и пойти на новые досрочные выборы, то во втором случае этот мандат был возвращен президенту страны. А затем передан лидеру второй из крупнейших, по итогам обоих выборов, фракции Кнессета – блоку центристских и левоцентристских списков «Кахоль-лаван» ("Бело-голубые", по цветам израильского флага) Бени Ганцу, который также не справился с возложенной на него миссией.

Причиной во всех трех случаях стал отказ войти в коалицию Авигодора Либермана, лидера созданной им в декабре 1999 года «светской правой» партии «Наш дом – Израиль» («Исраэль Бейтейну», НДИ), чья основная масса избирателей, как и сам Либерман, являются уроженцами стран бывшего СССР. Отставка Либермана со второго по значению в исполнительной политической иерархии страны поста министра обороны, который он занимал в 2016-2018 годах в четвертом правительстве Биньямина Нетаньяху, и выход его партии из коалиции и дали толчок процессу, который привел к досрочным выборам в Кнессет в апреле 2019 года. И именно полученные этой партией в апреле 2019 года 5, в сентябре – 8, а в марте 2020 года – 7 мандатов стали своего рода «*libra tongue*» между лагерями Ганца и Нетаньяху, каждый из которых мог рассчитывать, помимо мандатов собственных фракций, на поддержку, соответственно, религиозных, левых и ультралевых списков. Но ни тому, ни другому без поддержки НДИ этого оказалось недостаточно для получения большинства. Данная ситуация сохранилась и после последних по времени выборов в Кнессет уже 23-го созыва, что продолжает делать Либермана той фигурой, от которой во многом зависит конфигурация и повестка дня будущего правительства.

В этом, собственно, и заключалась главная интрига прошедшего – и еще на момент написания этих строк не завершившегося формирования правительства, «трехтактного» электорального сезона. С момента победы ЦАХАЛа в Шестидневной войне 1967 года основным политическим водоразделом израильского общества являются проблемы внешней политики и безопасности. Включая пути решения арабо-израильского конфликта по различным вариациям моделей «мир в обмен на территории» либо «мир в обмен на мир», являющихся платформой, соответственно, «широкого левого» и «широкого правого» лагерей. К первому из них формально относят арабские партии и списки, ко второму – еврейские ульт-

трарелигиозные партии и блоки. И они же на протяжении более чем полувека чаще всего и были главной темой избирательных кампаний в Израиле.

В израильском политическом дискурсе присутствуют и еще три другие классические группы политических противоречий. Это взаимоотношения государства и религии; отношения между этническими (евреи, арабы, другие национальные группы) и суб-этническими (общины выходцев из разных стран) общностями, и различия в подходах к социально-экономической политике. И они почти всегда, наряду с иными, более ситуативными факторами, в той или иной мере также присутствовали в избирательной повестке дня, но главной темой выборов становились довольно редко.

И как раз этот нечастый случай имел место в 2019 и начале 2020 года, когда во многом с подачи лидера НДИ Авигодора Либермана первая из этих трех тем оставила позади остальные сюжеты, определяя политический расклад и итоги трех подряд избирательных кампаний. Начавшись с периферийного, на первый взгляд, вопроса о введении в действие без изменений принятого в первом чтении, разработанного Министерством обороны закона о призыве в ЦАХАЛ ультрарелигиозной молодежи (т.н. «харедим»), что Либерман после апрельских выборов поставил одним из условий вхождения НДИ в правительство Нетаньяху, общественная дискуссия перешла в намного более широкую плоскость. Темой обсуждения стала релевантность сегодняшним реалиям всего комплекса норм, правил и пониманий, действующих в рамках сложившегося на заре израильской государственности т.н. светско-религиозного статус-кво (то есть согласованных и общепринятых норм отношений между государством и религией). И даже еще шире: о содержании идеи «еврейского демократического государства» в современную эпоху и смысле идеологического и «практического» сионизма через семь десятилетий после создания Государства Израиль.

Выборы в апреле 2019 года и изменение повестки дня

Как только были окончательно подсчитаны голоса, поданные 9 апреля прошлого года на выборах в Кнессет 21-го созыва, Нетаньяху мог, на первый взгляд, записать на свой счет однозначную победу. Его основной соперник, блок трех центристских и левоцентристских партий «Кахоль-лаван», получил равное с Ликудом число мандатов (35), собранных со всего «широкого левого» лагеря под обещание завершить «эпоху власти Биби Нетаньяху». Однако этих голосов в сумме с мандатами, полученными потенциальными партнерами «Кахоль-лаван» – умеренно-левой партией Авода и ультралевым списком МЕРЕЦ (соответственно, 6 и 4 мандата), было недостаточно для формирования коалиции. Не решали проблему и, соответственно, 6 и 4 мандата двух объединенных списков четырех антиссионистских арабских партий. Тем более, что сотрудничество с ними, несмотря на настояния депутатов от МЕРЕЦ, некоторых левонастроенных депутатов от «Кахоль лаван», его лидеры, декларирующие себя (как и лидеры Ликуда, НДИ и партий религиозных сионистов) частью «национального лагеря», в тот момент не обсуждали.

Нетаньяху же, помимо 35 мандатов Ликуда, мог рассчитывать на две секторальные партии харедим – сефардскую ШАС и блок партий ультрарелигиозных евреев-ашкеназов «Ядут ха-Тора» (Еврейство Торы, ЕТ), которые увеличили свое представительство, соответственно, с 6 и 7 до 8 мандатов каждая. Хотя их внешнеполитическая платформа является вторичной по сравнению с ролью религии в государственной и общественной практике и социально-экономическими запросами их электората, лидеры этих партий все же учитывают, что эти же избиратели имеют идеологические воззрения, которые чаще склоняют их к правой части политического спектра. Потому и ШАС, и ЕТ считаются и на практике

в самом деле являются частью «широкого правого» лагеря Израиля.

Еще 5 мандатов было получено еще одним «естественным союзником» Ликуда Объединением правых религиозно-сионистских партий (ОПП) «Еврейский дом», «Национальное единство» и «Сила Израиля». Чью основную массу избирателей составили религиозные сионисты из еврейских поселений Иудеи и Самарии, и в меньшей степени, городов со смешанным и религиозным населением внутри «Зеленой черты». Эти избиратели разделяли достаточно жесткую платформу данных партий в области внешней политики и безопасности (и в этом смысле достаточно близких платформе НДИ и правого крыла Ликуда), но главное – их консервативную платформу в вопросах взаимоотношений религии и государства. Что сближало их с ультраортодоксами (т.н. «харедим»), с которыми консервативно настроенные религиозные сионисты имеют общий идейно-политический сегмент – т.н. «ультрарелигиозный национальный лагерь» («харедидати-леуми» – ХарДаль, в просторечии – «хардальники»). С другой стороны, партии либеральных религиозных сионистов «Новые правые» до прохождения 3,25%-ного электорального барьера не хватило 1700 голосов.

Тем не менее, с учетом 5 мандатов НДИ, так же, как и было обещано еще до выборов, порекомендовавших президенту страны Реувену (Руби) Ривлину поручить Биньямину Нетаньяху сформировать (в четвертый раз подряд и в пятый раз за его карьеру) правительство, у него складывалось парламентское большинство в 65 из 120 мандатов Кнессета. Первоначально действительно казалось, что у НДИ, которая, начиная с 2001 года, была с некоторыми перерывами частью практически всех возглавляемых лидерами Ликуда правительств, а в 2013 году обе эти партии даже пошли на выборы единым списком «Ликуд-Бейтейну», практически нет особого выбора.

Однако после долгих и изматывающих коалиционных переговоров НДИ отказалась войти в формируемую им

правительственную коалицию. Главным «камнем преткновения», как упомянуто, стали гражданские вопросы, и в первую очередь взаимоотношения государства и религиозных общин.

Было бы неправильно сказать, что эта тема появилась как-то вдруг. Сюжеты, связанные с секуляризацией общественного пространства, всегда занимали заметное место в платформе НДИ. Включая введение в стране института нерелигиозных браков, работу транспорта и сферы услуг в субботу, либерализацию рынка социально-религиозных услуг, личный и гражданский статус членов семей репатриантов, не являющихся в соответствии с нормами религиозного права евреями. Эти послылы всегда получали весьма позитивный отклик в светских и некоторых традиционно настроенных группах общества, особенно в среде базового электората партии – выходцев из бывшего СССР. Хотя чаще всего не находились в первых приоритетах социальной повестки дня этой общины, уступая там таким темам, как экономическое благосостояние, решение пенсионных и жилищных проблем, карьерное развитие и профессиональный статус, вопросы образования.¹

Потому лидеры и депутаты НДИ долгое время предпочитали продвигать вопросы, относящиеся к сфере государства и религии, с помощью договоренностей и компромиссов с различными заинтересованными силами, по возможности избегая лобовых столкновений с ЕТ, ШАС и другими религиозными партиями, с которыми Либерман не раз заседал в коалиционных правительствах. (В 2003 году НДИ даже шла на выборы во главе блока «Национальное единство», частью которого была партия религиозных поселенцев-хардальников «Ткума»). Ситуация стала меняться после выборов 2015 года, когда НДИ (чей лидер резко осудил текст коалиционного соглашения Ликуда с ЕТ и ШАС)² первоначально не вошла в третий кабинет Биньямина Нетаньяху и почти два года занимала нишу «правой светской оппозиции» к правящей коалиции

во главе с Ликудом. Но и присоединившись в мае 2016 года к правительству, где Либерман занял пост министра обороны, лидеры НДИ все чаще выражали протест, как им (и не только им) это виделось, «ползучей деформацией» принципов «статус-кво» в гражданских сферах, с помощью контролируемых ультрарелигиозным сектором политических и административных учреждений.

На этот раз главным препятствием стало требование переговорной группы НДИ принять в последнем чтении разработанный по поручению Авиغدора Либермана комиссией Минобороны проект закона о призыве в ЦАХАЛ молодежи ультрарелигиозного сектора, что стало ответом на популярную в обществе идею «равного распределения гражданского и налогового бремени». Эта тема была среди лозунгов НДИ и на апрельских выборах, и по этому пункту, в отличие от готовности к компромиссам по иным статьям гражданской повестки дня, Либерман был готов идти до конца. В то же время усилившиеся на тех выборах фракции ЕТ и ШАС требовали внести в новые коалиционные соглашения «компромиссный» вариант, который позволил бы спустить всю схему призыва ультрарелигиозной молодежи «на тормозах». В этом лидеры данных партий получали абсолютную поддержку своего сектора, численность которого за 10 лет увеличилась с 750 000 в 2009 году до 1 125 000 в 2019 году (составляя 12,5% всего населения государства)³, из которых, согласно данным Израильского института демократии, 91,5% выступали против призыва молодых ультраортодоксов. В то время как идею такого призыва с предоставлением освобождения небольшой группе выдающихся студентов за месяц до вторых за год выборов поддерживали 68,5% израильских евреев, в том числе 79% светских евреев-израильтян, 70,5% традиционалистов и 59% религиозных сионистов.⁴

Выбор лидеров Ликуда, на первый взгляд, был очевиден: оба «харедимных» списка плюс солидарный с ними в этом вопросе блок консервативных религиозных

сионистов в сумме имели вчетверо больше парламентских мандатов, чем партия Либермана. В итоге именно НДИ стала адресом мощного давления переговорной группы Ликуда и информационной кампании, требующей от Либермана пойти на компромисс в вопросе призыва «харедим» с тем, чтобы не препятствовать созданию коалиции правых сил. Успеха эта тактика не принесла.

Упорство переговорной группы НДИ объяснялось еще и тем, что закон о призыве являлся лишь верхушкой айсберга: на самом деле речь шла обо всем комплексе гражданских норм, правил и пониманий. Включая браки и разводы, определение еврейства, права различных религиозных общин на осуществление процесса перехода в иудаизм, порядок проведения необходимых работ и деятельность предприятий сферы услуг и развлечений в шаббат и другие. И, разумеется, личный статус граждан. Кроме того, тема имеет и важный социально-экономический аспект: находясь в религиозных учебных заведениях ультрарелигиозного направления, молодые люди рассматриваются в качестве лиц, уделяющих все свое время только изучению священных текстов, и потому лишены права осуществлять легальную трудовую деятельность. Официальное трудоустройство означает потерю освобождения от призыва в армию, потому они и их семьи живут на достаточно скромные стипендии и выплаты из Института национального страхования, доходы от чаще всего неквалифицированной работы «по-черному», а также относительно низкие заработки жен.

Понятно, что идеологические мотивы решения команды Либермана, как минимум, не противоречили политическим соображениям, проистекавшим из хорошо понятой лидерам партии дилеммы, следовавшей, в том числе, и из данных регулярных опросов, проведенных по заказу НДИ в ходе избирательной кампании в Кнессет 21-го созыва. Согласно одному из таких опросов, работу магазинов и общественного транспорта в нерелигиозных районах в субботу считали «важной» и «очень важной» почти

60% опрошенных израильтян, и 54% назвали важным введение в стране института гражданских браков. Среди правонастроенных светских израильтян поддержка этих трех идей собрала голоса более 70 процентов респондентов, а в среде русскоязычных, соответственно, 75, 81 и 71% опрошенных. В пользу присутствия в стране правой и светской по своей повестке партии высказались более 80% светских правых, 67% русскоязычных и более 50% респондентов в целом.⁵

В итоге, когда время, отведенное законом для коалиционных переговоров, подошло к концу, выяснилось, что 5 мандатов «светской правой партии с русским акцентом» при том электоральном раскладе перевесили 22 мандата религиозных партий, ибо без поддержки НДИ Нетаньяху не мог получить для своего правительства необходимого парламентского большинства. Избранный менее трех месяцев назад Кнессет 21-го созыва был распущен, и были назначены новые досрочные выборы, что почти целиком было поставлено общественным мнением, в зависимости от точки зрения, в вину – или в заслугу Либерману.

Избирательная кампания в Кнессет 22-го созыва: факторы и итоги

Риск оказался оправданным: первые же опросы, опубликованные после начала кампании, показали резкий рост популярности НДИ не только среди русскоязычного электората, но и общества в целом – с 8-9 потенциальных мандатов в начале кампании до 10-12 на ее пике. Причем, по нашим оценкам, лишь 50-60% из них составляли голоса русскоязычных репатриантов. Остальную часть потока потенциальных новых голосов составили коренные израильтяне, в массе своей из числа тех, кто ранее поддержал основного соперника Ликуда – созданный накануне выборов в Кнессет 21-го созыва блок центристских и левоцентристских партий «Кахоль-лаван». Иными словами, Авигдор Либерман нащупал тогда крайне актуальную для большинства евреев-израильтян

«болевую точку» общественной политики и сумел превернуть НДИ в «партию тренда».

Статистика голосования в сентябре 2019 года показывает, что поддержка НДИ существенно выросла в городах и коллективных поселениях центра страны, где сконцентрированы представители т. н. «Первого Израиля». То есть обеспеченного либерального ашкеназского среднего класса и ядра «старых» общественных элит страны, исторически составлявших основной массив избирателей левых партий. В последние два десятилетия, особенно в ходе кризиса «ближневосточного мирного процесса», эти избиратели сдвинулись к поддержке иных левоцентристских проектов – партий «Шинуй» в 2003 г., «Кадима» в 2006-2009 гг., «Еш атид» в 2013-2015 гг. и сегодня – «Кахоль-лаван». Заметим, что в этих же городах присутствуют и большие по численности группы выходцев из бывшего СССР.

В итоге, например, если в апреле 2019 года НДИ получила в г. Нетания менее 7% голосов, то в сентябре – почти 11%. В Тель-Авиве в апреле за НДИ проголосовало 1,4%, а в сентябре – 4,4%, в то время как «Кахоль-лаван» «упала» здесь с 46% до 43%. В Гиватаиме (традиционном оплоте израильских социал-демократов) поддержка Либермана в сентябре по сравнению с апрелем выросла в пять с половиной раз, примерно вчетверо – в Раанане и Ход ха-Шароне, втрое – в Герцлии, в два с половиной раза в Кфар-Сабе и вдвое в Реховоте. Этот процесс мог достичь и большего масштаба, если бы под самый занавес избирательной кампании, практически скопировав лозунги «русской партии с общенациональной повесткой дня», блок не сумел остановить этот процесс, а затем вернуть себе большую часть ушедших избирателей, вероятно, предпочитавших «социально близкого» Ганца «русскому» Либерману. В итоге, имея по опросам в августе 2019 года 10-12 мандатов, НДИ завершила кампанию в сентябре того же года, получив лишь 8 (на самом деле – 8,5 по реальному числу голосов) из них. Примерно 6 из этих ман-

датов дали «русские» израильтяне, а 2-2,5 – представители других еврейских общин, а также израильских друзов (рост с 6 тысяч в апреле до более 10 тысяч голосов в сентябре 2019 года) и некоторое число арабов-христиан, в основном предпочитающих именовать себя не арабами, а арамеями. (Представители обеих общин – соответственно, давний член Кнессета от партии Хамад Амар и глава Форума за призыв христианской молодежи в ЦАХАЛ Шади Халуль – присутствовали в списке НДИ).

Все это, несмотря на более скромный, чем ими ожидалось, результат, все же означало возвращение НДИ в категорию общенациональных партий, ядро избирателей которой формируется в силу исторических причин из числа членов специфической общины. Причем как лиц продвинутого среднего и старшего возраста, так и новых сторонников из числа неплохо интегрированных в обществе и на рынке труда представителей т. н. «полуполторного поколения» репатриантов. К ним также в 2019 году вновь (после 10-летнего перерыва) примкнули, по словам «второго лица» в партии, члена Кнессета Одеда Форера, «многие (нерусскоязычные) избиратели, которые стали воспринимать НДИ как независимую политическую силу, которая добивается национального единства и решения горячих проблем в отношениях религии и государства». И это случилось, по мнению Форера, именно «благодаря нашей принципиальной позиции по вопросу о призыве ультраортодоксов».⁶

Как можно заметить, подобный расклад имел мало общего с традиционным для израильской политики расколом между правыми и левыми избирателями, главным водоразделом между которыми является отношение к проблемам внешней политики и безопасности. Нельзя сказать, что эта тема не звучала на тех выборах, но не она была главным фактором, в тот момент определявшим расстановку основных сил на электоральном поле страны. Несмотря на то, что основная масса новых голосов была мобилизована НДИ в умеренных сегментах цен-

тристской и левоцентристской части политического спектра, у подавляющего большинства этих избирателей не было сомнения в том, что они готовы поддержать идеологически правую партию. По данным опроса, проведенного Израильским институтом демократии на пике избирательной кампании – и на пике популярности НДИ, в августе 2019 года, из тех, кто собирался голосовать за Либермана на приближающихся выборах, 83% определяли его как правого политика, 17% – как центриста, и никто не считал, что он ныне находится на левом фланге.⁷

По сути, демарш Либермана был вызовом традиционной гегемонии Ликуда не извне, а изнутри «широкого правого» лагеря. Эту картину во многом отражала ставшая известной фраза Либермана о том, что борьба на этих выборах на самом деле идет не между правоцентристской партией Ликуд и НДИ. А между «Нашим [общим] домом – Израилем», с одной стороны. И «Израилем в представлении [лидера блока ЕТ Моше] Лицмана, [главы партии ШАС Арье] Дери и [лидера наиболее консервативной фракции праворелигиозного блока «Ямина» Бецалеля] Смотрича». Именно это противостояние, а не соперничество двух главных конкурентов на роль партии власти – Ликуда и «Кахоль-лаван», доминирующих, соответственно, в «широком правом» и «широком левом» лагере, во многом определяло пафос той избирательной кампании.

Варианты коалиций

Основания для такого заявления имелись: выборы в Кнессет в сентябре 2019 года так же, как и в апреле, вновь не смогли обеспечить ни одному из двух соперничающих блоков однозначного перевеса над их противниками. Ликуд, который на предыдущих выборах имел 35, а вместе с влившейся в него после тех же выборов центристской партией «Кулану» – 39 мандатов, завершил избирательную гонку, имея лишь 32 места в новом Кнессете. С учетом мест, завоеванных его союзниками – объ-

единенным списком религиозно-сионистских партий «Ямина» (7 мандатов), блоком ЕТ (7 мандатов) и партией ШАС (9 мандатов), возглавляемый правоцентристским Ликудом «праворелигиозный» блок сократился с 60 до 55 мест в Кнессете. Блок центристских и левоцентристских списков «Кахоль-лаван» получил на один мандат больше, чем Ликуд, но тоже вместе со своими находящимися левее потенциальными партнерами не дотягивал до простого парламентского большинства. «Ключ» от коалиции оставался в руках Либермана и его партии, которым и предстояло выбрать, союз с какой из ведущих фракций – Ликудом или «Кахоль-лаван» в новой расстановке сил будет в наибольшей степени соответствовать его амбициям и обещаниям избирателям.

Первый сигнал, как только центральные телеканалы опубликовали вечером 17 сентября данные экзит-полов, последовал от представителей Ликуда, которые, казалось, мгновенно забыли о стратегической линии своей предвыборной кампании – сформировать в глазах избирателей образ НДИ как партии, «сбежавшей в левый лагерь», призвали Либермана «занять свое естественное место в блоке правых сил». Однако простого призыва, понятно, было уже недостаточно. Если после выборов в апреле прошлого года переговорщики Ликуда, как многими и ожидалось, все еще могли решить проблему, убедив своих ультрарелигиозных партнеров пойти на уступки НДИ лишь в теме призыва, после выборов в сентябре «цена вопроса» уже существенно выросла. Либерман наряду с внесением в коалиционное соглашение более жесткого курса в отношении террористического анклава радикальных исламистов в Газе и комплекса социально-экономических реформ, включая решение пенсионных проблем репатриантов, в качестве условия присоединения к любому правительству внес уже целый пакет требований, касающихся гражданских вопросов.

Помимо принятия закона о призыве в версии, разработанной Минобороны и принятой в первом чтении еще

Кнессетом 20-го созыва, этот пакет включал отмену «закона о супермаркетах» и введенных министром внутренних дел и главой партии ШАС Арье Дери субботних ограничений на работу торгово-развлекательных центров, бизнесов и общественного транспорта. Планировались также легализация в стране нерелигиозных (гражданских) браков и введение в программу ультрарелигиозных учебных заведений общеобразовательных предметов, отсутствие которых сильно затрудняет получение харедим профессионального и высшего образования и переход на рынок квалифицированного труда. И, наконец, решение проблемы формализации еврейского статуса репатриантов нееврейского и смешанного происхождения путем либерализации процесса гиюра (перехода в иудаизм, что по традиции означает присоединение к еврейскому коллективу также и в этническом, а не только религиозном смысле). В том числе, путем возвращения права на проведение этих процедур городским раввинам, среди которых имеется немало либерально настроенных религиозных сионистов.

Очевидно, что даже частичная реализация этой программы дала бы толчок постепенной эрозии нынешнего монопольного влияния ультрарелигиозных авторитетов на членов своих общин и подорвала бы электоральный ресурс партий харедим, на что их лидеры, разумеется, пойти не могли. Ориентируя также соответствующим образом и лидеров Ликуда, вынужденных учитывать, что без ЕТ и ШАС о желаемой Нетаньяху «узкой» праворелигиозной коалиции не может быть и речи. Потому контуры возможных договоренностей Ликуда и НДИ на основе удовлетворения части требований Либермана, что активно обсуждалось в прессе примерно за 10 дней до крайнего срока коалиционных переговоров, после категорического «нет» лидеров фракций харедим были лишены практического смысла.

Формально меньше проблем в этом смысле в НДИ должны были иметь с блоком «Кахоль-лаван», чьи лидеры,

довольно быстро убедились в непродуктивности идеи самим договориться с харедим с тем, чтобы оторвать их от блока с Ликудом. И сразу же после перехода к Бени Ганцу в ноябре мандата на формирование правительства в «Кахоль-лаван» заявили, что они готовы принять практически всю гражданскую повестку НДИ и будут рады видеть эту партию в своей коалиции.

Но здесь у НДИ была другая, едва ли не большая проблема – иные потенциальные партнеры «Кахоль-лаван». Помимо 33 голосов своего блока, Ганц мог рассчитывать на две партии, лидеры которых на консультациях с президентом страны Реувеном Ривлиным в сентябре 2019 года рекомендовали главу «Кахоль-лаван» на пост премьер-министра Израиля. А именно, 6 мандатов объединенного левоцентристского блока «Авода-Гешер» и 5 ультралевого списка МЕРЕЦ, который шел на выборы под брендом «Демократический лагерь». Еще 13 мандатов имел Объединенный арабский список (ОАС), объединивший 4 партии. В том числе некогда двунациональное, но сегодня почти исключительно арабское коммунистическое движение ХАДАШ (официально декларирующее принцип интернационализма) и арабская националистическая партия Таал, а также исламистский блок РААМ и радикально-антисионистское движение «палестинцев 1948 года» (как его лидеры называют израильских арабов) БАЛАД.

Несмотря на политико-идеологические различия между этими партиями, переплетающиеся с конкуренцией между составляющими их электоральную базу арабскими общинно-клановыми и религиозными группами, у них были две причины для сотрудничества. Первая – хороший шанс как минимум двух из них не пройти электоральный барьер, повышенный в 2014 году с 2,5 до 3,25%, что подтолкнуло их пойти на выборы 2015 года единым списком, чтобы избежать сокращения влияния израильских арабских элит. В апреле 2019 г. блок распался на два списка, в сумме получивших 10 мандатов (на 3 меньше, чем

на предыдущих выборах), но в сентябре ОАС выступил в полном составе и вновь получил 13 мандатов. И второе – наличие, при всех отмеченных разногласиях, общего знаменателя у этих партий, не столько представляющих на сегодняшний день арабоязычное этнокультурное меньшинство израильских граждан, сколько являющихся внесистемной оппозицией, ориентированной на внешние (палестинские, арабско-националистические и/или пан-исламские) силы, включая враждебные Израилю. В том числе и поэтому лидеры данных партий, формально примыкающих к «широкому левому» лагерю, традиционно отказывались после выборов рекомендовать представителя левого лагеря на пост премьер-министра.

Нынешняя ситуация была несколько иной: за исключением 3 депутатов от экстремистского списка БАЛАД, 10 депутатов от остальных трех партий ОАС рекомендовали после выборов в сентябре 2019 года президенту Израиля кандидатуру Бени Ганца на пост премьер-министра. Фракция ОАС была готова взвесить если не присоединение к левой коалиции, то поддержку правительства Ганца «извне» в случае удовлетворения им длинного списка экономических и политических требований, включающих обильные бюджетные вливания в арабский сектор (по данным газеты «Едиот ахронот», порядка 64 млрд шек., то есть около 19 млрд долл.⁸) и предоставление им должностей глав двух ключевых комиссий Кнессета – по финансам и внутренним делам (контролирующей финансирование муниципалитетов и земельные вопросы). Кроме того, отмену законов о еврейском национальном характере Государства Израиль и о предпочтительном трудоустройстве в госсекторе граждан, отслуживших в ЦАХАЛе (куда арабы в массе своей не призываются). И, наконец, возобновление «мирного процесса» с ПНА на основе согласия на предварительные (еще до начала переговоров) требования Рамаллы о «создании палестинского государства в границах 1967 года со столицей в Иерусалиме и признании Израилем своей

ответственности за создание и решение проблемы т.н. "палестинских беженцев"».

Подобные идеи могли быть приемлемы для потенциальных партнеров Бени Ганца из левых и ультралевых фракций, а также части левонастроенных депутатов самого «Кахоль-лаван», но не для Либермана, традиционно жесткого критика антиссионистского курса арабских партий и тех их членов, которые, по его словам, оправдывали и поддерживали террористические организации палестинских арабов. На самом деле НДИ, значительно увеличив свое парламентское представительство, в том числе, за счет новых голосов, мобилизованных в умеренных сегментах центристской и левоцентристской части политического спектра, не перестала быть идеологически правой партией. Именно поэтому НДИ в тот момент не могла стать ни частью правительства, опирающегося на голоса ультралевых фракций и внешнюю поддержку антиссионистских арабских партий, ни даже просто воздержаться или покинуть зал Кнессета в момент голосования о доверии такому правительству, обеспечив тем самым возможность Ганцу сформировать «коалицию меньшинства».

Собственно, абсолютную бесперспективность хоть какого-то прямого или непрямого сотрудничества с Либерманом признавали и лидеры ОАС. Так, глава этого блока Айман Уда в интервью газете «Гаарец» в январе 2020 года утверждал: «Ганц и Лapid были готовы согласиться на наши условия, чтобы мы поддержали нашими голосами правительство меньшинства. Ведь главное – свергнуть Нетаньяху. Яалон тоже был согласен, но настаивал, чтобы мы дали согласие на возможное присоединение Либермана... Такая ситуация невозможна. Никогда мы с Либерманом не будем вместе. Ни в правительственной коалиции, ни даже в одном блоке».⁹

Поэтому на всех трех раундах коалиционных переговоров Либерман настаивал на единственном приемлемом для него варианте, под лозунгом которого была

проведена вся избирательная кампания его партии в Кнессет 22-го созыва: создание широкого либерального правительства в составе партий Ликуд, НДИ и «Кахоль-лаван», без участия ультрарелигиозных и арабских партий. Он озвучивал это условие и когда мандат на формирование правительства был у лидера Ликуда, и когда он был передан «Кахоль-лаван», и когда – впервые в израильской истории – мандат был передан Кнессету с тем, чтобы позволить любому его депутату попробовать самому собрать коалицию.

Шансы на реализацию такой модели были не так уж малы: в начале той кампании идею «широкого либерального правительства» поддерживали порядка 35% избирателей, незадолго до выборов – около половины израильтян. А в сентябре и ноябре 2019 года, в свете того, что альтернативой может стать уже третья за год выборная кампания, – уже почти две трети (64%) опрошенных. Препятствием были неготовность лидеров Ликуда отказаться от стратегического союза с партиями харедим. А также отказ, как минимум, двух из трех ближайших партнеров Ганца по блоку «Кахоль-лаван» – лидера левоцентристской партии «Еш атид» Яира Лапида и центристского списка «Телем» Моше (Буги) Яалона – принять «компромисс Ривлина». Согласно ему, Нетаньяху первым занимает пост премьер-министра, и в любом случае уступает его Ганцу либо во второй половине каденции, либо сразу же в случае вынесения судом обвинительного вердикта по делам, связанным с ведущимися против Нетаньяху расследованиями по подозрениям в коррупции.

Неопределенность в отношении готовности НДИ обсуждать присоединение к узкой праворегиозной и левоарабской коалиции были, по признанию самого Либермана, не более чем «дымовой завесой», призванной подтолкнуть обе ведущие партии отказаться от своих ультимативных условий ради создания широкого правительства. Чего так и не случилось.

Промежуточные итоги третьих выборов

Данные опросов, проведенных после объявления новых выборов в Кнессет уже 23-го созыва, их итоги могли напоминать прежний расклад: почти все израильские партии контролировали ядро своих избирателей, ни у праворелигиозного блока во главе с Ликудом, ни у «Кахоль-лаван» и его возможных левых и арабских партнеров не было большинства, для формирования коалиции. И на этот расклад не повлияли ни очередной виток столкновений с боевиками террористических организаций в Газе, ни публикация американского плана ближневосточного урегулирования. В итоге «ключ от коалиции» по-прежнему оставался в руках НДИ. Накануне роспуска 22-го Кнессета опросы все еще фиксировали неплохую поддержку НДИ и Либермана – как, например, опрос агентства Mitham Institute по заказу радио «Галей ЦАХАЛ», согласно которому в ноябре 2019 года большинство голосовавших за партию на прошлых выборах в случае новых выборов были не намерены поддерживать никого другого. И даже имелась перспектива увеличить этот потенциал еще на 9% за счет избирателей других партий.¹⁰

Тем не менее по мере приближения к выборам, назначенным на март 2020 года, появились обстоятельства, способные внести свои коррективы. Первым из них был рост почти на 150 тыс. человек в марте 2020 по сравнению с предыдущими выборами (с 4 465 168 до 4 614 889) – как за счет общего роста демографического числа избирателей, так и более высокой (почти на 1,7%) явки. Что, соответственно, немедленно увеличило «электоральную цену» мандатов с менее чем 37 до 38,5 тыс. голосов. Главными бенефициарами этой ситуации оказались две фракции. Это Ликуд, чей лидер Биньямин Нетаньяху лично объездил места высокой концентрации потенциальных сторонников этой партии (в основном из числа евреев-выходцев из стран Востока

в неблагополучных, по израильским понятиям, кварталах приморской агломерации и «городах развития» на социальной и географической периферии страны). И сумел по максимуму использовать свой авторитет и харизму, чтобы убедить их прийти на выборы.¹¹ В дополнение к этому кампейнеры Ликуда смогли отобрать один мандат у его союзников из религиозно-сионистского блока «Ямина», а также получить некоторое число голосов от правоцентристов, ранее голосовавших за «Кахоль-лаван», и, в меньшей степени, от НДИ. Тем самым правящая партия смогла увеличить свое представительство в марте 2020 г. сразу на 4 мандата – с 32 до 36.

Столь же значительный эффект дала беспрецедентно высокая явка израильских арабов, которая составила 65% зарегистрированных избирателей (по сравнению с 49% в апреле и 59% в сентябре 2019 года) – наибольший уровень голосования с 1999 года. Причем особенно высокой была активность избирателей в городах «арабского треугольника» Южной Галилеи (например, на 8,1% в Тайбе и на целых 24,9% в Умм-эль-Фахме), которые активно демонстрируют свою не израильскую, а палестинскую идентичность. Но одновременно с ужасом воспринимают известную лиbermanовскую идею передачи этих городов в Палестинскую национальную администрацию (ПНА) в обмен на присоединение к Израилю еврейских поселений Иудеи и Самарии, которая приобрела реальные очертания, став частью нового американского плана регионального урегулирования. И потому их естественной реакцией, по мнению лидеров Объединенного арабского списка, должно было быть протестное голосование за арабский блок.

Впрочем, на голоса этого сектора были и другие претенденты. Первыми в очереди, в этом смысле, находятся левые сионистские партии – Авода и МЕРЕЦ, которые традиционно предоставляют арабам «проходные» места в своих списках, в прошлом получали в арабских городах и деревнях Израиля немало голосов, хотя в последние

годы, с развитием тенденции «палестинизации» израильской арабской «улицы», это число постоянно снижалось. На этот раз в объединенном списке двух (точнее, трех) партий «Авода-Гешер» и МЕРЕЦ, одна из которых, действуя отдельно, имела шанс не пройти электоральный барьер, арабов на проходных местах не было, и арабские голоса они не получили. Случилось, скорее, обратное: порядка 20 000 евреев-избирателей крайне левого блока МЕРЕЦ, надеющихся противопоставить новую левую альтернативу американской «сделке века», были разочарованы союзом их партии с социал-демократами из Аводы, старательно демонстрирующими свою политическую умеренность. И на этот раз сами проголосовали за Объединенный арабский список.¹²

В свою очередь, в Аводе также не были в восторге от итогов союза с левыми радикалами, который не позволил оторвать восточных избирателей от ШАС и Ликуда, на что надеялись, «заметая под ковер» уже малопривлекательные лозунги «процесса Осло» и продвигая социальную повестку дня, лидер Аводы Амир Перец и представляющая партию «Гешер» в его списке Орли Леви-Абукасис. В любом случае, левые партии, в прошлом получавшие несколько арабских мандатов, на этот раз получили в арабских городах не более 2-3% голосов. На тот же сектор были нацелены и в Ликуде, где были озабочены решением задачи получить хотя бы на один-два мандата больше, чем конкурирующий блок «Кахоль-лаван», а праворелигиозному блоку достичь хотя бы минимального большинства в 61 голос. И потому делали все от них зависящее, чтобы подтянуть к Ликуду «нетрадиционных избирателей» этой партии, таких как выходцы из Эфиопии и «лояльные» израильские арабы. Именно для работы в этом секторе в Ликуде был создан специальный штаб, которому было поручено провести масштабную разъяснительную кампанию партии на арабской улице под лозунгом «Что сделал Объединенный арабский список? – Ничего!»¹³

Кроме того, за неделю до выборов премьер-министр Биньямин Нетаньяху обошел практически все заметные арабские информационные каналы, где он напомнил о 15 млрд шекелей, переданных на нужды арабского сектора, определил свою команду «единственной, которая реально реализует вопросы его благосостояния и развития инфраструктуры».¹⁴ И, убеждая слушателей, зрителей и пользователей голосовать за Ликуд, пообещал не допустить обмен территориями и населением и отменить «несправедливые» поправки к Закону Кремница, содержащие жесткие санкции за незаконное строительство и захват земли, широко распространенные именно в арабском секторе.¹⁵ Впрочем, эффективность этих усилий, как показали итоги выборов, была минимальна. Израильские арабы, как и предполагал глава ОАС Айман Уде, массово поддержали этот список, который и стал главным бенефициаром повышенной избирательной активности в этой общине, получив там 88% (на 7% больше, чем в сентябре) голосов.¹⁶ И еще больше – в упомянутых в плане Д.Трампа городах «арабского треугольника», например в Ум эль-Фахме и Бака эль-Гарбия, (соответственно, почти и более 98%), что и позволило списку добавить к прежним 13 еще 2 мандата.

Иные последствия новая ситуация имела для блока «Кахоль-лаван», который на выборах в 23-й Кнессет получил 1 220 290 голосов по сравнению с 1 113 617 шестью месяцами ранее, что лишь позволило ему сохранить прежнее число мандатов. Среди этих почти 110 000 дополнительных голосов примерно две трети пришли от Аводы и партии МЕРЕЦ (шедших на те выборы единым списком), что компенсировало упомянутый отток голосов в Ликуд. И еще почти треть составляли избиратели, ранее голосовавшие за НДИ, чья поддержка к марту 2020 года сократилась до 263 335 человек, давших партии 7 мандатов, по сравнению с 310 154 голосами и 8 (точнее, 8,5) местами на выборах в 22-й Кнессет.

Иными словами, общие потери НДИ составили почти полтора мандата, около одного из которых в сентябре 2019 года дали партии в основном голоса коренных израильтян, пришедших из центра, которые позже были разочарованы тем, что Либерман так и не смог выполнить свое главное обещание. То есть убедить Ликуд и «Кахоль-Лаван» создать правительство национального единства без харедим и арабов. Кроме того, порядка 12-15 тыс. голосов (от четверти до несколько менее половины одного мандата) из числа в основном русскоязычных избирателей НДИ на этот раз вняли одному из аргументов лидеров Ликуда. Убеждавших, что НДИ «станет партнером арабских партий в левом правительстве Бени Ганца», и/или заявлявших, что только голосование за Ликуд выведет страну из тупика бесконечных выборов.¹⁷

Заключение

Тем не менее в точном соответствии с предвыборными прогнозами ситуация, казалось бы, радикально не изменилась, и НДИ остался фактором, без которого формирование любой – правой или левой коалиции является невозможным. Ибо выборы вновь продемонстрировали политический тупик: не может сформировать правительство ни праворелигиозный блок с его 58 мандатами, ни имеющий 40 мест в Кнессете левоцентристский блок, даже с учетом того, что лидера «Кахоль-Лаван» Бени Ганца порекомендовали на пост премьер-министра и 15 членов ОАС без НДИ имеют меньше необходимого минимума в 61 голос. И притом, что фракция НДИ также на этот раз порекомендовала Бени Ганца, что и позволило ему первым попытаться сформировать правительство, шансов на то, чтобы составить его «узкий вариант», было немного. Поскольку требование Либермана о «сионистском правительстве без анти-сионистов (т.е. арабских партий) и несионистов (то есть партий харедим)» остается в силе. Не говоря уже о том, что и публика, судя по опросам, не в восторге от идеи о правительстве, включающем ОАС

или даже опирающемся на внешнюю поддержку антисионистских арабских партий. Например, в опросе, проведенном в начале марта 2020 года по заказу газеты «Израэль гайом», против такой идеи выступали 55% опрошенных и лишь 31% респондентов выступал за.¹⁸

Таким образом, на повестке дня вновь стоял вопрос о создании «широкого правительства национального единства». Шансы на его создание, как считается, повысились в связи с чрезвычайной ситуацией, продиктованной добравшейся и до Израиля глобальной эпидемией коронавируса. В течение ровно четырех недель после выборов было непонятно, смогут ли лидеры двух крупнейших партий – Ликуд и блока «Кахоль-лаван» отложить на время свои личные и политические разногласия. И составить основу такого широкого правительства национального единства (если оно просуществует несколько лет) или временного «правительства чрезвычайного положения», созданного для борьбы с эпидемией и преодоления ее экономических последствий. Препятствием было решительное сопротивление партнеров Ганца по блоку – лидера партии «Телем» Моше (Буги) Яалона и главы партии «Еш атид» Яира Лапида входить в любую коалицию, которую хоть какое-то время будет возглавлять Биньямин Нетаньяху. Интрига разрешилась 26 марта 2020 года, когда было объявлено, что партия Ганца «Хосен ле-Израэль» выходит из блока «Кахоль-лаван» и входит в коалицию с Ликудом и религиозными партиями. Условием соглашения стала ротация лидеров «Хосен ле-Израэль» и Ликуда на посту главы правительства и паритетное распределение министерских портфелей.

Однако в любом случае остается вопрос: имеем ли мы дело с уже не первым в израильской истории ситуативным сбоем, который со временем, как и предыдущие, удастся преодолеть, – или с системным кризисом партийно-политической системы Израиля, базовые элементы которой были заложены еще за несколько десятилетий до образования самого государства? Если после выборов

2015 года многие комментаторы (включая автора этих строк) еще склонялись у перовой версии,¹⁹ то сегодня необходимость структурной реформы израильской парламентской демократии выглядит более насущной. При этом принципиально новых, по сравнению с высказывавшимися в период прежних сбоев, идей пока не поступало.

Речь по-прежнему идет о четырех предложениях, три из которых связаны с принятием соответствующих законодательных актов в рамках тех или иных проектов реформы политической системы Израиля.

Первая идея – это резкое укрепление исполнительной власти и, следовательно, стабильности правительства путем введения «исполнительного президентства» в одной из двух его моделей. Американской модели, которая предполагает, что всенародно избранный президент сам формирует «правительство профессионалов». И европейской (парламентско-президентской) модели, при которой президент формирует правительство, состоящее из политиков, ответственных также и перед Кнессетом.

При всей внешней привлекательности этих идей, которые могут способствовать оптимизации исполнительной власти, вероятность их реализации находится под сомнением. Так как имеется большое число экспертов, политиков и представителей общественности, которые высказывают небезосновательные опасения, что итогом перехода к президентской модели может стать чрезмерная концентрация власти в руках узкой группы лидеров и/или стоящих за ними элит – со всеми вытекающими издержками для израильской демократии. Собственно, уже сейчас методы (возможно, оправданные) чрезвычайного управления, к которым в условиях вызванного эпидемией и вакуумом власти, прибегает нынешнее переходное правительство, вызывают большое общественное недовольство, которое четко показывает властям границы их возможностей и реформистских инициатив. Потому максимум, о чем может идти речь на этом этапе, – это временный, возможно, некий промежуточный вариант этих двух

идей, например, возвращение к прямым выборам премьер-министра и формирование им, в случае невозможности составить коалицию, "правительства технократов". (Такая идея в общих чертах обсуждалась, с подачи того же Авиغدора Либермана, как временное решение для выхода из политического тупика накануне выборов в Кнессет в марте 2020 года).

Вторая идея – это переход от исторически принятой в Израиле пропорциональной системы выборов (голосование за партийные списки) к мажоритарной системе (по избирательным округам). Благодаря чему, согласно оценкам экспертов, провести своих кандидатов в Кнессет смогут лишь две-три крупные партии, обладающие развитой инфраструктурой и базой в местных органах власти, и, возможно, одна-две секторальные партии, электорат которых компактно проживает в определенных районах (как, например, еврей-ультраортодоксы и арабы).²⁰ Шансы на реализацию такого сценария, итогом которого может быть «самоликвидация» мелких и средних партий и потеря стоящими за ними общинными группами своего секторального лобби, а с ним – возможности влиять на процесс принятия общенациональных политических решений, оцениваются как минимальные.

Третья идея – резкое повышение электорального барьера (то есть минимальной доли голосов, которую должен получить избирательный список для того, чтобы участвовать в распределении парламентских мест). Что вряд ли вероятно в нынешней ситуации, судя по настроениям в руководстве как раз крупных партий, склонных, наоборот, поддерживать идею снижения электорального барьера, с тем, чтобы в Кнессет прошло больше их "естественных союзников". (А пока прилагающих, как это делали накануне всех трех выборов Биньямин Нетаньяху и перед последними по времени выборами – Бени Ганц, немалые усилия к объединению своих потенциальных сателлитов).

В отличие от трех предыдущих, четвертая идея более связана с различными партийно-электоральными страте-

гиями в рамках существующей системы: создание широких и устойчивых (а не «технических») предвыборных блоков, способных обеспечить своим инициаторам однозначную и несомненную победу на выборах. Попытки создания таких блоков, действительно, предпринимались: в 2013 году это был союз двух правоцентристских партий Ликуд и НДИ «Ликуд Бейтейну»; в 2015 – левоцентристский блок Аводы и Ха-Тнуа «Сионистский лагерь», на нынешних трех выборах – блок двух центристских («Телем» и «Хосен ле-Исраэль») и левоцентристской («Еш атид») партий «Кахоль-лаван». Как показала практика, ни один из этих проектов не пережил более одной полноценной каденции Кнессета.

Таким образом, блок «Кахоль-лаван» повторяет путь всех израильских проектов, нацеленных не столько на традиционную нишу собственно партий центра, которые пытаются втиснуться в узкий промежуток между ведущими партиями «широкого правого» и «широкого левого» лагеря, сколько претендующих на роль «центристской партии власти» и, выдвинув привлекательного лидера или идею, освоить максимально большие сегменты умеренных флангов политического спектра страны, возглавить правительство. А оказавшись в оппозиции, немедленно демонстрируют тенденции к распаду на элементы, из которых и были в свое время сконструированы. Наиболее ярким примером в этом смысле была созданная Ариэлем Шароном в 2005 году партия «Кадима», уже к началу 2008 года практически исчерпавшая свою изначальную идею и потенциал как «широкого центристского проекта». И просуществовавшая на политической арене страны еще половину десятилетия лишь потому, что, сильно «полевев», сумела вытеснить партию Авода из ниши главной политической силы «широкого левого» лагеря.

У блока «Кахоль-Лаван» такой идеей была даже не альтернативная Ликуду и правому лагерю внешнеполитическая или социально-экономическая идеологическая доктрина, сколько декларированная ею способность стать

центром притяжения членов лагеря «только не Биби». То есть избирателей чрезвычайно широкого спектра партий «от центра и левее», кто надеялся, сдвинувшись к центру, переломить саму тенденцию неизменного, начиная с 2009 года, формирования правительства лидером Ликуда, «правым ястребом» и «радикальным рыночником» Биньямином (Биби) Нетаньяху. Иными словами, сделать то, что не смогли сделать ни в 2009 году «Кадима», ни в 2013 году Авода, ни в 2015 году блок «Сионистский лагерь», ни другие партии, оспаривающие друг у друга лидерство в «широком левом» лагере. Потому при неудаче или даже частичной удаче выполнения своей заявки шансы на сохранение блока «Кахоль-лаван» были явно невелики. Что и случилось.

При этом представляется очевидным, что в обществе по-прежнему имеется запрос на наличие в центре политического спектра определенной силы, располагающей автономной позитивной программой и потому способной в случае сохранения стратегического союза Ликуда и консервативно-религиозных партий составить ему политическую альтернативу. Похоже, что постепенный рост популярности идеи «правительства национального единства» как долгосрочной меры может служить аргументом в пользу этой гипотезы.

¹ Данный вывод следует из многочисленных качественных и количественных исследований «русской улицы», проведенных под руководством автора и/или с использованием разработанной им методики в 2006–2017 гг., а также из иных релевантных исследований. Подробнее см.: Владимир (Зеев) Ханин. *«Третий Израиль»: русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале 21-го века.* – М.: ИБВ, 2014; Элизер Фельдман. *«Русский» Израиль: между двух полюсов.* – М.: Маркет ДС, 2003.

² Цит. по: Либерман: «Ликуд» создает партию «русских провокаторов». Интервью сайту NewRu, 03.09.2015 – http://newsru.co.il/israel/03sep2015/lib_int_701.html

³ <https://en.idi.org.il/haredi/2019/?chapter=29390>

⁴ Цит. по: Religion and State: Israelis Seek Change in Existing Arrangements // Press release of the IDI, 13.08.2019 – <https://en.idi.org.il/articles/28411>

⁵ Опрос *Panels Politics*, 14.03.2019, с. 4.

⁶ Quoted in: Дани Закен, Дорон Бройтман. Рост в цитаделях левых и в друзских поселках: так Либерман получил 8 мандатов // Глобс (Tel-Aviv), 04.10.2019 (на иврите) – <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001302762>

⁷ См.: Tamar Hermann, Or Anabi. Two Weeks to Election Day: IDI Poll Reveals Jewish Israelis are in Favor of a Unity Government // Israeli Voice Index: IDI, 03.09.2019 – <https://en.idi.org.il/articles/28560>

⁸ Ynet, 12.09.2019.

⁹ Цит. по: Ревиталь Эхт. «Кахоль-Лаван» отнеслись к нам как к любовнице, не поддержим правительство с Либерманом // Ха-Арец, 1.09.2020 (на иврите).

¹⁰ Alon Einhorn. 52% of Blue and White voters in favor of coalition with Arab parties – poll // The Jerusalem Post, 11.11.2019.

¹¹ Саар Хесс. Плавающие голоса для Нетаньяху: анализ итогов выборов // Ynet, 3.03.2020 – <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-5688253,00.html#autoplay> (на иврите).

¹² См: Judy Maltz. Disillusioned and Angry, These Israeli Jews Plan to Vote for Arab Party // *Ha'aretz*, 18.02.2020.

¹³ См.: Моран Азулай. Нетаньяху борется за арабский голос // Ynet, 19.02.20 (Hebrew).

¹⁴ Цит. по: Netanyahu vows not to 'transfer' any Arab citizens to a future Palestinian state // i24NEWS, 19.02.2020 – <https://www.i24news.tv/en/news/israel/politics/1582136501-netanyahu-vows-not-to-transfer-any-arab-citizens-to-a-future-palestinian-state>

¹⁵ Премьер-министр: «Идея о передаче треугольника под палестинский суверенитет не действительна». Интервью радио «Макан», Хайфа, 1 марта 2020. – <https://www.makan.org.il/> (на арабском)

¹⁶ Judy Maltz. An Earthquake?: How Israel's Arabs Achieved Their Historic Election Win // *Ha'aretz*, 04.03.2020.

¹⁷ Jeremy SHARON. Yisrael Beytenu pledges no 4th elections, plan to form gov't remains hazy // Jerusalem Post, 01.03.2020 – <https://www.jpost.com/Israel-Elections/Yisrael-Beytenu-pledges-no-4th-elections-plan-to-form-govt-remains-hazy-619383>

¹⁸ См.: Gideon Allon, Yehuda Shlezinger, Yori Yalon. Israelis would like to avoid minority government, poll finds // Israel Hayom, 16.03.2020.

¹⁹ Владимир (Зеэв) Ханин. *Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет 20-го созыва*. Монографический очерк. – Москва, 2016.

²⁰ См. например: Ашер Ариан, Давид Нахмиас, Рут Амир. *Системы управления и исполнительная власть в Израиле* – Иерусалим: Израильский Институт демократии, 2002. – С. 150–186 (на иврите).

**ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ АФГАНСКОГО
ВОПРОСА: ВЫЗОВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ
США И АФГАНИСТАНА**

Следует придерживаться осторожных формулировок, говоря о «мире», который Соединенные Штаты Америки в данный момент стремятся достичь в Афганистане. С одной стороны, это может фактически оказаться попыткой обеспечить политическое прикрытие для вывода с территории страны военного контингента США под видом мирного урегулирования. Однако в то же время, проводя мероприятия в Афганистане, американские политики и военные чиновники могут преследовать реальные цели достижения перемирия и полагать, что они действительно могут быть успешными. Однако практически все усилия, предпринимаемые США с целью мирного урегулирования, не обладают четкой стратегией, которая выходила бы за рамки победы в войне или прекращения конфликта. В Сирии, Ираке, Ливии и Йемене конечная цель США сводится к тому, чтобы положить конец боевым действиям, установить режим прекращения огня или обуздать террористическую угрозу. На данный момент у США не имеется четких планов по достижению стабильного мира и созданию работоспособной и прочной структуры управления государством, обеспечивающей безопасность или поддерживающей экономику любой

страны. Поиск скрытого мотива в отсутствии значимой мирной стратегии для Афганистана может легко закончиться обнаружением того, что никакого мотива даже не существует.

И все же, по крайней мере, открытые дискуссии о нынешних усилиях США по достижению мира в Афганистане довольно поверхностны, и это наводит на мысли о том, что они в какой-то степени призваны обеспечить прикрытие для вывода американских войск из Афганистана.

Исходя из того, что правительство США обнародовало на сегодняшний день, результатом нынешних мероприятий в области обеспечения мира могут стать такие преимущества, как прекращение огня, согласие радикального движения «Талибан» (запрещено в РФ) не поддерживать экстремизм или терроризм, а также некоторая форма первоначального сотрудничества между талибами и нынешним афганским правительством. При этом до сих пор единственными четкими целями, которые преследует американская сторона переговоров (помимо вывода военного контингента из Афганистана), кажется, является режим полного прекращения огня и формальное согласие талибов не поддерживать терроризм.

В то же время Соединенные Штаты публично не озвучили никаких гарантий безопасности для афганского правительства. Американские власти также никогда четко не признавали, что сегодняшние афганские силы, поддерживаемые США и НАТО, постепенно проигрывают борьбу за контроль над страной и что они не могут выжить без масштабной поддержки со стороны США: авиационной поддержки американских ВВС, получения разведывательной информации от агентурных и информационно-аналитических подразделений, а также деятельности специальных служб, участвующих в «подготовке и оказании помощи» афганской армии и элитным афганским силовым подразделениям в борьбе с терроризмом.

Генеральный инспектор по восстановлению Афганистана (SIGAR)¹, Управление генерального инспектора

Министерства обороны США (the Lead Inspector General of the Department of Defense, LIG)², Центральное командование США, ООН, а также некоторые авторитетные источники, такие как Long War Journal³ и Центр стратегических и международных исследований (CSIS) в своих отчетах указывают на то, что контроль афганского правительства над государством становится беспрецедентно слабым⁴.

Результаты опросов среди населения Афганистана также указывают на дефицит государственного управления. Опрос, проведенный Фондом Азии в 2019 году, показал, что 74,5% респондентов всегда, часто или иногда опасаются за свою личную безопасность⁵. Это свидетельствует об увеличении более чем на 3 процентных пункта по сравнению с 2018 годом (71,1%) и является новым рекордом в данном опросе. Страх за личную безопасность рос каждый год с 2012 года, когда он составлял 48,2%. Если рассмотреть показатели за пределами годового периода, то в 2019 году произошло почти 100%-е увеличение по сравнению с первым опросом, проведенным в 2006 году (39,6%), и значительное увеличение с 2012 года, когда процент населения, испытывающего страх за свою безопасность, составлял 48,2%. Страх участия в выборах в 2019 году также достиг самого высокого зарегистрированного уровня (63,3%). Показатели увеличились более чем на 50% с тех пор, как вопрос был впервые задан в 2006 году (41,1%). Такие цифры свидетельствуют о растущей негативной тенденции, связанной с отсутствием безопасности на большей части территории Афганистана. Согласно опросу, также выросло число респондентов, которые сообщают об умеренно или сильно выраженном чувстве страха во время участия в демонстрациях. Показатели достигли самого высокого уровня за всю историю – 75,2%, что примерно на 25% больше, чем в 2006 году (60,6%). Страх столкновения с талибами (93,1%) остался практически на том же уровне, что и в 2018 году (93,6%),

так же, как и страх столкновения с ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в РФ) – 95,0% в 2019 году и 94,9% в 2018 году.

Афганская армия уже почти наверняка потеряла бы контроль над некоторыми столицами провинций, если бы у нее не было массивной американской поддержки с воздуха и боевой поддержки сухопутных подразделений США, а также небольших вспомогательных подразделений, выполняющих задачи тылового обеспечения. Согласно данным Центрального командования США, афганские вооруженные силы находились в критической зависимости от снабжения со стороны США и международной коалиции разведывательной информацией с тех пор, как основная часть боеготовых сил США и НАТО ушла с территории Афганистана в 2013 году. Число авиаударов, осуществленных американскими истребителями и беспилотными летательными аппаратами, возросло с 947 в 2015 году до 1337 в 2016 году, 4 461 в 2017 году, 7 362 в 2018 году и до 6727 за первые 11 месяцев 2019 года⁶.

В докладах SIGAR⁷ и Министерства обороны США Конгрессу говорится о том, что военизированные полицейские формирования и основные подразделения афганской армии нескоро будут готовы к тому, чтобы обезопасить страну без прямой боевой поддержки США⁸.

Не менее важно и то, что отчеты Всемирного банка и МВФ ясно дают понять, что афганские силы не могут выжить и получить дальнейшее развитие без Соединенных Штатов, учитывая, что примерно половина афганского бюджета выделяется на поддержание национальной безопасности на должном уровне. Афганистан нуждается не только в американской поддержке, но и в помощи союзников США по НАТО, и даже при такой помощи далеко не ясно, смогут ли афганские силы после вывода войск США сохранить единство и функционировать достаточно эффективно для того, чтобы выдержать натиск «Талибана»⁹.

Последствия такого «мира» могут обернуться еще большим риском для гражданского населения Афганистана. До сих пор Соединенные Штаты не описывали возможных сценариев того, какой будет модель управления Афганистаном в случае, если перемирие состоится. В настоящее время в афганском государстве не существует как такового единого центрального правительства. Очевидно, что недавние президентские выборы провалились. В афганском парламенте представлены скорее разделенные политические фракции, чем те районы и избирательные округа, которые он фактически должен представлять. Законодательный орган также не осуществляет эффективного контроля над афганским бюджетом. Фракции правительства Афганистана глубоко разделены, в результате чего нынешние предложения о мирном урегулировании почти наверняка приведут к той или иной форме совместного управления с талибами или разделения страны на сферы влияния.

Ни Соединенные Штаты, ни афганское правительство и «Талибан» на данный момент не выдвинули никаких предложений по такого рода соглашениям. Однако ясно одно: центральное правительство Афганистана настолько расколото и подвержено внешнему влиянию, что практически любое предложение, в результате которого страна не будет разделена на сферы влияния, создаст серьезную угрозу ее захвата талибами. Данные риски еще более усугубляются глубокими межрелигиозными, этническими и племенными различиями в Афганистане, особенно расхождениями между основными пуштунскими и непуштунскими фракциями и фактической зависимостью правительства от коррупции и доходов, получаемых от наркотрафика. В отчетах МВФ и Всемирного банка также говорится, что хотя Афганистан разработал еще одну структуру для борьбы с коррупцией, никаких серьезных мер для достижения реальных изменений применено не было¹⁰.

Более того, согласно данным международных организаций, коррупция в Афганистане распространена до такой степени, что затрагивает большую часть ВВП. В отчете Transparency International за 2018 год о политике, целях устойчивого развития (ЦУР) и борьбе с коррупцией¹¹ эти проблемы изложены весьма подробно, а национальный опрос общественного мнения Фонда Азии за 2019 год¹² показал, что в целом 81,5% респондентов в 2019 году считали коррупцию серьезной проблемой в Афганистане. В то же время 15,6% думают, что коррупция является незначительной проблемой, а 2,5% утверждают, что коррупция вообще не является проблемой. Городские жители чаще говорят об опасности коррупции в Афганистане (88,7%), чем респонденты из сельской местности (79,0%). Понимание глубины проблемы афганским населением также свидетельствует об уязвимости правительства и его неспособности надлежащим образом выполнять свои основные функции.

В будущем афганское правительство неминуемо столкнется с серьезными гражданскими и социальными проблемами, которые талибы могут потенциально использовать для его ослабления. Центральному правительству придется иметь дело с массовым созданием рабочих мест, распределением доходов и проблемой бедности, которая усугубляется более чем миллионом беженцев и вынужденных переселенцев, вытесняемых из Ирана и Пакистана. При такой тенденции первоочередной будет необходимость обеспечения безопасности Афганистана, а не его развития.

Данные, приводимые отделом народонаселения ООН, также показывают серьезность проблемы избыточной демографической динамики в Афганистане, которая является одной из самых высоких в мире. В качестве примера можно привести данные Международной базы данных Бюро переписей США, согласно которым в период между 2019 и 2020 годами в стране рождаются около 864 000 афганцев. По состоянию на 2019 год чис-

ленность населения Афганистана составляла всего 35 780 000 человек¹³.

Выраженный демографический рост в сочетании с проблемами, усугубляемыми прибывающими беженцами, перемещенными лицами и абсолютной бедностью сельского сектора, неуклонно увеличивает зависимость Афганистана от рыночной экономики и урбанизирует население гораздо быстрее, чем государство способно создать рабочие места и обеспечить достойный уровень жизни. На данный момент нет достоверных статистических данных о прямой и скрытой безработице в Афганистане, особенно о безработице среди молодежи в городской и сельской среде, где преобладает оборот наличных средств. Однако, согласно частным оценкам экспертов, реальный уровень безработицы среди молодежи мужского пола может превышать 30%. Судьба афганского центрального правительства в такой же степени зависит от внешней гражданской помощи, как и от военной поддержки. В одном из последних докладов МВФ делается попытка придать нынешней ситуации позитивный характер, но отмечается, что для прогресса в значительной степени потребуется стабилизация бюджета Афганистана и увеличение международного финансирования¹⁴.

При этом афганский народ питает к нынешним мирным переговорам по Афганистану больше доверия и надежд, чем они фактически заслуживают. Прекращение огня не является прекращением самого конфликта. Зная, что любой настоящий мир требует стабильности, устранения разногласий и создания эффективного управления, безопасности и развития, правительство США до сих пор не выдвинуло каких-либо четких концепций или планов для его создания. Вместо этого оно сосредоточилось на неопределенном урегулировании, которое должно произойти между расколотым афганским правительством и экстремистским движением «Талибан», несмотря на то, что афганские правительственные силы проигрывают талибам и выживают только благодаря поддержке и содействию США. Конечным

результатом любого «мира», который не поддерживается твердыми гарантиями безопасности со стороны США, может стать окончательное ослабление Афганистана. Как ясно показала история в случае с Непалом и Камбоджей, такой «мир» может легко перетечь в ожесточенную борьбу за власть, и такая группировка, как «Талибан», может прибегнуть в подобной борьбе к любым средствам.

С точки зрения борьбы с терроризмом, мирное соглашение, которое приводит к победе «Талибана», проложит дорогу к победе исламского экстремизма, а Афганистан, в котором будут доминировать талибы, может даже стать убежищем для террористических движений, которые угрожают США и их союзникам. Следовательно, при таком сценарии первопричина, с которой власти США боролись на протяжении 18 лет, вернется в исходную точку, и порочный круг снова замкнется.

В то же время приход к власти талибов в некотором смысле может быть стратегически выгоден США: это избавит государство от колоссальных финансовых затрат (на данный момент объем средств, за все время выделенных США на войну в Афганистане, составляет около 2 триллионов долларов). Такая смена политической власти, вероятнее всего, создаст новые внешние угрозы для соседствующих государств, таких как Иран, Китай и Пакистан, усугубив обстановку в регионе. Говоря о политическом имидже США в данном вопросе, следует отметить, что большая часть мира уже давно оценивает американскую кампанию в Афганистане как провальное мероприятие. Учитывая все вышеперечисленные факторы, вывод военного контингента из Афганистана с предварительным предоставлением гарантий безопасности действующему афганскому правительству может стать наиболее целесообразным решением для США.

¹ SIGAR, *October 30 Quarterly Report to Congress*, 67-102. – <https://www.sigar.mil/quarterlyreports/index.aspx?SSR=6>

² Lead Inspector General // *Report to the United States Congress, July 1, 2019-September 20, 2019*, 10-33. –

<https://www.stateoig.gov/reports/overseas-contingency-operations/>

³ Analysis: How the U.S. arrived at this critical crossroads in Afghanistan. – <https://www.longwarjournal.org/archives/2019/12/analysis-how-the-us-arrived-at-this-critical-crossroads-in-afghanistan.php>

⁴ Anthony H. Cordesman. *Afghanistan: A War in Crisis*. CSIS, September 2019. – https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/190904_Progress-Afghanistan.pdf

⁵ The Asia Foundation. *Afghanistan in 2019, A Survey of the Asian People*, 17-18. – https://asiafoundation.org/wp-content/uploads/2019/12/2019_Afghan_Survey_Full-Report.pdf

⁶ <https://www.centcom.mil/AREA-OF-RESPONSIBILITY/Afghanistan/>

⁷ SIGAR, *January 30 Quarterly Report to Congress*, 8-13. –

<https://www.sigar.mil/quarterlyreports/index.aspx?SSR=6>

⁸ Enhancing Security and Stability In Afghanistan, December 2019, Report to Congress, 3-14, 27-31. –

<https://media.defense.gov/2020/Jan/23/2002238296/-1/-1/1/1225-REPORT-DECEMBER-2019.PDF>

⁹ IMF Country Report No. 19/382 Islamic Republic of Afghanistan, Staff report for the 2019. «Article IV consultation» and the sixth review under the extended credit facility arrangement – press release; staff report; and statement by the executive director for Islamic Republic of Afghanistan.

¹⁰ IMF, «Article IV Report». –

<https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/12/20/Islamic-Republic-of-Afghanistan-Staff-Report-for-the-2019-Article-IV-Consultation-and-the-48901>

¹¹ Policy, SDGs and fighting corruption for the people: a civil society report on Afghanistan's sustainable development goals. –

https://www.transparency.org/whatwedo/publication/policy_sdgs_and_fighting_corruption_afghanistan_a_civil_society_report

¹² The Asia Foundation, *Afghanistan in 2019, A Survey of the Asian People*, 138, 143. – https://asiafoundation.org/wp-content/uploads/2019/12/2019_Afghan_Survey_Full-Report.pdf

¹³ U.S. Census Bureau. “International Database”. –

<https://www.census.gov/data-tools/demo/idb/region.php?T=13&RT=0&A=separate&Y=2018,2019,2020&C=AF&R=1>

¹⁴ IMF, «Article IV Report». –

<https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/12/20/Islamic-Republic-of-Afghanistan-Staff-Report-for-the-2019-Article-IV-Consultation-and-the-48901>

ИНТЕРЕСЫ ФРГ В ЛИВИИ В КОНТЕКСТЕ БЕРЛИНСКОГО ПРОЦЕССА

Завершающий период пребывания у власти в Ливии М. Каддафи характеризовался расширением возможностей для развития контактов между Триполи и Берлином. Прежде всего это касалось области экономики, где по статистике за 2008 г., Джамахирия занимала особое положение среди партнеров ФРГ не только как импортер продукции немецкого машиностроения, но и как один из важнейших в регионе экспортных партнеров Германии, где основу, разумеется, составляли поставки нефти¹. Надежды на прогресс в политико-дипломатической сфере появились после визита федерального министра иностранных дел Ф.-В. Штайнмайера на двусторонний экономический форум в Бенгази в 2006 г. Тогда глава МИД ФРГ сообщил, что «после решения воздержаться от разработки оружия массового уничтожения и отмены всех форм терроризма эта страна завершила длительный период изоляции и вернулась в международное сообщество», а потому может стать примером для других государств, в том числе Ирана².

Народные волнения, начавшиеся в Ливии в 2011 г., переросшие в затяжной масштабный конфликт, помешали реализовать намеченные планы, а Берлин оказался перед необходимостью выработки новой позиции в отношении страны в связи с разворачивающимися в ней со-

бытиями. Знаковым для ФРГ на данном этапе стало решение воздержаться на голосовании в Совете Безопасности ООН по резолюции № 1973 в марте 2011 г. Избрав такой курс, Берлин пошел вразрез с линиями Вашингтона и Парижа, оказавшись по одну сторону с Пекином и Москвой. Позднее стало известно об одиннадцати военнослужащих Бундесвера, отправленных для участия в международной коалиции, направленной в Ливию на основании упомянутой резолюции. Правительство при этом настаивало, что в боевых действиях они участия не принимали, а были привлечены лишь в гуманитарной активности³. Наконец, осенью того же года после публикации ответа на парламентский запрос партии «Зеленых» выяснилось, что в операции в Ливии было задействовано 103 немецких военных, которые, в числе прочего, занимались передачей команд самолетам-разведчикам⁴.

Непоследовательность, в которой упрекнули федеральное правительство, спровоцировала несколько волн критики. Первая из них – внутренняя, включавшая в себя возражения «Левых», «Зеленых» и СДПГ, варьировавшиеся от подозрений в «нечестности» до призывов изменить законодательство, касающееся одобрения участия Бундесвера в миссиях за рубежом⁵. Однако еще раньше правительство столкнулось с возмущением партнеров по НАТО, недовольных тем, что Берлин решил дистанцироваться от операции, продемонстрировав это на голосовании в СБ ООН. Таким образом, приняв решение все же задействовать своих военных в миссии в Ливии, ФРГ частично сгладила противоречия с партнерами. В области внутренней политики это означало своего рода победу министерства обороны во главе со сторонником идей евроатлантической солидарности и участия Бундесвера в зарубежных операциях Т. де Мезьером над внешнеполитическим ведомством, которым на тот момент руководил Г. Вестервелле.

Впрочем, факты, ставшие в политической сфере поводом для обвинений в непоследовательности, на экс-

пертном уровне трактуются несколько иначе. К примеру, по мнению С. Харниша из Университета Гейдельберга, речь шла не о нелогичности курса, а о смене ролей с активной на ведомую. Так, в феврале 2011 г., как отмечает эксперт, Берлин пытался взять на себя задачу выработки единого курса в ЕС по ситуации в Ливии, а также через МИД добивался воздействия ООН на режим М. Каддафи. В дальнейшем в силу разных причин поведение ФРГ в отношении конфликта изменилось, на что повлияла, в том числе, активизация Франции, а также то, каким образом было воспринято поведение Германии на голосовании в СБ ООН, которое, по замечанию канцлера А. Меркель, было ошибочно истолковано как «нейтралитет»⁶.

Конференция по Ливии, проходившая в германской столице в январе 2020 г., стала своего рода шансом изменить позиции страны в процессе урегулирования конфликта, что в будущем могло создать основу для реализации ФРГ планов по сотрудничеству, воплощению которых на практике помешала война. О сохранении прежних интересов в Ливии свидетельствуют данные федерального министерства иностранных дел Германии. В частности, на официальном сайте ведомства утверждается, что «в будущем Ливия станет интересным рынком для немецкой экономики», однако для использования ее потенциала необходимо не только добиться политической стабилизации, но и устранить барьеры, связанные с работой судебной системы, а также рынком труда⁷.

Намерения страны подтверждают и данные ливийской Национальной нефтяной корпорации, опубликованные в марте 2019 г., согласно которым германские компании заинтересованы в возвращении на газовый и нефтяной рынки страны, что также воспринимается ФРГ как мера содействия оздоровлению экономики Ливии. В ходе германо-ливийского экспертного экономического форума, состоявшегося в марте 2019 г. в Тунисе, приоритетом для сторон было названо завершение проектов, прерванных из-за гражданской войны, а также новые инициативы

в области энергоресурсов. По словам представителей Национальной нефтяной корпорации, запасы углеводородного сырья в Ливии велики, однако для того, чтобы вывести взаимодействие на новый уровень, необходимо провести дополнительные технологические экспертизы⁸, профинансировать которые, судя по всему, должна будет ФРГ. На их основании возможно увеличить добычу нефти и газа, что будет интересно западным инвесторам, а также окажет дополнительное содействие в восстановлении Ливии.

Как отмечалось выше, 19 января 2020 г. была организована конференция, ставшая логическим продолжением т.н. Берлинского процесса, стартовавшего в сентябре 2019 г. В качестве его цели обозначалось содействие мирным усилиям ООН путем создания условий как для внутриливийских переговоров враждующих сторон, так и для привлечения внешних игроков, вовлеченных в конфликт. При этом особенно важно, что на этапе подготовки встречи 11 января 2020 г. Евросоюз наделил главу МИД Германии Х. Мааса мандатом на посреднические усилия от имени организации и ее государств-участников⁹. Итогом конференции, как было подчеркнуто официальным представителем федерального правительства Ш. Зайбертом, стал старт политического процесса урегулирования¹⁰. В практическом плане итоги встречи включали в себя эмбарго на поставки вооружений в зону конфликта, прекращение огня и учреждение комитета по мониторингу данного процесса в формате «5+5», а также запуск реформ, призванных восстановить экономику и государственные институты. В феврале 2020 г. ООН закрепила итоги Берлинской конференции, создав тем самым для них международно-правовые основы.

Несмотря на то, что событие стало восприниматься как прогресс германской дипломатии в целом и А. Меркель, в частности, поскольку ее сочли своего рода гарантом исполнения достигнутых договоренностей, итоги конференции заложили основу для сложностей, про-

явившихся уже на начальном этапе. Прежде всего это касается контроля над соблюдением запрета на экспорт вооружений. При этом для достижения названной задачи Берлин явно надеялся на ответную поддержку ЕС и ООН. Кроме того, ливийское урегулирование и мониторинг выполнения эмбарго актуализировали необходимость пересмотра мандата миссии «София» по спасению мигрантов в Средиземном море, ранее спровоцировавшей немало разногласий между членами Евросоюза.

К примеру, в декабре 2018 г. из-за ее судьбы уже разгорались споры, поскольку Италия настаивала на том, чтобы спасенные мигранты не отправлялись автоматически в ее порты, а распределялись между государствами-членами ЕС. Одним из главных сторонников этой идеи был тогдашний заместитель председателя Совета министров Италии М. Сальвини, который, как полагали эксперты, таким образом боролся не только за благополучие своей страны, серьезно страдающей из-за притока мигрантов, но и за политические очки, что было особенно актуально в преддверии выборов в Европарламент весной 2019 г.¹¹ При благоприятном исходе голосования М. Сальвини рассчитывал на пост главы Еврокомиссии, чего намеревался добиться, опираясь на альянс с европейскими правыми партиями, выступающими за борьбу с мигрантами с Востока, включая немецкую партию «Альтернатива для Германии»¹².

В конце февраля 2020 г. в Нью-Йорке состоялось закрытое заседание СБ ООН, куда ФРГ вошла в 2019-2020 гг. в качестве непостоянного государства-участника. В ходе встречи Х. Маас крайне резко выразился по поводу стран, не соблюдающих эмбарго на отправку оружия в Ливию, предложив разработать и применять в отношении таких игроков санкции¹³. Тема экспорта вооружений ранее прозвучала на Мюнхенской конференции по безопасности 2020 г., где были озвучены основные каналы поставок. Так, по оценкам Германии, Ф. Саррадж получал оружие по морю, а Х. Хафтар – наземным и воздушным пу-

тем. При этом основными экспортерами во втором случае были названы ОАЭ и Египет¹⁴.

Вместе с тем открытое обсуждение данной проблематики вновь обострило внутренние дебаты в ФРГ по теме экспорта вооружений в т.н. третьи страны, т.е. те, что не являются союзниками по ЕС и НАТО. Согласно опубликованному ответу на парламентский запрос «Левой» партии, за первый месяц 2020 г. федеральное правительство дало разрешение на экспорт вооружений в ОАЭ на сумму порядка 50,5 тыс. евро, Турцию – 18,6 тыс. евро, Египет – 4,6 тыс. евро¹⁵. При этом именно эти страны, как было сказано выше, и сама Германия, и ООН обозначают в качестве главных экспортеров вооружений и отправки военных в зону ливийского конфликта.

В конце марта 2020 г. было объявлено о старте операции EUNAVFOR MED IRINI, призванной полностью заменить собой миссию «София», чей мандат истекал 31 марта того же года. Основной задачей новой миссии стал мониторинг за соблюдением эмбарго на экспорт вооружений в Ливию. Помимо этого предполагалось наделить IRINI дополнительными функциями, среди которых назывались контроль над незаконными поставками нефти и продуктов ее переработки, а также содействие обучению береговой охраны¹⁶. Обращает на себя внимание то, что несмотря на сохранение необходимости пресечения нелегальной миграции в Европу, данная цель на первый план в новой миссии не вышла, чем IRINI в корне отличается от своей предшественницы. Вместе с тем даже немецкие эксперты считали трудновыполнимой задачей разграничение функций по спасению беженцев и контролю за поставками вооружений, а потому прогнозировали то, что ЕС не сможет обеспечить эффективный мониторинг соблюдения эмбарго¹⁷.

Новая миссия ЕС создала условия для повышения влияния ряда стран, среди которых была и Греция. Так, самим названием новая миссия была обязана греческому слову «мир»¹⁸. Успешность операции с точки зрения

урегулирования конфликта, для которого она была задумана, покажет время, однако именно благодаря Афинам удалось достичь компромисса между государствами Европы, прежде спорившими из-за «Софии». В частности, греческая сторона согласилась взять на себя пусть не основную, но наиболее противоречивую задачу приема спасенных в море мигрантов, тем самым блокируя возражения Италии. Рим, в свою очередь, был определен как штаб-квартира развертывания IRINI, что позволило стране сохранить позиции на ливийском треке, при этом трансформировав миграционную проблему в нужном для интересов Италии русле.

Итоги Берлинской конференции были явно положены в основу мандата IRINI, однако на этом фоне ФРГ не стремилась сразу четко обозначить в ней свою роль. С одной стороны, причиной тому стали внутренние проблемы федерального правительства, связанные с COVID-19. С другой стороны, несмотря на то, что мандат «Софии» истек в конце марта, а IRINI задумывалась как ее логическое продолжение, активность которого рассчитана не менее чем на год, детали операции до последнего продолжали оставаться в стадии разработки. Наконец, еще на этапе январских переговоров в Берлине А. Меркель стремилась избежать вопросов об участии Германии в новой ливийской миссии¹⁹, поскольку направление Бундесвера в зону конфликта несло в себе риск обострения внутривнутриполитических дебатов о военном присутствии за рубежом.

На начальном этапе ФРГ объявила о том, что планирует задействовать свои возможности воздушной разведки, а именно самолеты и беспилотники, а вот от отправки кораблей Берлин хотел бы воздержаться. Сообщалось, что Бундесвер будет использовать в операции самолет-разведчик типа P-3C Orion, преимуществами которого является большая дальность полетов, а также оснащение высокоточными приборами, позволяющими следить за различными целями, включая подводные. При этом для его использования, согласно данным официального сайта

Бундесвера, требуется экипаж, включающий, как минимум, 11 человек²⁰. Уже в апреле 2020 г. германское правительство приняло законопроект, предполагающий отправку в Ливию 300 военнослужащих для сбора информации о случаях нарушения эмбарго и незаконных нефтяных поставках, а также содействовать подготовке ливийской береговой охраны²¹.

Наконец, несмотря на руководящую роль в урегулировании, как минимум, в рамках ЕС, которую стремилась закрепить за собой Германия после конференции, по прошествии относительно короткого срока стали наблюдаться свидетельства роста французского влияния. 10 марта в столице ФРГ состоялись переговоры А. Меркель с командующим Ливийской национальной армией (ЛНА), фельдмаршалом Х. Хафтаром, за день до этого совершившим аналогичный визит в Париж. Официальный комментарий по поводу беседы А. Меркель и Х. Хафтара оказался традиционно сжатым. Представитель федерального правительства Ш. Зайберт со ссылкой на канцлера сообщил лишь, что «военного решения конфликта не может быть, а потому необходимо прекращение огня и прогресс в политическом процессе»²². Днем ранее во время встречи с Э. Макроном командующий ЛНА заявил о готовности подписать соглашение о прекращении огня, но только в том случае, если его условия будут соблюдаться и противоположной стороной конфликта. За неделю до этого необходимость выполнения итогов Берлинской конференции в телефонном разговоре обсудили А. Меркель и президент России В.В. Путин.

Несмотря на кажущееся единство целей, создалось впечатление, что в действительности Х. Хафтар руководствовался иными мотивами. Прежде всего речь шла о международной легитимации, позволяющей ему создавать представление о себе как о ливийском лидере. Основа для этого была создана на конференции в Берлине, что, однако, требовало постоянной подпитки. При этом Париж, судя по всему, показался Х. Хафтару более пер-

спективным партнером, чем Берлин, несмотря на то, что последний в силу январской конференции стал своего рода символом прорыва. Так, альянс с Францией мог оказаться выгоднее по соображениям борьбы с Турцией. В частности, в феврале 2020 г. над расширением партнерства в сфере безопасности стали работать Париж и Афины, о чем свидетельствует визит во Францию премьер-министра Греции К. Мицотакиса, во время которого в числе прочего обсуждалась активизация Франции в Средиземноморье. По данным французских СМИ, во время встречи с Э. Макроном Х. Хафтар передал ему сведения о сирийских наемниках, переброшенных Турцией в Ливию²³. При этом часть из них должна была затем отправиться в Европу, а это, в свою очередь, расценивается как подпитывание миграционного кризиса и угроза радикализации.

В целом, помня ошибки германской дипломатии, допущенные при выработке стратегии на заре конфликта в Ливии в 2011 г., федеральное правительство во главе с А. Меркель предприняло попытку не допустить размывания позиций, достигнутых в связи с развитием Берлинского процесса и созывом одноименной конференции. Прорыв на ливийском направлении оказался важен для ФРГ не только в силу интересов в отношениях со страной прежде всего в экономической сфере, но и потому, что потенциально дает возможность усиления в рамках ООН. Это, в свою очередь, подкрепляет аргументы Германии в пользу необходимости реформы организации. Вместе с тем предпринятые шаги во многом способствуют укоренению уже имеющихся проблем, касающихся борьбы за лидерские позиции в ЕС, а также разницы подходов европейских государств к миграционному кризису и способам его разрешения.

¹ Берг И.С. ФРГ – Ливия: сложный путь к сотрудничеству // Институт Ближнего Востока. 25.03.2009.

URL: <http://www.iimes.ru/?p=8356> (дата обращения: 23.04.2020).

² Außenminister-Reise. Steinmeier: Libyen kann Vorbild sein // Tagesspiegel. 14.11.2006.

URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/aussenminister-reise-steinmeier-libyen-kann-vorbild-sein/774514.html> (дата обращения: 23.04.2020).

³ Gebauer M. Libyen-Krieg. Deutscher Soldaten-Einsatz bringt de Maizière in Bedrängnis // Spiegel. 19.08.2011.

URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/libyen-krieg-deutscher-soldaten-einsatz-bringt-de-maiziere-in-bedraengnis-a-781267.html> (дата обращения: 23.04.2020).

⁴ Krieg in Libyen. Mehr als hundert Deutsche am Nato-Einsatz beteiligt // Spiegel. 09.09.2011.

URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/krieg-in-libyen-mehr-als-hundert-deutsche-am-nato-einsatz-beteiligt-a-785381.html> (дата обращения: 23.04.2020).

⁵ Gebauer M. *Op. cit.*

⁶ Harnisch S. Deutschlands Rolle in der Libyen-Intervention: Führung, Gefolgschaft und das angebliche Versagen der Regierung Merkel. Standortbestimmung Deutschlands: Innere Verfasstheit und internationale Verantwortung, 2015. S. 85-122.

⁷ Libyen und Deutschland: Bilaterale Beziehungen // Auswärtiges Amt. 16.03.2020.

URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/libyen-node/bilateral/219634> (дата обращения: 23.04.2020).

⁸ German companies express interest in Libyan oil and gas sector // National Oil Corporation.

URL: <https://noc.ly/index.php/en/new-4/4604-german-companies-express-interest-in-libyan-oil-and-gas-sector> (дата обращения: 29.04.2020).

⁹ Weg zur Berliner Libyen-Konferenz // Auswärtiges Amt. 16.01.2020.

URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/libyen-node/berliner-libyen-konferenz/2292766> (дата обращения: 23.04.2020).

¹⁰ Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt Waffenruhe für Libyen // Bundesregierung.

URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (дата обращения: 29.04.2020).

¹¹ Taylor P. Salvini's Sophia soapbox. Why Rome may pull the plug on the EU's military mission in the Mediterranean // Politico. 12.03.2019. URL: <https://www.politico.eu/article/italy-matteo-salvini-sophia-soapbox/> (дата обращения: 23.04.2020).

¹² Salvini and the Right-Wing "European Alliance of Peoples and Nations" // Transform. 06.05.2019.

URL: <https://www.transform-network.net/focus/overview/article/ep-2019-the-european-left-one-mouth-many-voices/salvini-and-the-right-wing-european-alliance-of-peoples-and-nations/> (дата обращения: 23.04.2020).

¹³ Heiko Maas lobt Einigung. UN-Sicherheitsrat stimmt Libyen-Resolution zu // ZDF. 13.02.2020.

URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/un-sicherheitsrat-libyen-resolution-100.html> (дата обращения: 23.04.2020).

¹⁴ Libyen-Folgekonferenz in München pocht auf Waffenembargo // Deutsche Welle. 16.02.2020.

URL: <https://www.dw.com/de/libyen-folgekonferenz-in-m%C3%BCnchen-pocht-auf-waffenembargo/a-52397786> (дата обращения: 23.04.2020).

¹⁵ Schriftliche Frage an die Bundesregierung im Monat Januar 2020 Frage Nr. 546. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. 11.02.2020.

URL: <https://www.waffenexporte.org/wp-content/uploads/2020/02/20200211-Ausfuhr-R%C3%BCG%C3%BC-Frage-546.pdf> (дата обращения: 23.04.2020).

¹⁶ Operation „Irimi“: Start für neue EU-Mission im Mittelmeer // Auswärtiges Amt. 01.04.2020.

URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/aussenpolitik/irini-libyen/2330224> (дата обращения: 23.04.2020).

¹⁷ Kaim M., Schulz R. Die EU wird das VN-Waffenembargo in Libyen nicht durchsetzen können // SWP. 10.02.2020. doi:10.18449/2020A10 URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2020A10/> (дата обращения: 23.04.2020).

¹⁸ EU startet Operation IRINI zur Durchsetzung des Waffenembargos gegen Libyen // Europäischer Rat.

URL: <https://www.consilium.europa.eu/de/press/press-releases/2020/03/31/eu-launches-operation-irini-to-enforce-libya-arms-embargo/> (дата обращения: 29.04.2020).

¹⁹ Hofmann K. Nach Berliner Konferenz. Bundeswehr in Libyen? Ja, nein, vielleicht // ZDF. 20.01.2020.

URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/zurueckhaltung-zu-bundeswehr-einsatz-in-libyen-100.html> (дата обращения: 23.04.2020).

²⁰ Der Seefernaufklärer P-3C Orion // Bundeswehr.

URL: <https://www.bundeswehr.de/de/ausruestung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/p-3c-orion-seefernaufklaerer> (дата обращения: 23.04.2020).

²¹ Bundeswehr. Deutschland will bis zu 300 Soldaten für EU-Mission "Irimi" stellen // Spiegel. 22.04.2020.

URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/eu-mission-irini-deutschland-will-bis-zu-300-bundeswehr-soldaten-stellen-a-73e1c978-eb38-4055-bde1-b2d61d66c96f> (дата обращения: 23.04.2020).

²² Merkel trifft libyschen General Haftar in Berlin // RND. 10.03.2020.

URL: <https://www.rnd.de/politik/merkel-trifft-libyschen-general-haftar-in-berlin-HD2MNLJLJOJM5DHCFXZLDYR5CU.html> (дата обращения: 23.04.2020).

²³ Libye: le président français Emmanuel Macron rencontre le maréchal Haftar // RFI. 10.03.2020. URL: <http://www.rfi.fr/fr/afrique/20200310-libye-france-president-francais-emmanuel-macron-rencontre-marechal-haftar-elysee> (дата обращения: 23.04.2020).

Е.А. Якимова

**ОТНОШЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И АФГАНИСТАНА
В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ США
НА БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА**

Афганистан занимает периферийное положение в системе израильских внешнеполитических координат, а официальные дипломатические отношения между двумя странами отсутствуют. Вместе с тем на разных этапах появлялись свидетельства наличия у сторон намерений добиться прогресса в развитии контактов. Переломным моментом стал 2005 г., когда президент Афганистана Х. Карзай в интервью израильскому изданию «Yedioth Ahronoth» заявил о возможности признать Израиль¹. Позднее эту информацию подтвердила пакистанская газета «Pakistan Daily Times» со ссылкой на афганские дипломатические источники². Таким образом, афганское направление оказалось для Иерусалима не только возможностью сделать еще один шаг на пути к нормализации с исламским миром, но и способом укрепления позиций в Южной Азии, где большое значение для израильских интересов в сфере политики и экспорта вооружений имеет динамика отношений между Индией и Пакистаном, являющимися важными игроками на афганском треке.

Упомянутые сообщения о готовящемся потеплении с Кабулом поступали на фоне открытой антиизраильской активности и враждебной риторики тогдашнего президен-

та Ирана М. Ахмадинежада. Таким образом, Афганистан начал приобретать все большее значение для израильской дипломатии в связи с нарастанием противоречий между Иерусалимом и Тегераном. При этом важна была не только географическая близость Афганистана к Ирану, но и политика Тегерана в соседней стране. Заметными акцентами, связанными с Израилем, в ней стали стимулирование антиамериканских настроений, а следовательно, и ненависти к союзникам США в регионе, а также укрепление солидарности с палестинским народом. Последнее было особенно актуальным, принимая во внимание то, что в качестве условия признания Израилем Х. Карзай обозначил прогресс в палестино-израильском мирном урегулировании³.

В качестве примера деятельности ИРИ можно привести программы Комитета помощи имама Хомейни, который поддерживает организацию в Афганистане т.н. дня «Аль-Кудс», в 2008 г. при его участии состоялась акция солидарности палестинских и афганских детей⁴. Помимо этого, Афганистан превратился в арену для иранской информационной войны с Израилем. Так, в Кабуле расположен частный Университет Хатам-и-Набиен, где обучение ведется по иранским программам, а осуществляют его преподаватели, прошедшие подготовку в ИРИ⁵. Кроме того, в Афганистане ведется вещание спонсируемого иранским режимом канала Tamadon. Он в числе прочего освещает ситуацию в зоне палестино-израильского конфликта с акцентом на израильской враждебности в адрес палестинского народа⁶.

Однако решающее значение ситуация в Афганистане для Израиля имеет в контексте партнерства Иерусалима и Вашингтона. Определяется оно несколькими аспектами, среди которых аналитики упоминают необходимость для ЦАХАЛа изучить и в какой-то степени заимствовать американский опыт антитеррористической операции, начатой после терактов 11 сентября 2001 г. В частности, эксперты Institute for National Security Studies (INSS) отмечают, что

несмотря на различия между «Аль-Каидой», с одной стороны, ХАМАСом и «Хизбаллой», с другой, одним из важнейших факторов продолжения активности всех террористических группировок имеет поддержка, прежде всего финансовая, которую оказывают извне государственные акторы. Именно необходимость не просто наказать конкретных виновников атак в США, но и попытаться таким образом пресечь подобную форму содействия террористам в целом, стала, по мнению INSS, основанием для операции против талибов⁷. Данный подход кажется актуальным для Израиля, поскольку одной из основ концепции обеспечения национальной безопасности страны является т.н. «сдерживание», заключающееся в предотвращении или замедлении начала открытой фазы конфликта. При этом данная задача может достигаться, в том числе, за счет нанесения поражения противнику в предыдущем столкновении⁸.

Помимо извлечения уроков, Афганистан в американо-израильских отношениях позволяет обеспечить продвижение стратегических интересов, связанных, как упоминалось выше, с Ираном. Здесь речь идет прежде всего о сообщениях иранских и российских СМИ, согласно которым Израиль использует американскую военную базу в Шинданде (провинция Герат). При этом если иранский ресурс Tasnim подчеркивал в своих материалах факт сбора разведывательной информации в приграничном районе, то российский Sputnik со ссылкой на эксперта по Израилю С.Циписа также упомянул о заинтересованности ЦАХАЛа в получении боевого опыта в подобных условиях⁹.

Для координации любых усилий важно понимать долгосрочные интересы союзника, а потому в Иерусалиме традиционно уделяют большое внимание политике американских лидеров в Афганистане. После избрания на пост президента США Б. Обамы за основу была взята стратегия, предполагающая, с одной стороны, борьбу с повстанцами, а с другой, содействие построению эф-

фективных государственных институтов¹⁰. На начальном этапе израильские эксперты сделали предположение, что действия американской администрации на данном направлении станут определяющими для всего курса Вашингтона в регионе, а также для отношений с союзниками. Решения США в отношении ситуации в Афганистане рассматривались и как значимый фактор, формирующий характер американо-пакистанских контактов¹¹, что также значимо для Иерусалима в контексте формулирования внешнеполитической линии в отношении Южной Азии.

Необходимо подчеркнуть, что характер отношений США с «Талибаном» при Б. Обаме был открыто конфронтационным, а история афгано-израильских отношений, в свою очередь, такова, что в 1990-е гг. Израиль поддерживал афганских моджахедов. Опираясь на президента Афганистана Б. Раббани, Иерусалим планировал добиться нормализации межгосударственных отношений за счет следования традиционному для себя курсу, заключающемуся в наращивании экономического взаимодействия и программ содействия развитию страны. Есть сведения о попытках налаживания контактов между афганскими властями под руководством Б. Раббани и Израилем через дипломатические представительства последнего в Европе¹². При этом на официальном уровне любое взаимодействие не подтверждалось, что доказывает, к примеру, пресс-конференция Б. Раббани в июне 1998 г. в ООН, на которой он заявил, что не знает об израильской гуманитарной помощи, отправленной пострадавшим от землетрясения, хотя сведения об этом попали в СМИ¹³.

Стратегия Д. Трампа в Афганистане оказалась в корне противоположной, однако смена курса США на данном направлении была вполне прогнозируемой. В частности, еще до перехода полномочий к новой администрации эксперты ссылались на заявления Д. Трампа 2012-2013 гг., в которых он призывал прекратить американское участие в конфликте, руководствуясь соображениями безопасности военных, а также большими расхо-

дами на эту кампанию¹⁴. Оценивая перспективы воплощения такого рода курса, Middle East Media Research Institute (MEMRI) отмечал, что стремление Вашингтона при Д. Трампе сократить прямую вовлеченность в афганские дела потребует от администрации президента большего внимания к Ирану, а особенно к СВПД как к механизму поддержания сотрудничества¹⁵. Соответственно, задача ухода из Афганистана воспринималась как фактор, способствующий сглаживанию американо-иранских противоречий.

На практике ситуация стала развиваться по иному сценарию. Госсекретарь США М. Помпео в январе 2020 г. заявил, что использование Ираном талибов в «грязной работе» серьезно подрывает мирный процесс в зоне афганского конфликта¹⁶. СМИ при этом отметили, что конкретных примеров враждебной активности представитель американской администрации не привел, а потому решили, что речь идет о подстрекательствах к атакам террористов-смертников в Кабуле, в чем годом ранее Вашингтон уже заподозрил Тегеран¹⁷. На волне обсуждений опасности иранской мести за ликвидацию в начале января 2020 г. генерала КСИР К. Сулеймани генерал Ф. Маккензи, возглавляющий Центральное командование при Министерстве обороны США, в зону ответственности которого входит Ближний Восток, сделал акцент на растущей иранской активности в Афганистане¹⁸. Отдельно подчеркивалось, что негативно на ситуации сказывается и возвращение боевиков из Сирии в Афганистан¹⁹.

На этом фоне США все же пошли на соглашение с «Талибаном», подписанное 29 февраля 2020 г. в Дохе, в условия которого входит 14-месячный срок для вывода американских войск. В начале марта 2020 г. стартовал первый этап выполнения достигнутых договоренностей, в рамках которого за период в 135 дней с момента подписания документа американский контингент должен сократиться с 13 тыс. до 8,6 тыс. человек. Названные обстоятельства заметно повысили для Израиля значимость

афганского трека, не изменив ставших традиционными направлений.

Первое из них – иранское. Особый акцент был сделан на том, что преемник К. Сулеймани во главе сил «Аль-Кудс» И. Каани, вступив в КСИР, работал именно на афганском направлении, а потому израильтяне, писавшие о том, что ликвидация К. Сулеймани приведет к ослаблению иранского влияния в Сирии, предрекли его усиление именно в Афганистане²⁰. Эксперт Иерусалимского центра общественной политики С. Штейнберг со ссылкой на У. Карима из университета Бирмингема отмечал, что подверженными влиянию ИРИ будут таджики-шииты, живущие в западной части страны²¹.

В связи с ликвидацией К. Сулеймани и ее влиянием на израильские интересы в Афганистане обращает на себя внимание еще один аспект, а именно оценка действительной опасности данного шага США для всего происходящего на Большом Ближнем Востоке. Здесь для сравнения можно взять израильские анализы во многом схожей американской операции по уничтожению одного из лидеров талибов А. Мансура в 2016 г. Кроме сходства действий США самих по себе (К. Сулеймани и А. Мансур погибли от ударов по автомобилям) стоит отметить и ожидаемую реакцию. Так, уничтожение А. Мансура, с точки зрения израильских экспертов, должно было спровоцировать серию ответных действий, не способствуя при этом ни кардинальной трансформации ситуации в зоне конфликта в интересах США, ни ослаблению «Талибана». Более значимым, по мнению израильских аналитиков из INSS, было воздействие на соседний Пакистан, который, как они предполагали, ссылаясь на американские источники, предоставил информацию, необходимую для уничтожения А. Мансура²².

В случае с К. Сулеймани израильские эксперты предпочли сосредоточиться не на прогнозировании конкретных последствий ликвидации иранского генерала, а на косвенном влиянии события на других игроков, прежде всего

Россию. Так, INSS на этом фоне отметил важность укрепления российско-израильского сотрудничества. С точки зрения экспертов, ослабление иранского влияния в САР, хотя бы временное, сделало бы республику под руководством Б. Асада «слабым звеном в шиитской цепи», что, в свою очередь, повысило бы российские шансы воздействовать на сирийский режим с целью ограничения иранского присутствия²³.

Возвращаясь к общему восприятию Израилем соглашения США с талибами, необходимо отметить, что высказывались и иные взгляды, авторы которых склонны трактовать события в более нейтральном или положительном ключе. Так, профессор Э. Зиссер из Тель-Авивского университета увидел в готовности «Талибана» к сотрудничеству с США знак умиротворения²⁴. Это, в свою очередь, как сообщил эксперт, может стать основой для постконфликтного миростроительства в Афганистане, по завершении которого страна имеет шанс превратиться для Израиля в союзника в противостоянии с ИРИ. Из сказанного следует, что в долгосрочной перспективе не исключена попытка нормализации афгано-израильских отношений на этой основе по аналогии с тем, что предпринимают Вашингтон и Иерусалим в отношении т.н. умеренных региональных режимов. Более того, согласно другой точке зрения, с целью создания базы для двустороннего диалога Израиля и Афганистана в будущем, израильские некоммерческие организации и общественные деятели наряду с коллегами из Индии могли бы включиться во внутриафганский переговорный процесс. Посредством этого шага было бы возможно организовать визит афганской делегации в Израиль²⁵. Впрочем, здесь могут стать препятствием пропалестинские настроения, укоренению которых, как отмечалось выше, способствует Иран.

Кроме того, привлечение к мирным усилиям в Афганистане Индии ставит Израиль в более сложные обстоятельства. Американская администрация, провозглашающая

курс на снижение своего фактического присутствия на Большом Ближнем Востоке, хочет возложить ответственность за безопасность там, в том числе, на Нью-Дели. Для Индии это означает не просто озабоченность проблемами другой страны, но и необходимость усилить свою собственную безопасность, поскольку не исключается, что часть афганских боевиков затем переместится в Пакистан. Это, в свою очередь, повышает риск эскалации конфликта вокруг Джамму и Кашмира. Данное противостояние важно для Израиля в политическом контексте. С одной стороны, Нью-Дели – важный союзник Иерусалима в регионе, однако отношения с правительством Н. Модии несколько пострадали от затяжного политического кризиса в Израиле, где на фоне серии избирательных кампаний 2019-2020 гг. Индия не стала направлением для предвыборного визита лидера Ликуда Б. Нетаньяху, хотя политик продолжил делать заявления о важности межгосударственного диалога с ней. С другой стороны, в 2019 г. появилась серия публикаций о перспективах пакистано-израильской нормализации²⁶, что также оказалось бы для ближневосточной страны как возможностью для усиления влияния в Южной Азии, так и шансом на сближение с исламским государством.

Говоря об иранской проблематике, нельзя не отметить серьезное расхождение подходов экспертов к тому, чем соглашение США с талибами может грозить израильской цели борьбы с влиянием ИРИ в регионе. С одной стороны, отмечается риск вооружения «Талибана» иранцами для использования его сил в операциях в Персидском заливе. Из этого следует необходимость усилить координацию с Саудовской Аравией, а также убедить США в целесообразности сохранения военного присутствия, пусть и в других точках²⁷. С другой стороны, существует и вероятность ослабления ИРИ за счет ситуации в зоне афганского конфликта. Речь в данном случае идет о возможном потоке беженцев, а также активизации суннитских сил, которые будут контрбалансом против иран-

ского присутствия²⁸. Таким образом, есть возможность усиления негативных тенденций в иранской экономике, а также протестных настроений против ИРИ в Афганистане, аналогичных тем, что наблюдаются в самом Иране или Ливане.

Впрочем, пожалуй, главным вопросом, волнующим Израиль в связи со стратегией американской администрации в Афганистане является общий подход Д. Трампа к отношению с союзниками. Здесь довольно интересный взгляд на события предложил INSS, чьи эксперты А. Хейштейн, Э. Шавит и Д. Шапиро обратили внимание на модель переговоров с противником за спиной союзника, продемонстрированную на примере «Талибана» и афганского правительства²⁹. С одной стороны, обеспокоенность Иерусалима может быть спровоцирована тем, что в будущем по аналогичному сценарию не исключено нечто похожее с ХАМАС или с «Хизбаллой», о чем Израиль не хотел бы узнать постфактум. С другой стороны, в более широком смысле Вашингтон тем самым продемонстрировал, что пример сирийских курдов, оставшихся без содействия на фоне турецкой операции в САР, мог быть не случайным, а закономерным. При этом по аналогии с Афганистаном есть публикации, в которых отмечается использование Израилем позиций сирийских курдов для поддержки операций ВВС³⁰. Соответственно, уход США из Афганистана, равно как и из Сирии, лишает израильскую сторону поддержки на оперативно-тактическом уровне³¹.

Однако афганский и курдский треки все же имеют одно серьезное и важное отличие для Израиля. В последнем случае Иерусалим старается мотивировать своих европейских союзников на поддержку курдов, что особенно проявилось в период после референдума о независимости Иракского Курдистана³². В случае с Афганистаном роль европейцев в Израиле практически не принимается во внимание. Это может объясняться самой стратегией ЕС в отношении данного конфликта,

которая на фоне последних событий свелась к поддержке усилий США. Кроме того, Евросоюз на примере кризисов в различных регионах мира показал, что эффективен прежде всего как спонсор гуманитарных инициатив, а также мер стимулирования экономики, что на текущем этапе с израильскими интересами связано мало, а может приобрести актуальность лишь в будущем, когда Афганистан стабилизируется.

Настороженность в Израиле вызывает не только возможность заключения каких-либо сделок за его спиной, но и то, на каких это достигается условиях. В частности, на примере соглашения с США с «Талибаном» эксперты показывают, что Вашингтон взял на себя четыре конкретных обязательства, в то время как шаги, которые необходимо предпринять талибам, называются размытыми³³. Впрочем, нельзя однозначно истолковать такой подход, поскольку отсутствие определенности в требованиях к противоположной стороне ставит решение об их выполнении или невыполнении в полную зависимость от американской администрации. Есть мнение, что таким образом Вашингтон получит дополнительную возможность оправдать свой уход³⁴, однако США на деле не исключают для себя и опцию свернуть процесс в нужный для них момент, руководствуясь данным фактом. На этом основании недостаточно убедительным выглядит и аргумент противников соглашения, заключающийся в том, что договоренности стали результатом неспособности нанести талибам поражение, чем могут воспользоваться и другие противники, в том числе Иран.

В целом, принимая во внимание текущую ситуацию в Афганистане, развитие двусторонних отношений по модели, типичной для Израиля в регионе, где акцент делается на экономическую и военно-техническую сферу сотрудничества, сильно затруднено и может стать перспективным только после урегулирования конфликта. В нынешних условиях роль афганского направления израильской внешнеполитической активности определяется

подходами партнеров, прежде всего США, политика которых не претерпела заметных изменений с приходом администрации Д. Трампа. В этом контексте наибольшие опасения Израиля связаны со степенью готовности США нести глобальную ответственность и выполнять обязательства перед союзниками. Вместе с тем в стране, столкнувшейся с затяжным политическим кризисом и чередой избирательных кампаний, есть и понимание того, что текущий курс США в отношении Афганистана во многом продиктован президентской кампанией Д. Трампа, а потому имеет шанс трансформироваться в зависимости от исхода этой борьбы.

¹ Bahur-Nir D. Afghanistan to recognize Israel // Yedioth Ahronoth. 16.10.2005.

URL: <https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3155341,00.html> (дата обращения: 20.04.2020).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Majidyar A., Alfoneh A. Iranian Influence in Afghanistan: Imam Khomeini Relief Committee // American Enterprise Institute. Middle Eastern Outlooks No. 4. July 2010. P. 2-3.

⁵ Kagan F.W., Majidyar A.K., Pletka D., Cochrane Sullivan M. Iranian Influence in the Levant, Egypt, Iraq, and Afghanistan. American Enterprise Institute, 2012. P. 81.

⁶ Ibid.

⁷ Brom S. The War in Afghanistan – the Lessons for Israel // Institute for National Security Studies. Strategic Assessment, Vol. 4. No. 4. February 2002. P. 30-31.

⁸ Adamsky D. From Israel with Deterrence: Strategic Culture, Intra-war Coercion and Brute Force // Security Studies. 2017. Vol. 26. No. 1. Routledge. P. 165.

⁹ Ahronheim A. Israel spying on Iran from Afghanistan – reports // Jerusalem Post. 11.02.2019. URL: <https://www.jpost.com/middle-east/reports-israel-spying-on-iran-from-afghanistan-580328> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁰ Kedem N., Zatlhoff-Tzur S. US Combat against the Afghanistan Insurgency: President Obama's Approach // Institute for National Security Studies. Strategic Assessment, Vol. 15. No. 1. April 2012. P. 81.

¹¹ Riedel B. Obama's Policy toward al-Qaeda, Afghanistan, and Pakistan: Implications for the Broader Middle East and Israel // Institute for National Security Studies. INSS Insight. No. 142. November 19, 2009.

URL: <https://www.inss.org.il/publication/obamas-policy-toward-al-qaeda-afghanistan-and-pakistan-implications-for-the-broader-middle-east-and-israel/> (дата обращения: 20.04.2020).

¹² The role of Israel in the crisis of Afghanistan // IUVM Press. 09.04.2019.

URL: <https://iuvmpress.com/41205> (дата обращения: 28.04.2020).

¹³ Press Conference by the President Rabbani of Afghanistan // UNO. 09.06.1998.

URL: <https://www.un.org/press/en/1998/19980609.afghan.html> (дата обращения: 28.04.2020).

¹⁴ Van Zoonen D. Trump's Foreign Policy in the Middle East: Four Key Issues // Middle East Research Institute Policy Brief. Vol. 3, No.18. November 15, 2016. P. 3.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Landay J. Pompeo accuses Iran of undermining Afghanistan peace efforts // Reuters. 07.01.2020.

URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-afghanistan/pompeo-accuses-iran-of-undermining-afghanistan-peace-efforts-idUSKBN1Z61TX> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Baldor L.C. Top commander sees increased Iran threat in Afghanistan // Associated Press. 31.01.2020.

URL: <https://apnews.com/81bce434ca2f7bfeaba87789652218d9> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Steinberg S. Will the revenge on Suleimani's assassination come from Afghanistan? (In Heb.)// Jerusalem Center for Public Affairs. 18.02.2020.

URL: <https://jcra.org.il/article/הג-האם-האם-של-סולימאני-האם-ה-40-לחיסולו> / (дата обращения: 20.04.2020).

²¹ Ibid.

²² Salzman N., Roll J. Elimination of Taliban leader: Towards a change of rules vis-à-vis Pakistan (In Heb.) // Institute for National Security Studies. 07.06.2016.

URL: <https://www.inss.org.il/he/הג-האם-האם-של-סולימאני-האם-ה-40-לחיסולו> / (дата обращения: 20.04.2020).

²³ Dekel U. A Post-Soleimani Opportunity: Removing Iran from Syria // Institute for National Security Studies. INSS Insight No. 1253. January 24, 2020.

URL: <https://www.inss.org.il/publication/a-post-soleimani-opportunity-removing-iran-from-syria/> (дата обращения: 29.04.2020).

²⁴ Zisser E. Israel should return to the lead (In Heb.) // Israel Hayom. 11.03.2020.

URL: <https://www.israelhayom.co.il/opinion/740807> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁵ Azam S.M. From Afghanistan, Israel should extend olive branch to Iran // Jerusalem Post. 09.02.2020.

URL: <https://www.jpost.com/opinion/from-afghanistan-israel-should-extend-olive-branch-to-iran-617041> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁶ Подробнее см.: Жидкова Л.Ю. Дискуссии вокруг признания Израиля Пакистаном. 29.09.2019.

URL: <http://www.iimes.ru/?p=60996> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁷ The repercussions of the US-Taliban deal // Jerusalem Post. 03.03.2020.

URL: <https://www.jpost.com/opinion/the-repercussions-of-the-us-taliban-deal-619658> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁸ Heistein A., Shavit E., Shapiro D. A Deal with the Devil? Terms, Implications, and Risks of the US-Taliban Accord // Institute for National Security Studies. INSS Insight. No. 1270. March 8, 2020.

URL: <https://www.inss.org.il/publication/usa-taliban-agreement/> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁹ Ibid.

³⁰ Magnier E.J. US forces will not likely withdraw from Syria. 09.10.2019. URL: <https://ejmagnier.com/2019/10/09/us-forces-will-not-likely-withdraw-from-syria-this-year/> (дата обращения: 20.04.2020).

³¹ Heistein A., Shavit E., Shapiro D. Opt. cit.

³² Подробнее см.: Якимова Е.А. Союзник по образу и подобию: Израиль и самоопределение Иракского Курдистана // Ближний Восток и современность. Вып. 52. М.: Институт Ближнего Востока, 2018. С. 301-311.

³³ Heistein A., Shavit E., Shapiro D. Opt. cit.

³⁴ Ibid.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ю.Б. Бочаров*

О ХОДЕ ГОЛОСОВАНИЯ И ИТОГАХ ВЫБОРОВ В ИЗРАИЛЕ В КНЕССЕТ 22-го И 23-го СОЗЫВОВ

Практически весь прошедший 2019 год и первый квартал 2020 года в политике Израиля прошел под знаком «впервые» в истории. В принципе, впервые в истории страны более 17 месяцев, Израиль находился под управлением переходного правительства и почти два года жил без утвержденного годового бюджета.

Так, впервые в истории досрочные выборы состоялись три раза подряд, и еще в апреле 2020 года страна фактически шла на четвертые досрочные выборы. Действующий премьер-министр Б. Нетаньяху и представитель оппозиции Б. Ганц, несмотря на предоставленные им законом возможности, дважды (каждый) не смогли сформировать правительство и вынуждены были идти на новые выборы. За этот период «ключ» от коалиции трижды находился в руках лидера небольшой партии НДИ, но или принципиальная позиция ее лидера А. Либермана, или несговорчивость партнеров каждый раз приводили к новым досрочным выборам.

* Бочаров Юрий Борисович – кандидат политических наук, политехнолог, консультант и руководитель партийных штабов на выборах в муниципальные советы, Кнессет и Государственную Думу РФ.

Впервые в истории Кнессет (21-го и 22-го созывов) дважды проработал в среднем по 3-4 месяца и был распущен для проведения новых досрочных выборов, а промежуток между выборами в 21-й и 22-й созывы Кнессета стал самым коротким между выборами в законодательный орган Израиля. Так же впервые на роль лидера партии Ликуд и пост премьер-министра претендовал человек, сначала находящийся под следствием за совершение уголовных преступлений, а потом и находящийся под судом, что, однако, не помешало ему постоянно выигрывать выборы и в конце концов сформировать правительство.

Избирательные кампании по выборам в Кнессет как 22-го, так и 23-го созыва практически не отличались друг от друга, и при наличии десяти основных игроков (партий) вся избирательная кампания прошла под двумя лозунгами. Правый блок шел под лозунгом «Рак Биби яхоль» («Только Биби сможет»), а весь левый блок шел под лозунгом «Рак ло Биби» («Только не Биби»).

Однако, как видно из таблицы 1, несмотря на усталость и апатию избирателей, что было вызвано столь длительной и очень «грязной» чередой избирательных кампаний, с каждым разом увеличивалось число участников избирательного процесса, при этом практически свелось к минимуму голосование за «непроходимые» в Кнессет партии, что естественно сказалось на рейтинге парламентских партий и повлияло на распределение мандатов между ними. При этом наметилось снижение числа «испорченных» или недействительных бюллетеней.

За это время было создано несколько блоков из различных партий, а часть партий раскололась на фракции, которые перешли в противоположные лагеря. Несколько партий, представленных ранее в Кнессете, ушли с политической арены, другие же, проиграв одну каденцию, смогли возродиться в следующей.

Таблица 1

Статистика избирательных кампаний*

	Кнессет-21	Кнессет-22	Кнессет-23
Дата выборов	19.02.19	17.09.19	2.03.20
Число избирателей	6 339 729	6 394 030	6 453 255
Проголосовало всего избирателей	4 340 253	4 465 168	4 615 135
% проголосовавших	68,46%	69,83%	71,5%
Число «действительных» бюллетеней	4 309 270	4 436 806	4 590 062
Число «недействительных» бюллетеней	30 983	28 362	25 073
Кол-во бюллетеней непрошедших партий	365 000	120 000	36 970
Минимальное число голосов (3,25%)	140 051	140 078	147 978
«Стоимость» одного мандата	32 860	35 917	37 943
Кол-во «претендентов» партий на выборах	47	32	30
Кол-во прошедших партий в Кнессет	10	9	8

* Сводная таблица составлена по итоговым данным ЦИК, размещенным на его сайте <https://votes23.bechirof.gov.il/> (votes22, votes21...)

Общая справка

Израиль – парламентская республика, в которой до сих пор нет конституции, но разработан свод конституционных установлений, включающих ряд Основных законов.

Высший орган законодательной власти – Кнессет (однопалатный парламент). Выборы в Кнессет – всеобщие, тайные, основанные на принципе пропорциональности. Кнессет избирается на 4 года и может быть досрочно распущен при ряде обстоятельств, в том числе и по желанию большинства депутатов. Правом голоса на выборах в Кнессет граждане обладают с 18 лет. Голосование идет за ту или иную политическую партию, а не за отдельную личность. Перед выборами каждая из партий регистрирует в ЦИК список кандидатов и публикует свою политическую платформу. 120 депутатских мест распре-

деляются между партиями, прошедшими проходной ценз, пропорционально количеству поданных за них голосов и в соответствии с порядком кандидатов в избирательном списке.

В Израиле относительно низкий процентный барьер – 3,25%, однако до недавнего времени он был даже еще ниже – 2%, а в самом начале возникновения государства – 0,5%, что позволяло избираться в Кнессет одному депутату от списка. Сегодня для попадания в Кнессет партия должна набрать количество голосов, достаточное для проведения, как минимум, 4 депутатов. До сих пор ни одна партия в Израиле не смогла получить абсолютное (более 60 мандатов) большинство в Кнессете по итогам выборов, и поэтому все правительства формировались на основе коалиций.

Номинальным главой государства является президент, избираемый депутатами парламента, но имеющий в основном представительские функции. Главой же государства является глава законодательного собрания (Кнессета) – лидер партии, которому удалось сформировать коалицию и стать премьер-министром. Министрами становятся депутаты от партий, подписавшие коалиционные соглашения, при этом министры не теряют свои депутатские мандаты и в случае их преждевременной отставки снова занимают места в парламенте. Число министров определяется коалиционным соглашением и обычно изменяется от выборов к выборам. Премьер-министр имеет более чем расширенные полномочия не только по назначению членов своего правительства, но и по руководству их же министерствами. Порой в руках премьер-министра может находиться несколько министерских портфелей, которыми он одновременно руководит.

Последние 15 лет бессменным премьер-министром Израиля является лидер партии Ликуд Биньямин Нетаньяху, который и в этот раз после двух неудач смог сформировать коалицию по итогам выборов в Кнессет 23-го созыва.

Сроки и причина досрочных выборов в Кнессет 22-го и 23-го созывов

«Первые» досрочные выборы в Кнессет 21-го созыва состоялись 9 апреля 2019 года, и этот Кнессет был распущен 30 мая 2019 года, так как Б. Нетаньяху не удалось сформировать коалицию. При этом он, не желая передать мандат на формирование коалиции своему оппоненту от левого блока Б. Ганцу, воспользовавшись имевшимся у него преимуществом, досрочно распустил Кнессет, проголосовав за новые «досрочные» выборы.

Кнессет 22-го созыва был избран 17 сентября 2019 года и распущен в ночь на 12 декабря 2019 года, так как ни лидер праворелигиозного блока Б. Нетаньяху, ни лидер левоцентристского блока Б. Ганц не смогли сформировать коалицию, также не удалась и попытка любого депутата Кнессета собрать необходимое количество подписей (61) для начала переговоров по формированию коалиции.

Досрочные выборы в Кнессет 23-го созыва, назначенные на 2 марта 2020 года, и стали третьими досрочными парламентскими выборами за последние 11 месяцев. После неудачной попытки левоцентристского блока сформировать свою коалицию лидер праворелигиозного блока действующий премьер-министр Б. Нетаньяху смог сформировать правительство национального единства на паритетном управлении с Б. Ганцем, после того как последний вышел из блока «Кахоль-лаван» со своей партией. Однако для удовлетворения «запросов» всех членов коалиции в новом правительстве пришлось поменять закон, в результате чего в нем будут заседать 36 министров и около 18 заместителей.

В данной работе мы постараемся проанализировать все этапы избирательных кампаний по выборам в Кнессет 22-го и 23-го созывов, в том числе: выясним причины досрочного роспуска Кнессета, рассмотрим моменты формирования списков кандидатов в депутаты, тактику и

стратегию избирательной и рекламной кампаний кандидатов, изучим бюджеты выборов и их статистику, исследуем ход коалиционных переговоров.

Выборы в Кнессет 22-го созыва

Провал коалиционных переговоров в Кнессете 21-го созыва

В ночь на 30 мая 2019 г. в Кнессете состоялось голосование по законопроекту о роспуске законодательного собрания 21-го созыва. Депутаты большинством голосов поддержали документ во втором и третьем чтениях. Практически при 100-процентной явке 74 парламентария проголосовали «за», 45 – «против», один депутат от партии «Кулану» отсутствовал в зале заседания. В итоге Кнессет 21-го созыва, просуществовавший всего 21 день, самораспустился, и новые досрочные выборы были назначены на 19 сентября 2019 г. И хотя в истории израильского парламента уже были случаи, когда представитель выигравшей партии не смог сформировать коалицию, но чтобы в связи с этим был распущен парламент – это было впервые в истории.

Сложившаяся ситуация была более чем сенсационной, так как глава правительства Биньямин Нетаньяху, имея большинство в правом лагере, не смог при двух отведенных законом попытках сформировать устойчивую коалицию. Имея 65 мандатов из 120, он не смог утвердить даже правительство меньшинства в 60 мандатов. Хотя официальная причина отсутствия коалиции – это невозможность согласовать требования лидера партии НДИ А. Либермана о внесении в коалиционное соглашение обязательства о принятии Закона о призыве на армейскую службу в его оригинальном варианте, хотя здесь было еще много и личностных моментов во взаимоотношениях.

Кроме того, самоуверенность членов переговорной группы Ликуда, а вернее Нетаньяху, привела к тому, что за месяц переговоров Ликуд не смог подписать коалиционные соглашения ни с одной из фракций. С другой стороны, по итогам выборов сложилась ситуация, когда коалиция правых сил была невозможна без участия любой из ее мелких фракций, имеющих по 4–5 мандатов, и поэтому практически все переговорщики выдвигали слишком завышенные требования.

В ходе переговоров большинство потенциальных коалиционных партнеров не желало идти ни на какие компромиссы ни при обсуждении своих политических требований, ни при обсуждении министерских портфелей, которыми их партии намерены были распоряжаться. Хотя последнее требование «о портфелях» было решено в обычной израильской манере: так, уже в середине мая Кнессет утвердил в первом чтении поправку к Основному закону о правительстве, в соответствии с которой будет отменено ограничение числа министров и их заместителей.

Однако камнем преткновения стали политические требования партии НДИ, точнее одного пункта из пяти, а именно Закона о призыве, где имеется пункт об обязательной воинской службе для членов ультраортодоксальной общины. При этом противостояние было обоюдным. Как заявляли представители религиозных партий, они не понимают, почему имея почти треть мандатов в коалиции, они должны поступаться своими требованиями.

За несколько часов до последнего голосования Нетаньяху предпринял максимальные попытки по формированию коалиции любым путем. Как вариант рассматривалась узкая коалиция в 60 мандатов при условии, что один из членов оппозиции просто не придет на голосование. Когда этот вариант не прошел, были предприняты меры по перетаскиванию целых партий, а также отдельных депутатов левого толка в правый лагерь.

Так, более чем щедрое предложение было сделано партии Авода, которой за 6 мандатов было предложено

4 министерских портфеля, если она войдет в правительство и спасет страну от новых парламентских выборов. Нетаньяху пообещал также, что снимет с повестки дня все законы о депутатской неприкосновенности, дающие ему защиту от судебных преследований, а также готовящийся закон, сужающий права Гистадрута по объявлению забастовок. Выяснилось, что лидеру Аводы Ави Габаю предлагался пост министра финансов, хотя ранее этот портфель был обещан лидеру партии «Кулану» Моше Кахлону. Шели Яхимович был предложен пост министра юстиции, а Амиру Перецу – пост президента после окончания каденции Р. Ривлина.

Понимая более чем шаткое положение в партии Авода ее лидера Ави Габая, последнему было предложено отколоться от партии и в составе фракции из двух человек войти в коалицию, за что ему и Талю Русо были предложены посты министра обороны и заместителя министра обороны.

В итоге все предложения были отвергнуты, и Нетаньяху вынужден был распустить парламент. Но это должно было произойти именно до истечения срока его полномочий по созданию коалиции, в противном случае у президента была возможность предложить любому другому депутату Кнессета попытаться сформировать правительство. И хотя это практически вряд ли удалось кому-либо, Нетаньяху решил не рисковать и провел закон о роспуске парламента. Таким образом, 17 сентября 2019 года в Израиле прошли досрочные выборы в Кнессет 22-го созыва.

Финансовые проблемы новой избирательной кампании

На заседании специальной комиссии по роспуску Кнессета представительница бюджетного отдела Министерства финансов Биан Ветед заявила, что повторные выборы обойдутся государственной казне в 475 млн шекелей прямых расходов. Бюджет Центризбиркома на преды-

дущих выборах составил 227 млн шекелей, к которым добавится дополнительное финансирование партий.

Вырастут и кредиты партиям для проведения выборов с 62,5 млн шекелей до 201 млн шекелей, поскольку партии не успели начать возвращать полученные от государства авансом деньги. Особо было отмечено, что в государственном бюджете на 2019 год свободных средств для проведения выборов нет, и что для изыскания средств правительство будет обязано сокращать расходы министерств.

Как заявила директор Центральной избирательной комиссии Орли Адам, ЦИК не готов к новым выборам – не располагает для этого ни человеческими, ни финансовыми ресурсами. До сих пор не завершилась работа по апрельским выборам: не обработаны все платежи поставщикам услуг и не закончена работа над недочетами.

Партии также находятся в весьма стесненных обстоятельствах. Они еще не выплатили предыдущие ссуды, полученные в банке под гарантии Кнессета. Теперь они просят переноса сроков возвращения долгов на период после повторных выборов, чтобы вместо 36 месяцев им продлили на 72. Однако закон этого не позволяет: чтобы получить новую ссуду, надо сначала вернуть долги по первой. Общий долг партий составил почти 62,5 млн шекелей, из которых 36 млн приходятся на Ликуд. Бухгалтер Кнессета Хаим Авидор уже предупредил, что риски парламента с учетом новых займов могут подняться до 200 млн шекелей.

Следует отметить, что государственные расходы на выборы существенно отличаются от стоимости выборов для экономики страны. Лишний выходной день стоит экономике 2,5 млрд шекелей, однако эту сумму фактически покрывают работодатели, не получающие за нее компенсации от государства. Таким образом, стоимость выборов для экономики составляет приблизительно 3 млрд шекелей.

Другими словами, досрочные выборы крайне невыгодны ни израильской экономике, ни большинству сфер

государственной деятельности. Однако этот факт вряд ли вошел в расчет политиками, когда прорабатывался вопрос о роспуске Кнессета 21-го созыва, который практически не начал свою работу.

Опросы как средство политической борьбы

В Израиле опросы общественного мнения давно стали инструментом политической борьбы. Опросы политизированы, проплачены, совершенно непрофессиональны по форме и практически не учитывают специфику части исследуемых групп. Практически все опросы, проводимые в период последней по времени избирательной кампании, оказались не только не способны точно предсказать результаты выборов, но даже реально не смогли отразить истинное положение дел в день голосования. Чаще всего их выводы рисуют лишь общую картину политических предпочтений, а вернее текущие колебания электората в треугольнике «лево-право-центр». В период же выборов заказчики опросов прибегают к различного рода трюкам, чтобы доказать своим избирателям запланированный результат.

Методика проведения общеизраильских опросов очень слабо учитывает специфику «закрытых» групп населения, типа арабской, русскоязычной или ультраортодоксальных, живущих в силу определенных обстоятельств в своих замкнутых общинах. При этом наиболее поверхностно исследуется мнение русскоязычных избирателей. Как результат, в итоге почти все опросы практически не отражают конечный результат выборов и специфику голосования избирателей, продолжающих жить в «русском гетто».

Ситуация, сложившаяся после повторного роспуска Кнессета и решения о проведении внеочередных выборов, привела фактически к тому, что все религиозные партии и Ликуд объявили войну лидеру партии НДИ Авидору Либерману. И хотя лидеры ультраортодоксальных

партий заявили, что будут избегать прямых нападок на Либермана, чтобы не повышать его рейтинг в светской среде, Ликуд во главе с премьер-министром Биньямином Нетаньяху заявил об открытии специального «русского» штаба для борьбы за электорат Либермана. При этом одним из инструментов борьбы, как всегда, стали опросы общественного мнения, которые тут же стали утверждать, что хотя рейтинг Либермана у русскоязычных избирателей резко возрос, Нетаньяху сможет сформировать коалицию и без НДИ.

Так, согласно опросу общественного мнения, проведенному институтом «Панелс политикс» по заказу газеты «Маарив», буквально через два дня после роспуска Кнессета партия Ликуд набирала 37 мандатов, что на 2 больше, чем на предыдущих выборах. Блок «Кахоль-лаван» терял бы 1 мандат, получив 33 места в Кнессете. Партия НДИ, ставшая причиной перевыборов, укрепляла свои позиции, став третьей по величине фракцией Кнессета с 9 мандатами вместо 5 на апрельских выборах. Практически на своих позициях оставались религиозные и арабские партии, партия Авода, «Гешер» и «Зеут» не проходили электоральный барьер. При таком раскладе праворелигиозный блок с НДИ получает 72 мандата, без НДИ – 63 мандата, что вполне достаточно для формирования правого правительства.

Если же лидеры партий «Новые правые» Айелет Шакед и Нафтали Беннет расходятся и присоединяются к Ликуду и к «Блоку правых партий» (БПП), то Ликуд набирает 41 мандат, «Кахоль-лаван» – 34, НДИ и «Еврейство Торы» – по 8 мандатов, БПП и ШАС – по 7 мандатов, МЕРЕЦ – 6, РААМ-БАЛАД – 5, ХАДАШ-ТААЛ – 4. Авода также не проходит электоральный барьер. Расклад блоков не изменится – у праворелигиозных 71 мандат с НДИ или 63 без НДИ.

По всем оценкам, электоральный потенциал «русской улицы» вновь оценивался в 16 из 120 мандатов Кнессета. На апрельских выборах партия НДИ практически все свои

5 мандатов набрала на «русской улице», 1 мандат ушел партии «Кулану», 2 мандата получила партия «Кахоль-лаван», практически 5 мандатов взял Ликуд, а остальные растворились в других партиях и среди не прошедших электоральный барьер.

Исходя из подобного расклада, можно предположить, что война между НДИ и Ликудом, развернется именно за эти «ликудовские» 5 мандатов. Тем более, что НДИ есть, что предъявить «русским» ликудникам, да и ситуация в «Кахоль-лаван» вполне объективно вызвала разочарование у ее русскоязычных избирателей. Поэтому предполагалось, что война Ликуда с НДИ будет идти не за постоянных избирателей Либермана из числа пенсионеров, а скорее всего за удержание собственного «русского» электората.

Согласно опросам, большинство населения (65%) было недовольно роспуском Кнессета всего через полтора месяца после выборов. 46% считали, что Израиль идет на выборы из-за Либермана, 35% обвиняли в этом Нетаньяху и 12% – ультраортодоксов. При этом, хотя Ликуд побеждал в опросах, только 40% населения хотели бы видеть Нетаньяху на посту премьер-министра после выборов в Кнессет 22-го созыва, а 48% хотели бы видеть на этом посту кого-то другого.

Война за «русскую» улицу

Причина роспуска Кнессета 21-го созыва, на первый взгляд, более чем банальная, представитель выигравшей партии правого блока не смог сформировать коалицию, при наличии большинства справа. «Героем» тех дней стал Авигдор Либерман, чья принципиальная позиция на тему религии и государства привела к падению правительства. В тот момент было много споров о причинах, побудивших А. Либермана «свалить» Б.Нетаньяху и первое правительство. Многие считали его истинным героем и борцом с усиливающимся религиозным диктатом, многие склонялись к версии о личностных взаимоотношениях

с премьер-министром и желанием «отомстить» за прошлые поражения. Был ли на самом деле личностный момент при принятии такого решения Либерманом, трудно судить, но на этих выборах речь точно шла о личной вендетте Нетаньяху против Либермана. Нетаньяху фактически объявил крестовый поход на «русскую» улицу с целью отобрать все голоса у Либермана и отправить последнего в политическое небытие.

И хотя в тот момент практически все партии были заняты формированием собственных списков и вопросами союзов и объединений и фактически выборы еще не начались, тем не менее Нетаньяху сделал ряд шагов по укреплению «русского» крыла партии Ликуд, назначив себе персонального советника «по делам выходцев из бывшего СССР» адвоката Ариэля Бульштейна, и начал размещать в социальных сетях антилибермановские тексты и видеоролики.

Стоит отметить, что дискуссия на тему религии и государства навязанная Либерманом, была далеко не выигрышная как для Ликуда, так и, как это ни странно, для «Кахоль-лаван». А антирелигиозная позиция Либермана вполне могла дать ему существенную прибавку в мандатах, о чем говорили все опросы. При этом на кону стояло, как минимум, 5-7 мандатов, которые мог дополнительно получить Либерман, что давало возможность НДИ либо стать третьей партией в Кнессете по численности депутатов, либо окончательно исчезнуть с политической арены.

Предварительный анализ как муниципальной, так и парламентской избирательной кампании показывал, что за Либермана проголосовал в основном «пролетарский» актив, живущий в «русском» гетто, а также «солдаты» Либермана: пенсионеры и жители хостелов. Для этих людей совершенно не важно, что и как говорит их лидер, главное то, что он зовет их в бой, на баррикады против тех, кто, по их мнению, плюет на них, не давая получать достойные зарплаты, пенсии и бесплатное государственное жилье. Это «железные» голоса, за них не надо агити-

ровать, их надо только довести до избирательного участка. Но вот сколько «солдат» сейчас готовы к следующему бою, не знал никто.

С другой стороны, социальная политика – не конек Ликуда, а Моше Кахлон (лидер партии «Кулану»), «растворившись» в Ликуде, практически исчезнет с рекламных плакатов. Поэтому предполагалось, что в отсутствие депутата Тали Плосковой («Кулану») на баррикадах бывшая партия «Кулану» просто подарит свой «русский» мандат Либерману.

Несмотря на все заявления Нетаньяху о создании специального «русского» штаба по борьбе с Либерманом, главные события развернулись в борьбе именно за «русские» голоса Ликуда. Ведь большая часть из них – это те, кто пришел спасать Родину от левого переворота, от возврата к соглашениям Осло и от дружбы с арабскими списками. Итоги выборов, а главное – неимоверные усилия, предпринятые Нетаньяху, чтобы сформировать «собственную» коалицию любым путем, с любыми списками и за любые министерские посты, отрезвили многих «русских» избирателей. Теперь «народ» был в растерянности, не желая двигаться ни вправо, ни влево, а в центре пусто. Лозунг «Все за Либермана, он не прогнется» – тоже перестал работать.

Левые партии определились, но расклад не изменился

За последующие две недели фактически полностью определился партийный расклад на левом фланге, это партии МЕРЕЦ, Авода и созданная новая партия «Израэль демократит». Партия «Кахоль-лаван» всеми силами пытается позиционировать себя как партию центра. Однако вопрос об их возможном объединении сил был еще открыт.

Основной новостью дня на левом фланге стало появление новой партии «Израэль демократит» под руководством бывшего премьер-министра Эхуда Барака. Свою

первую пресс-конференцию Барак назначил на день праймериз в партии Авода, лидером которой он когда-то был. В Аводе восприняли это как попытку «заслонить собой» важное событие в партийной жизни и «переключить внимание» на свою новую партию. Эхуд Барак сразу же выступил с резкими нападками на премьер-министра и обратился к лидерам левого блока выступить единым фронтом против Биньямина Нетаньяху.

Состоялись выборы и в партии МЕРЕЦ, где большинством голосов партийного актива председателем партии был избран Ницан Горовиц вместо Тамар Зандберг. Ницан Горовиц стал первым открытым геем – председателем парламентской партии в Израиле. И хотя Тамар Зандберг была выбрана на этот пост немногим более года назад, она уже успела вызвать недовольство членов партии. Не всех устраивал ее стиль руководства и главное – итоги прошлых выборов, где партия получила всего лишь 4 депутатских мандата.

Сменился лидер и в партии Авода. После двенадцатилетнего перерыва многоопытный Амир Перец вновь занял пост главы партии, победив с большим отрывом Ицика Шмули и Став Шафир. После победы Перец сделал серию заявлений, оставляющих неограниченный простор для спекуляций по поводу того, с кем именно он заключит союз.

После своего избрания в первой речи он сообщил, что уже говорил с «Кахоль-лаван», МЕРЕЦ, «Гешер», арабскими партиями. Его идея – не только вернуть доверие избирателей к Аводе, которая провалилась на прошлых выборах, но и идти на выборы совместным списком с левоцентристскими партиями, чтобы получить больше мандатов.

Глава партии Авода заявил, что он и Эхуд Барак оставили в прошлом распри и взаимную неприязнь, пообещал проверить возможность сотрудничества с «Кахоль-лаван» и обязался привести Аводу к 15 мандатам, причем 4 принести из правого лагеря. Однако если

нынешняя тенденция рейтинга, обещающая партии лишь 4-6 мандатов сохранится, то не исключалось, что Перец пойдет на союз с Бараком, вытолкнувшим его из кресла главы Аводы в 2007 году, если же рейтинг Аводы вновь, по каким-либо причинам пойдет вверх, то бывший профсоюзный лидер явно захочет сыграть свою партию в одиночку.

Однако все эти текущие изменения на левом фланге практически никак не изменили картину в целом. Данные опросов, опубликованных газетой «Израэль гайом» и радио 103fm, свидетельствуют: объединения малых партий на правом и левоцентристском флангах усилят объединяющихся, но не повлияют на общее соотношение сил между блоками. Так, объединение Аводы и партии «Израэль демократит» увеличит их общую силу до 14 мандатов. Если партии пойдут на выборы по отдельности, Авода может рассчитывать на 6 мандатов, «Израэль демократит» – на 4. Однако союз двух левоцентристских партий изменит лишь расклад сил внутри левого лагеря, так как отберет голоса у «Кахоль-лаван» и МЕРЕЦ. Общий итог выборов и в этом случае не меняется.

Внутрипартийные разборки задерживают избирательную кампанию

Хотя до выборов в Кнессет 22-го созыва оставалось менее двух месяцев, избирательная кампания так еще и не началась. Вернее, то, что было во всех новостях, трудно назвать избирательной кампанией, это были скорее внутрипартийные разборки, переходящие на личные обвинения.

После того, как были назначены повторные выборы, на которые все партии пошли как на переэкзаменовку, вначале началась тотальная война за «русские» голоса, так сказать, личная вендетта премьер-министра против «блудного» сына, «предавшего» правое дело. Однако за этой «войной» на «русской улице» все как бы упустили

из виду остальные «войны» и личностные разборки практически во всех партиях.

В Израиле давно существует поговорка: «Выборы закончились – забудьте!» Именно «забудьте» все то, что вам обещали перед или во время выборов. И это касалось не только избирателей, но и взаимоотношений и договоренностей как в самих партиях, так и между ними. Все понимали, что до следующих выборов далеко и все забудется, «стерпится – слюбится». Проигравшие, как всегда, больше всех кричали, что их предали и обманули, а победители «разъясняли», что, мол, ситуация изменилась коренным образом и поэтому ранее достигнутые договоренности сегодня уже не действительны. И наступала тишина до следующих выборов.

И вдруг все кардинальным образом изменилось, ведь следующие выборы уже завтра, а обиды еще не забыты, а раны еще не затянулись. В итоге, во-первых, все те, кто проиграл, смогут, за пару месяцев просчитав свои ошибки, попробовать отыгаться на новых выборах. Во-вторых, те, кто до выборов заключили союзы и блоки, уже успели понять, как поведут себя их новые «товарищи», дорвавшись до власти. Недаром тут же «затрещали» по швам все союзы как слева, так и справа, недаром возникло там много конфликтов внутри самих партий, недаром многие из тех, кто еще вчера кричал, что никогда и не за что не будет с кем-то в коалиции, вдруг стал проявлять «мудрость» и политическую гибкость.

Но самое главное было в том, что сейчас все «обиженные» могли предъявить счет, и они его предъявили. За исключением ультраортодоксальных партий ШАС и «Еврейство Торы», где за формирование списка «отвечают» совсем другие мудрецы, практически все партии последние два месяца после объявления новых выборов были заняты перегруппировкой своих сил, а заодно и своих списков кандидатов.

Партии Авода и МЕРЕЦ постарались решить данный вопрос демократическим путем, проведя прайме-

риз, на которых они отправили в отставку своих бывших лидеров.

Не менее проблематичная ситуация сложилась и в «Кахоль-лаван». Сразу же после назначения даты новых выборов начались разборки, а нужен ли блоку Яир Лапид с его антиклерикальной позицией. Высказывались сомнения в целесообразности сохранения единого блока. При этом стал активно дебатироваться вопрос о создании правительства национального единства, правда без Нетаньяху. Масла в огонь подлили высказывания и лидеров ультраортодоксальных партий, заявивших, что в принципе могут «дружить» и со всеми центристами, правда без Лапида. При этом благодаря «войне» Нетаньяху с Либерманом в «Кахоль-лаван» также вспомнили о «русских» избирателях и начали прорабатывать вопрос о «русской» брони в списке. И хотя пресс-служба «Кахоль-лаван» сообщила, что принято решение баллотироваться в Кнессет 22-го созыва в том же составе, в котором блок шел на предыдущие выборы, его избирательная кампания все еще не начиналась. Все кандидаты, видимо, сначала хотели увидеть себя в списках зарегистрированных в ЦИК, а уж потом взяться за дело.

Переговоры о возрождении Объединенного арабского списка начались сразу после голосования за роспуск Кнессета с заявлений, что все вопросы практически закрыты. Однако позже комиссия по примирению арабских партий объявила, что ей не удалось выполнить поставленную задачу, и сложила с себя полномочия. Как было заявлено, «эгоизм победил надежду на единство» и вместо действительно важных вопросов партии были заняты распределением мест в списках.

На правом фланге шли судебные разбирательства. В итоге окружной суд в Тель-Авиве отклонил апелляцию, поданную депутатами от Ликуда против объединения с партией «Кулану» и предоставления их депутатам четырех мест в предвыборном списке Ликуда. Тем не менее, за исключением личной войны Нетаньяху на «русской

улице», Ликуд в принципе так и не начал свою избирательную кампанию.

Также была отклонена апелляция НДИ, поданная ответственному за регистрацию политических партий против регистрации партии «А-ямин а-хилони» («Правые и светские»). Представители НДИ утверждали, что речь идет о фиктивной партии, название которой вводит избирателей в заблуждение, так как на прошлых выборах НДИ баллотировалась под лозунгом «И правые, и светские». При этом трудно назвать избирательной кампанией запущенный НДИ один-единственный ролик в соцсетях на тему, что миллион ортодоксов съел все «будущее» новых репатриантов из СНГ.

Не менее серьезные проблемы были и на крайне правом фланге. Как ни парадоксально, но именно введение в правительство лидера объединения Блок правых партий Рафи Переца привело к расколу блока, ведь все тут же «забыли» об обещанной ротации депутатов. Однако после упорных переговоров партии «Еврейский дом» и «Оцма иегудит», у которых практически нет шансов единолично преодолеть электоральный барьер, вновь подписали соглашение о совместном участии в выборах.

На прошлых выборах партии «Новые правые» и «Зеут» не прошли в Кнессет, что привело к потере почти пяти мандатов на правом фланге. Именно поэтому Нетаньяху пытался сделать все для того, чтобы Нафтали Беннет, Моше Фейглин и Айелет Шакед в новый Кнессет попали. Нафтали Беннет объявил, что хочет сформировать более жизнеспособное объединение крайне правых, куда войдут «Новые правые», «Еврейский дом», «Оцма иегудит» и «Зеут». Однако из этого ничего не вышло, если не считать триумфальное возвращение Айелет Шакед в партию на первое место, которое ей уступил Беннет.

Все эти внутрипартийные разборки как слева, так и справа закончились после 1 августа, когда все партии, желавшие принять участие в выборах Кнессета 22-го созыва, сдали свои списки кандидатов в ЦИК.

Списки кандидатов в депутаты в Кнессет 22-го созыва

1 августа в ЦИК завершилась регистрация партий и блоков, которые будут участвовать в выборах в Кнессет 22-го созыва, намеченных на 17 сентября 2019 года. В общей сложности свои списки подали представители 25 партий и 7 блоков, объединяющих в своем составе 18 партий. В итоге если до начала выборов какие-то из зарегистрированных списков не будут сняты с выборов, то в кабинках для голосования будут находиться 32 бюллетеня. И это на 15 списков меньше, чем было зарегистрировано для участия в выборах в предыдущий Кнессет 21-го созыва. В тот раз в кабинках для голосования находилось рекордное число избирательных бюллетеней 47 списков. Из партий, идущих сегодня на очередные досрочные выборы, не более трети участвовали в выборах в Кнессет 21-го созыва.

Согласно опросам общественного мнения, в Кнессет 22-го созыва могут пройти кандидаты от всех 7 блоков и максимум от 2-3 партий. Хотя даже при таком раскладе в следующем парламенте будут находиться депутаты, как минимум, от 20 партий. В Кнессете нового созыва в основном будут заседать практически те же партии, что и в предыдущем, а депутатский корпус поменяется очень незначительно. В новом составе будут, как минимум, три «неудачника» прошлых выборов Айелет Шакед, Нафтали Беннет и Орли Леви-Абукасис, которые в составе своих партий вошли на проходные места в блоки, имеющие все шансы попасть в новый Кнессет.

Список парламентских партий и блоков, имеющих возможность пройти в Кнессет и зарегистрированных в ЦИК (в первой строке приведены полные названия партий, как они будут обозначаться на избирательных бюллетенях):

1. «Кахоль-лаван во главе с Бени Ганцем и Яиром Лапидом». Лидеры – Бени Ганц и Яир Лапид. В состав блока

входят 3 партии: «Еш атид» («Есть будущее»), лидер Яир Лапид, «Хосен ле-Израэль» («Партия устойчивости Израиля»), лидер Бени Ганц, ТЕЛЕМ во главе с Моше (Буги) Яалоном.

2. «Махане а-Демократи бе-Анхагат Горовиц, Шафир ве-Барак» («Демократический лагерь во главе с Горовицем, Шафир и Бараком»). Лидеры – Ницан Горовиц, Став Шафир, Эхуд Барак. В состав блока входят партия МЕРЕЦ (лидер Ницан Горовиц) и партия «Демократический Израиль» (лидер Эхуд Барак).

3. «Авода» («Рабочая партия во главе с Амиром Перецем и Орли Леви-Абукасис»). Лидер Амир Перец. В блок с партией Авода вошла партия «Гешер» («Мост»), лидер Орли Леви-Абукасис.

4. «Ямин а-Меухад – а-Ихуд а-Леуми – а-Ямин а-Хадаш» («Объединенные правые – Ихуд Леуми – Новые правые»). Лидер Айелет Шакед. Блок из трех партий.

5. «Ликуд во главе с Биньямином Нетаньяху на посту премьер-министра». Лидер Биньямин Нетаньяху. В состав блока входит также партия «Кулану» («Вместе») под руководством Моше Кахалона.

6. «Решима а-Мешутефет» («Совместный список»). Лидер Айман Уда. Объединенный арабский список, состоящий из четырех партий: РААМ, БАЛАД, ХАДАШ, ТААЛ.

7. «Ядут а-Тора ва а-Шабат, Агудат Исраэль – Дегель а-Тора». Лидеры – Яков Лицман и Моше Гафни. Блок из двух ортодоксальных партий «Агудат Исраэль» и «Дегель а-Тора».

8. ШАС – «Всемирное сефардское объединение блюстителей Торы, движение учителя раввина Овадьи Йосефа, да будет благословенна память праведника». Лидер – Арье Дери.

9. «Израэль Бейтейну» («Наш – дом Израиль»). Лидер – Авигдор Либерман.

Опрос, проведенный в последний день подачи партиями предвыборных списков в Центризбирком, лишь не-

значительно изменил картину, виртуально увеличив преимущество левого лагеря. По результатам опроса, без учета партии НДИ блок левоцентристских партий набирает 55 мандатов, блок правых и религиозных партий – 54.

Предвыборные лозунги и программы партий

Несмотря на жару и сезон отпусков, в августе избирательная кампания в Израиле начала набирать обороты. Постепенно вся страна была обвешена портретами лидеров и их призывами. Оригинальней всех в этом плане поступила партия «Кахоль-лаван», установив рекламные щиты на обочине шоссе недалеко от аэропорта в Ларнаке на Кипре. На рекламе был изображен Бени Ганц вместе с предвыборным лозунгом партии «Израиль превыше всего». В «Кахоль-лаван» заявили, что рекламные щиты предназначены для израильтян, которые выехали на отдых. Хотя это слишком общий лозунг, под которым могут подписаться практически все партии, баллотирующиеся сегодня в Кнессет.

Вообще-то это израильская специфика избирательных кампаний – поиск базового лозунга для партии. Следует отметить, что последние лет десять большинство партий не утруждает себя написанием предвыборных программ, ограничиваясь эффектными лозунгами. Хотя это и понятно. Солидный экономически и политически обоснованный план оппонентам всегда легко раскритиковать, а с другой стороны, вряд ли кто из рядовых избирателей удосужится дочитать его до конца хотя бы первой страницы.

Кроме того, если партия окажется в оппозиции, то о выполнении даже части ее программы можно и не мечтать. А если партия войдет в коалицию даже в качестве ведущего партнера, то порой диаметрально противоположность интересов ее коалиционных партнеров погубит на корню все ее благие пожелания. Ведь практически все время коалиционным партнерам приходится находить

обюродовыгодный компромисс, который в первую очередь идет за счет рядовых избирателей.

В итоге мало кто из авторов предвыборной программы верит в реальность ее выполнения. Поэтому предвыборная программа предназначена в основном, чтобы угодить как можно большему числу избирателей и при этом не поставить под удар саму партию при обсуждении спорных политических вопросов. При этом в большинстве своем партии на суд избирателей выносят в основном четыре базовых раздела программы. Главный, естественно, «безопасность», затем идут разделы «религия и государство», «соцобеспечение и трудовая деятельность» и «гражданские права». Та или иная интерпретация этих разделов зависит от принадлежности партии к правому или левому лагерю израильской политики. В итоге все заняты поиском эффектных лозунгов, которые якобы помогают им донести до своего избирателя всю суть их избирательной кампании и будущих планов работ.

Партия Ликуд ведет практически две отдельные кампании. Одну на «русской улице», в основном против партии НДИ и ее лидера Авигодора Либермана под лозунгом «Голос за Либермана – голос за левый переворот». В ивритоязычных СМИ другая реклама, здесь главный посыл – имидж их лидера на мировой арене. Новый избирательный слоган Ликуда: «Нетаньяху. Это другая лига». В рамках этой кампании правящая партия публикует плакаты и видеоролики с участием премьер-министра в ходе его встреч с главами государств и правительств, рассказывает о его достижениях на мировом уровне. В качестве своей базовой программы Нетаньяху заявляет три основные задачи: противостояние агрессии Ирана и укрепление безопасности Израиля; развитие свободного рынка, борьба с бюрократией и избыточной регуляцией; повышение статуса Израиля на международной арене. В принципе Израилю есть чем гордиться, да и заявление Нетаньяху, что «сегодня Израиль ведет свою внешнюю политику с позиции силы и добивается значимых резуль-

татов», звучит, конечно, убедительно, но как-то не завлекательно.

Партия Авода вышла с трудно переводимым, но вроде ясным лозунгом: «Человек. Прежде всего». Возможно, это должно говорить о социальной направленности партии и ее желании помочь людям. Партийный блок «Авода–Гешер» представил экономическую часть своей предвыборной программы. Они называют ее планом по восстановлению израильской экономики, но на самом деле это – список предвыборных обещаний, за который партию уже подвергли критике. Оппоненты утверждают, что план абсолютно оторван от реальности, ведь для его реализации, по замыслу авторов, необходимо резко поднять налоги, а потом раздать их всем нуждающимся.

Партия ШАС выпустила плакат с лозунгом: «ШАС – мезуза для Нетаньяху» (мезуза – «охранный» пергамент с молитвой, охраняющий вход в дом). С одной стороны, партия ШАС показывает своим избирателям, что она поддерживает главу правительства и идет с ним в паре, с другой стороны, на базе антиклерикальной кампании, развязанной Либерманом, она подставляет Нетаньяху, так как подчеркивает его обязательства перед ШАС как верным коалиционным партнером. В то же время главный упор партия делает на борьбу с бедностью, а центральным лозунгом кампании станет призыв: «Социальная сила – в правительство». В пропагандистских материалах ШАС позиционируется как единственная правая партия, занимающаяся решением социальных проблем.

Правый блок партий «Объединенные правые» поменял свое название на более короткое – «Правые» и представил лозунг, по сути повторяющий название: «Израиль хочет направо», но пока лидеры ультраправых партий не объяснили до конца свой разворот вправо.

Войны на площадке ЦИК

После подачи списков кандидатов в Центральную избирательную комиссию (ЦИК) практически сразу как

со стороны левых, так и правых партий последовали жалобы в ЦИК о снятии с выборов ряда партий, как не соответствующих законодательству о выборах. В основе всех этих заявлений лежит в основном лишь один пиар. За месяц до выборов в августовском зное политики не брезгают никакими способами для привлечения внимания избирателей.

В принципе, как и на предыдущих выборах, у левых (Авода и МЕРЕЦ) были претензии к ультраправой партии «Оцма иегудит», а точнее к ее лидерам, а у Ликуда и у «Оцма иегудит» – к Объединенному арабскому списку.

Партия МЕРЕЦ требовала запретить участие в выборах списку «Оцма иегудит», утверждая, что речь идет о движении, пропагандирующем расизм и насилие. «Оцма иегудит», в свою очередь, требовало запретить Объединенному арабскому списку участвовать в выборах, мотивируя это тем, что кандидаты от этого списка встречались с террористами, находящимися в израильских тюрьмах, а также совершали действия, направленные на стирание еврейского характера Государства Израиль.

14 августа в ЦИК обсуждалось требование о снятии с выборов в Кнессет 22-го созыва партии «Оцма иегудит». Обсуждение было более чем бурным. Став Шафир, член блока «Демократический лагерь», многословно обвиняла членов партии «Оцма иегудит» в попытке запугать политических противников. Судья Ханан Мельцер, председатель ЦИК, не раз напомнив Шафир о регламенте, в итоге отключил ей микрофон. В свою очередь, Итамар Гвир из «Оцма иегудит» пообещал подать в суд на представителя «Демократического лагеря» за клевету.

В итоге Центризбирком отклонил все апелляции с требованием запретить участвовать в выборах партиям «Оцма иегудит», «Еш атид» и Объединенному арабскому списку.

Естественно, правых не удовлетворило решение ЦИК, и в итоге представитель партии «Оцма иегудит» и девять членов избирательной комиссии от партии Ликуд

подали иск в БАГАЦ против решения ЦИК допустить до выборов Объединенный арабский список. Истцы утверждают, что его члены призывают к расизму, поддерживают террористические организации и борются против права Государства Израиль считаться еврейским государством.

После изучения исков юридический советник правительства Авихай Мандельблит сообщил в БАГАЦ о своей позиции, заявив, что следует допустить до участия в выборах Бен-Гвира и «Оцма иегудит», но снять с выборов Марзеля и Гопштейна. При этом сообщалось, что были разногласия между юридическим советником правительства Мандельблитом и государственным прокурором Шаем Ницаном, который рекомендовал запретить участие в выборах партии «Оцма иегудит».

В ЦИК была также подана жалоба от «Движения за качество власти» на практику ведения избирательной кампании премьер-министром Биньямином Нетаньяху. В итоге председатель ЦИК судья Ханан Мельцер издал распоряжение, запрещающее главе правительства Биньямину Нетаньяху и партии Ликуд в любом виде использовать в рамках предвыборной агитации фотографии военнослужащих ЦАХАЛа в военной форме. Запрет распространяется, в том числе, и на личные страницы главы правительства в социальных сетях.

Договоры о «дружбе» и остаточных голосах

В соответствии с действующим законодательством партии имеют право заключать соглашения, которые при подсчете голосов могут принести одной из них дополнительный мандат. Соглашение о распределении остаточных голосов («эскем одафим») действует лишь в том случае, если обе партии, подписавшие его, преодолели электоральный барьер.

Обычно данное соглашение подписывают близкие по лагерю партии. В этой связи особый ажиотаж, мощно

раскрученный в социальных сетях, вызвало соглашение об остаточных голосах, подписанное между партиями «Наш дом – Израиль» и «Кахоль-лаван». Сразу после подписания этого соглашения в штабе Ликуда заявили: «Тайное стало явным. После того, как Либерман заявил, что порекомендует Ганца и Лапида на пост премьер-министра, он подписал с ними соглашение об остаточных голосах. Тот, кто хочет видеть Нетаньяху на посту премьер-министра, обязан голосовать за Ликуд».

В «Кахоль-лаван» и НДИ говорят, что это чисто технический вопрос, который не означает сотрудничества после выборов. В НДИ заявили, что в настоящий момент нет другого варианта и они не хотят терять лишний мандат, который могут получить теоретически.

Глава политического альянса «Правые» Аелет Шакед, объединившая партии «Новых правых» и Блок правых партий (в который входят также партии «Еврейский дом» и «Ткума»), заявила, что подписала договор об остаточных голосах с партией Ликуд. Партия ШАС естественно подписала договор с такой же ортодоксальной партией «Еврейство торы», а партия Авода – с «Демократическим лагерем». В результате практически исключен переток голосов избирателей левого и правого блока в противоположные лагеря.

Предвыборная статистика и приготовления в ЦИК

По данным Центрального статистического управления (ЦСУ) Израиля, на начало сентября 2019 года в стране было зарегистрировано 8 645 948 человек, причем с небольшим преобладанием в 0,6% женского населения. Так, численность мужского населения составила 4 267 964 человек, а женского 4 377 983.

Согласно закону о выборах, право голоса имеет любой гражданин страны старше 18 лет, в этой связи на ближайших выборах в Кнессет 22-го созыва сможет проголосовать около 73,8% жителей страны. По сравне-

нию с выборами в Кнессет 21-го созыва, прошедшими 4 месяца назад, численность избирателей, проживающих в Израиле, увеличилась на 0,8%, что составляет около 48 000 человек.

По данным ЦИК, число избирателей, зарегистрированных в Кнессете, составляет около 6,4 млн человек. В то же время, по данным ЦСУ, сегодня в Израиле проживает около 5,8 млн избирателей в возрасте от 18 лет и старше, имеющих право голоса на выборах в Кнессет 22-го созыва. Оценка ЦСУ примерно на 570 000 ниже, чем оценка ЦИК (разница в 10%).

Это объясняется тем, что оценка ЦСУ относится только к населению страны, которое постоянно проживает в Израиле. ЦСУ не включает в список лиц в возрасте 18 лет и старше, которые зарегистрированы в Регистре населения, но не имеют права голоса, поскольку они не являются гражданами государства. Так, данные ЦСУ не включают арабов Восточного Иерусалима и друзей на Голанских высотах, а также израильских граждан с правом голоса, которые находятся за границей в течение длительного времени.

ЦИК же действует в соответствии с положениями Закона о выборах, в связи с которым к числу зарегистрированных в списке избирателей также относятся граждане, которые живут за границей в течение длительного периода. В этой связи в списках избирателей ЦИК есть не граждане, которые проживают за границей в течение длительного периода, а также те, кто умер за границей, а данные о них не занесены в Регистр населения.

По данным ЦСУ, 79% избирателей являются евреями, 16% арабами (мусульмане, арабы-христиане и друзы), а 5% относятся к другим (неарабские христиане и нерелигиозные жители – большинство из них иммигранты и их семьи, которые не зарегистрированы как евреи в реестре населения). Цифры также показывают, что доля арабов среди избирателей (16%) меньше их доли в населении (21%), поскольку доля детей и отсутствие у них избира-

тельного права выше, чем их доля в других группах населения. Так 38% арабов от 0 до 17 лет не имеют права голоса, по сравнению с 31,9% евреев и 22,7% других групп.

В связи с изменением принципа подсчета голосов реальные результаты выборов в Кнессет 22-го созыва будут опубликованы только на следующий день после выборов. ЦИК также сообщил, что в систему наблюдения за процедурой выборов были вложены 15 млн шекелей (чуть более 4 млн долларов), в том числе и на оснащение 3000 наблюдателей видеокамерами. ЦИК закупил 1000 камер в Китае вдобавок к тысяче камер, которые предоставила полиция. Еще тысяча была выкуплена у партии Ликуд, которая воспользовалась ими самостоятельно на апрельских выборах.

Каждый оснащенный камерой наблюдатель будет следить за 4-5 избирательными участками и сможет снимать нарушения с разрешения ЦИК. Они будут также снимать на видео подсчет голосов на тысячах участков, заранее определенных ЦИК. Однако наблюдатели не будут знать заранее, на каких участках они будут вести съемку подсчета голосов.

Стоит отметить, что провалилась попытка Биньямина Нетаньяху провести через Кнессет в ускоренном режиме законопроект об установке видеокамер на избирательных участках. 58 депутатов от Ликуда, ШАС, «Еврейства Торы» и Объединенного списка правых партий голосовали «за», депутаты от левых партий и НДИ бойкотировали голосование. Закон не прошел, так как в соответствии с заключением юридического советника Кнессета, для утверждения законопроекта необходим был 61 голос.

Статистика дня выборов

В день выборов 17 сентября 2019 г. в Израиле было открыто 10 788 избирательных участков, на которых могли проголосовать 6 394 030 избирателей. По данным ЦИК, своим правом голоса воспользовалось 4 465 168 избирателей (69,8%), что на 1,74% больше, чем на выборах

в Кнессет 21-го созыва в апреле этого года. Электоральный барьер в 3,25% составил 140 078 голоса, а один мандат «весил» 35 917 голосов. Недействительных бюллетеней было 28 362 (0,6%), ранее их было 30 983 (0,72%), а вот число бюллетеней, отправленных в мусорный ящик от партий, не прошедших барьер, составило лишь 120 тысяч (2,6%), что почти в три раза меньше, чем на прошлых выборах, когда их было 365 тысяч (8,5%).

После подсчета голосов, который длился три дня, ЦИК обнародовал вначале неофициальные результаты подсчета почти 100 процентов голосов. Некоторые случаи еще рассматривались в ЦИК. На одном участке зафиксировали попытку подделать бюллетени, еще несколько были закрыты из-за беспорядков. Еще две тысячи участков были выбраны для проверки в случайном порядке. ЦИК также принял решение пересчитать голоса на 15 избирательных участках, в друзских и арабских населенных пунктах Ярке, Сахнине и Фурейдисе, где были зафиксированы нарушения.

Явка избирателей в еврейских секторах практически не изменилась с апреля 2019 года. Среди приверженцев левых и левоцентристских взглядов он составляет около 69% от общего количества избирателей этого сектора, среди правых – 64%, среди ультраортодоксов – около 74%. Процент проголосовавших на «русской улице» обычно такой же, как в среднем по стране. В то же время представители арабской общины существенно поменяли свое отношение к выборам. Процент проголосовавших увеличился с рекордно низких 49% до 59%. При этом большинство проголосовало за Объединенный арабский список – 81% из всех, кто пришел на избирательные участки. Только 17,6% арабов и друзов проголосовали за «еврейские» партии. В апреле таких было более 28%.

Значительно снизилась поддержка МЕРЕЦ – 8% в апреле, 2,7% в сентябре. Многие арабы голосовали в апреле за левую партию в знак протеста против распада «арабского» списка. В настоящий момент Объединенный

арабский список набрал 13 мандатов и стал третьей по величине партией в Кнессете. Особых успехов блок добился в «арабском треугольнике», в центре и в Негеве, где почти 90% арабских избирателей проголосовали за него. Эксперты объясняют подобную ситуацию антиарабской риторикой Нетаньяху, которую тот транслировал на протяжении всей предвыборной кампании.

Итоги выборов в Кнессет 22-го созыва

По итогам выборов в Кнессет 22-го созыва из 29 партий, заявленных в выборах, депутатские мандаты достались лишь 9 партиям и блокам. В общей сложности в новый Кнессет вошли представители 17 партий (см. табл. 2). После подсчета основных голосов со всех избирательных участков и объявления первичных итогов выборов еще несколько дней шел подсчет 220 тысяч «двойных конвертов», в которых обычно голосуют в армии, в тюрьмах и больницах. Их итоги не изменили расклад, но показали несколько иные приоритеты. Явка среди военнослужащих составила 70,7%, что на 1,0%, чем явка остальных избирателей.

За 55 мандатов правого блока, без учета партии НДИ, проголосовало 1 970 396 (44,1%) избирателей, ранее их было 1 647 694 (38,2%). За 44 мандата левого блока, без учета арабских партий, проголосовало 1 553 490 (34,8%) избирателей, ранее их было 1 473 224 (34,1%).

За 13 мандатов Объединенного арабского списка отдали свои голоса 470 611 избирателей (10,62%), ранее два арабских блока суммарно получили лишь 337 108 голосов (7,8%), в то же время в позапрошлой каденции Объединенный арабский список, состоящий из тех же партий, имел также 13 мандатов и получил 446 583 голоса (10,6%).

Подводя итоги, ЦИК объявила, что Ликуд получил еще один мандат за счет партии «Еврейство Торы». После проверок жалоб на нарушения на выборах ЦИК постановил, что на шести участках обнаружены доказательства

манипулирования с бюллетенями и результаты выборов там аннулируются. В связи с этим Ликуд получил еще один мандат и 32 места в Кнессете, а «Еврейство Торы» потеряло мандат и имеет 7 мест. Сообщалось, что Ликуд получил 32 мандата благодаря разрыву в 68 голосов.

Таблица 2

Итоги выборов в Кнессет 22-го созыва

Список партий и блоков	Голосов	%	Мест	+/-
«Кахоль-лаван»	1 148 700	25,93	33	- 2
Ликуд	1 111 535	25,09	32	- 3
Объединенный арабский список	470 611	10,62	13	+ 3
ШАС	329 834	7,44	9	+ 1
«Наш дом – Израиль»	309 688	6,99	8	+ 3
«Еврейство Торы»	268 688	6,06	7	
«Ихуд Мифлагот ха-Ямин»	260 339	5,88	7	+ 1
Авода-Гешер	212 529	4,80	6	
МЕРЕЦ (Ха-махане ха-демократи)	192 261	4,34	5	+ 1

По итогам выборов ситуация осталась патовой

После озвучивания первичных итогов выборов и разговора с главой ЦИК судьей Хананом Мельцером президент Реувен Ривлин сразу же начал раунд консультаций для формирования правительства. Консультации продолжились два дня, в ходе которых президент приглашал

к себе кандидатов на получение мандата на формирование правительства. Первым к нему прибыла самая большая партия – «Кахоль-лаван», затем Ликуд, далее Объединенный арабский список и остальные партии, по рейтингу, в соответствии с количеством набранных ими мандатов.

В преддверии встречи с президентом состоялась встреча глав партий, являющихся союзниками Ликуда. Во встрече участвовали Яков Лицман и Моше Гафни («Еврейство Торы»), Арье Дери (ШАС), Рафи Перец (НДИ), Бецалель Смотрич, Нафтали Беннет и Аелет Шакед («Ямина»). После ее завершения пресс-служба Ликуда распространила сообщение, согласно которому лидеры партий приняли решение вести коалиционные переговоры единым блоком. Возглавит переговорную группу министр туризма Ярив Левин.

Представители партии «Кахоль-лаван» также начали переговоры с партнерами по левоцентристскому лагерю. Бени Ганц провел встречу с лидером «Демократического лагеря» Ницаном Горовицем, с лидером «Авода-Гешер» Амиром Перецом и лидером Объединенного арабского списка Айманом Уде.

По итогам выборов в Израиле опять сложилась патовая ситуация, так как ни один из блоков без учета мандатов партии НДИ не смог сформировать свою коалицию. У левоцентристского блока вместе с арабским списком – 57 мандатов, у правого вместе с религиозными партиями – 55 мандатов.

Президент предложил компромиссное решение

В итоге 55 депутатов порекомендовали на пост премьер-министра Биньямина Нетаньяху, 54 – Бени Ганца. Трое депутатов от БАЛАД, входящие в состав Объединенного арабского списка, заявили, что не поддерживают Ганца. Партия НДИ не поддержала ни одного из кандидатов.

В ходе встреч с президентом возникла сенсация, когда представители Объединенного арабского списка по-

рекомендовали Бени Ганца на пост премьер-министра. Это решение было принято, несмотря на то, что партия БАЛАД категорически возражала против него и опубликовала заявление, согласно которому не поддерживает кандидатуру главы «Кахоль-лаван». Из президентской канцелярии передали, что, несмотря на возражение БАЛАД, голоса депутатов этой партии считаются поданными за Бени Ганца, так как они входят в общий блок партий. Однако БАЛАД заявила, что из рекомендации Объединенного списка следует убрать три мандата их партии. В итоге после «изъятия» трех голосов партии БАЛАД у Бени Ганца осталось 54 рекомендации о поддержке, так как «Авода-Гешер» и «Демократический лагерь» также порекомендовали его.

Партии «Ямина» и «Еврейство Торы» порекомендовали Биньямина Нетаньяху. При этом публиковалась информация, что представители партии «Ямина» отклонили просьбу Ликуда не рекомендовать Нетаньяху, чтобы избежать его от необходимости первым пытаться сформировать коалицию. Глава блока «Еврейство Торы» Яков Лицман заявил, что вето на любой союз с Яиром Лапидом остается и останется в силе.

В отличие от предыдущих выборных кампаний, на сей раз ни Ликуд, ни «Кахоль-лаван» не стремились получить первыми мандат на формирование правительства, так как понимали, что речь идет о почти невыполнимой задаче, и поэтому предпочли уступить конкурентам, чтобы дать им возможность первыми потерпеть провал.

После завершения консультаций президент Реувен Ривлин официально пригласил Биньямина Нетаньяху и Бени Ганца на встречу вечером 23 сентября. Президент Ривлин призвал израильских политиков прекратить взаимные обвинения и бойкотирование и сделать все возможное для формирования устойчивого правительства. Согласно действующему законодательству, с момента публикации окончательных итогов выборов у президента Реувена Ривлина есть неделя для того, чтобы решить,

кому поручить формирование правительства. Однако понимая, что в сложившейся ситуации практически нет шансов ни одному из лидеров сформировать свое «правое или левое» правительство президент предпринял попытку усадить их за стол переговоров с целью создания правительства национального единства.

Инициированная президентом Реувеном Ривлином встреча лидера партии Ликуд Биньямина Нетаньяху с главой блока «Кахоль-лаван» Бени Ганцем продолжалась около двух с половиной часов. Президент Реувен Ривлин спустя час после начала беседы вышел, оставив Ганца и Нетаньяху с глазу на глаз.

В ходе встречи президент Ривлин предложил два варианта на выбор: либо один из них получит мандат на формирование правительства в ближайшую среду – либо вручение мандата будет отложено до окончания праздника Рош ха-Шана (еврейского Нового года). Президент посоветовал лидерам двух крупных парламентских фракций начать переговоры о создании правительства национального единства. Если оба согласятся, они получат на переговоры неделю, и вручение мандата на формирование коалиции будет отложено до 2 октября.

После завершения встречи премьер-министр Биньямин Нетаньяху и Бени Ганц опубликовали совместное заявление. «В связи с обращением президента страны Реувена Ривлина глава правительства Биньямин Нетаньяху и лидер «Кахоль-лаван» Бени Ганц побеседовали о путях продвижения единства в народе Израиля и договорились, что главы рабочих групп – Ярив Левин и Йорам Трубович – встретятся уже завтра для того, чтобы начать переговоры».

Провал попытки создания правительства национального единства

По итогам встречи с президентом и Бени Ганцем премьер-министр побеседовал по телефону с главами правых и ультраортодоксальных партий, входящих в пра-

вый блок, созданный им сразу после выборов. По словам Нетаньяху, встреча с Ганцем носила деловой характер. Нетаньяху сказал своим партнерам, что ведет переговоры от имени всего правого блока и остается верен обещаниям, которые дал им.

В свою очередь, Бени Ганц направил обращение депутатам фракции. «В ходе встречи я разъяснил, что путь к единству пролегает через суть обсуждаемых вопросов, через выполнение обещаний, которые мы дали избирателям. Народ проголосовал за перемены в обществе, и мы не собираемся отказываться от нашего первенства, от наших принципов, от наших партнеров на этом пути», – подчеркнул он.

В момент начала переговоров сразу вскрылось два серьезных препятствия на пути к созданию правительства национального единства. Нетаньяху заявил, что представляет не только Ликуд, но и правые и ультраортодоксальные партии, а в «Кахоль-лаван» заявили, что отсутствуют предпосылки для соглашения о порядке ротации.

Тем не менее на следующий день в гостиничном комплексе «Кфар Макабия» в Рамат-Гане состоялась первая встреча рабочих групп Ликуда и «Кахоль-лаван» на коалиционных переговорах. Перед началом встречи Ярив Левин, возглавляющий переговорную группу от Ликуда, заявил, что «предстоит большая работа, но не все зависит от нас, есть и вторая сторона». При этом сообщалось, что рабочая группа «Кахоль-лаван» получила распоряжение тянуть время, не продвигаясь на переговорах до завершения слушаний по делам Нетаньяху. В Ликуде и «Кахоль-лаван» был наложен мораторий на интервью и на предоставление каких-либо публичных комментариев по поводу коалиционных переговоров.

Однако как отмечали израильские СМИ, на пути создания правительства национального единства и ротации на посту премьер-министра партиям придется нарушить множество обещаний, данных избирателям и

союзникам. Религиозные партии ранее заявляли, что не могут войти в одно правительство с Яиром Лапидом, хотя в последние дни даже в ШАС стали раздаваться примирительные голоса. Были проблемы и у «Кахоль-лаван», во-первых, надо было пересмотреть достигнутые договоренности со своими естественными партнерами из партий Авода и «Демократический лагерь», а во-вторых, было обязательство перед своими избирателями не сидеть в одной коалиции с ультраортодоксами и с Нетаньяху, человеком, на котором «висят» уголовные обвинения. Но главной проблемой, конечно, был Яир Лапид. Источники в «Кахоль-лаван» сообщили, что Яир Лапид категорически против объединения с Нетаньяху, и это вызывало сильные споры между союзниками по блоку.

При этом сообщалось, что при любом сценарии ротации Биньямин Нетаньяху не получает иммунитета от уголовного преследования, будет он в это время на посту премьер-министра или нет. Таким образом, даже если он был бы первым в очереди, предъявление обвинения могло бы досрочно прекратить его полномочия.

В то же время, как показали опросы общественного мнения, большая часть израильтян предпочитала, чтобы в случае ротации премьер-министров первым к штурвалу государства встал Биньямин Нетаньяху. Согласно опросу, проведенному профессором Камилем Фуксом по заказу 13-го канала, лишь 37% опрошенных хотели бы видеть Бени Ганца первым на посту премьер-министра, в то время как Нетаньяху – 49%. При этом коалицию, созданную «Кахоль-лаван» с двумя левыми партиями Аводой и «Демократическим лагерем» и с поддержкой арабских партий извне, были готовы принять 38% респондентов, не согласны – 49%. Желание же видеть во главе Ликуда Нетаньяху высказали 52% опрошенных, 36% полагали, что его надо сменить. По мнению респондентов, на смену Нетаньяху в Ликуде должен прийти Гидеон Саар, за это высказался 31%.

Вечером 25 сентября президент Израиля Реувен Ривлин официально заявил, что после провала переговоров о правительстве национального единства он вручает мандат на формирование правительства лидеру Ликуда Биньямину Нетаньяху, которого рекомендовали на должность премьера больше депутатов, чем Бени Ганца. При этом как разъяснялось, президент учитывал не только минимальное преимущество в количестве рекомендовавших Нетаньяху (55 голосов против 54), но и тот факт, что десять арабских депутатов, давших рекомендации Ганцу, в его коалицию входить не намерены.

В ожидании итогов слушаний по делам Б. Нетаньяху

3 октября 2019 г. был приведен к присяге Кнессет 22-го созыва. Из 120 народных избранников было только 8 новых парламентариев. На заседании выступил президент Израиля Реувен Ривлин, спикер Кнессета Юлий Эдельштейн, премьер-министр Биньямин Нетаньяху и глава оппозиции Бени Ганц. Депутаты от Объединенного арабского списка бойкотировали мероприятие в Кнессете в знак протеста против волны насилия в арабском секторе. Арабские депутаты потребовали от Министерства внутренней безопасности немедленных действий, направленных на наведение порядка в арабских населенных пунктах.

Еще до приведения Кнессета к присяге состоялось временное распределение комиссий, которое будет меняться по ходу формирования правительства. Комиссия Кнессета по иностранным делам и обороне отошла к партии «Кахоль-лаван», и возглавил ее Габи Ашкенази. Финансовая комиссия осталась у «Еврейства Торы», которую возглавил Моше Гафни. Руководство распределительной комиссией, которая рассматривает кандидатуру спикера, да и всю повестку дня, могло меняться в зависимости от того, кто сформирует коалицию. В тот момент комиссию возглавил Мики Зоар (Ликуд), если же мандат

на формирование правительства перешел бы к «Кахоль-Лаван», то руководство комиссией получил бы представитель этого блока. Фракции Ликуд и «Кахоль-Лаван» приняли решение временно отложить голосование по кандидатуре спикера до завершения формирования правительства. Поэтому Юлий Эдельштейн временно остался на своем посту.

На этом практически и замерла вся видимая деятельность Кнессета, так как все находились в ожидании решений по уголовным делам премьер-министра. Весь процесс слушания по уголовным делам Нетаньяху, а главное выводы из них, с которыми должен был выступить юридический советник правительства, напрямую были связаны с политическим процессом и даже возможностями той или иной политической силы сформировать правительство.

В то же время на фоне противостояния между Ликудом и «Кахоль-Лаван» казалось, что все мелкие партии готовы дружить друг с другом, несмотря на все идеологические расхождения. Так, глава фракции «Еврейства Торы» Ури Маклеб заявил, что там не отрицают возможности союза с «Кахоль-Лаван»: «Мы изначально говорили, что у нас нет проблем с Ганцем. Да и с Лапидом наша главная проблема не в том, что его фамилия Лapid, а в том, что он пытается нас воспитывать и навязывать свой образ жизни».

В Ликуде же искали путь выхода из тупика методом проб и, в основном, ошибок. После провала встречи с «Кахоль-Лаван» Нетаньяху обещал незамедлительно вернуть мандат президенту. Но после беседы со всеми лидерами блока решил не торопиться. Мандат в руках Ликуда давал этой партии контроль над организационной комиссией Кнессета, регулирующей повседневную деятельность парламента до формирования коалиции.

Нетаньяху не назначал встречу с президентом, вместо этого он пустил еще один пробный шар под названием праймериз в Ликуде. Внешний мотив этого шага прост

и понятен: рано или поздно начнется отсчет 21 дня, когда каждый депутат сможет попытаться сформировать коалицию. Нетаньяху хотел подойти к этому дню бесспорным лидером своей партии. Возможно, Нетаньяху опасался путча в Ликуде и решил закрепить свой статус путем победы на внутривыборных выборах, а заодно пытался выяснить, кто готов выйти на бой с ним.

Поэтому 3 октября партия Ликуд заявила, что глава правительства и лидер партии Биньямин Нетаньяху взвешивает возможность проведения в Ликуде срочных праймериз с целью развеять иллюзию о «бунте в Ликуде», которая якобы мешает другим партиям вступить в правительство национального единства. Министр иностранных дел Исраэль Кац тут же объявил, что в случае праймериз поддержит Нетаньяху. Депутат Кнессета от партии Ликуд Гидеон Саар прокомментировал сообщение о возможных праймериз одной фразой, написав в своем микроблоге Twitter: «Я готов». Через день Нетаньяху заявил, что принял решение не назначать праймериз в партии Ликуд. В заявлении пресс-службы партии говорилось, что премьер принял предложение Хаима Каца, суть которого состояла в созыве ЦК Ликуда и принятии резолюции о поддержке кандидатуры Нетаньяху на пост главы правительства.

В этой связи в Ликуде заговорили, что Нетаньяху сдаст мандат президенту лишь после того, как получит от ЦК Ликуда заверение в том, что партия не желает видеть главой правительства никого, кроме нынешнего лидера, и не станет проводить праймериз в ближайший год. И хотя председатель ЦК Ликуда Хаим Кац обещал Нетаньяху организовать принятие такой декларации, заседание надо было еще подготовить и провести, и поэтому лидер партии решил оставить мандат на формирование коалиции при себе.

6 октября 2019 г. в Министерстве юстиции были слушания по делам главы правительства. Адвокаты премьер-министра изложили свои доводы по «делу 1000»

(о подарках, которые Нетаньяху получал от бизнесменов). 7 октября начались слушания по «делу 2000» (о контактах Нетаньяху с главой концерна «Едиот ахронот» Арноном Мозесом).

10 октября в Тель-Авиве состоялось заседание ЦК партии Ликуд, на котором была утверждена кандидатура Биньямина Нетаньяху на пост премьер-министра. Решение было утверждено меньшинством, так как в зале присутствовало всего несколько сот членов ЦК из трех тысяч, имеющих право голоса. Формальность и заведомые итоги данного мероприятия, а скорее всего его не презентабельность привели к тому, что сам Биньямин Нетаньяху, а также спикер Кнессета Юлий Эдельштейн, министр иностранных дел Исраэль Кац, депутат Кнессета Гидеон Саар на него не пришли. Видимо, поэтому заседание было закрытым для прессы. В соответствии с принятым решением до завершения работы Кнессета 22-го созыва единственным кандидатом на пост премьер-министра от партии будет Биньямин Нетаньяху, а Ликуд войдет лишь в то правительство, которое, по меньшей мере часть времени, будет возглавлять Биньямин Нетаньяху.

По настоянию Нетаньяху правые партии ШАС, «Еврейство Торы», «Еврейский дом» и «Национальный союз» снова подписали декларацию, в которой обязались поддерживать только его кандидатуру на должность премьер-министра. Но «Новые правые» Аелет Шакед и Нафтали Беннет отказались подписывать очередную декларацию верности Нетаньяху, заявив, что подобный документ был подписан сразу после выборов, когда правые партии договорились идти вместе на коалиционных переговорах, и нет смысла подписывать декларацию по-новому.

Второй этап коалиционных переговоров

Вечером 23 октября 2019 г. президент Израиля Реувен Ривлин возложил задачу по формированию прави-

тельства на председателя блока «Кахоль-лаван» Бени Ганца. В распоряжении Ганца было 28 дней для формирования правительства.

В связи с передачей полномочий на ведение коалиционных переговоров по формированию правительства Кнессет предоставит лидеру «Кахоль-лаван» Бени Ганцу охрану, как кандидату на пост главы правительства. Также начиная с понедельника 28 октября организационная комиссия Кнессета, управляющая в настоящий момент делами парламента, перешла под контроль «Кахоль-лаван», что давало ей возможность инициировать продвижение законопроектов. В этой связи было заявлено, что в блоке «Кахоль-лаван» взвешивают возможность подать законопроект, в соответствии с которым премьер-министр должен уйти в отставку в случае подачи ему обвинения.

Впервые за последние 11 лет задача по формированию правительства была возложена не на лидера Ликуда Биньямина Нетаньяху, который возвратил президенту мандат, не сумев сформировать правительство за отведенный ему срок. Нетаньяху вернул президенту Ривлину мандат в день празднования своего 70-летия, за два дня до истечения отведенного законом срока, которые, как было ясно, уже ничего бы не решили. В своем обращении Нетаньяху сказал, что надеялся сформировать правительство единства и за последние недели не раз приглашал Ганца за стол переговоров, но раз за разом получал отказ, в заключение он повторил свою мысль, что Бени Ганц является «пленником Либермана и Лапида».

Блок «Кахоль-Лаван» после получения от президента мандата на формирование коалиции, направил партии Ликуд приглашение на коалиционные переговоры. В Ликуде сообщили, что лидер партии Биньямин Нетаньяху принял приглашение встретиться в четверг 24 октября. И хотя «Кахоль-Лаван» планирует провести встречу именно с Ликудом, его представители заявили, что будут вести переговоры от имени всего правого блока.

Пессимизм усиливается, пошли разговоры о новых выборах

В своей первой речи в качестве кандидата в премьер-министры Ганц заявил, что в «широком шатре» партии «Кахоль-лаван» есть место всем – и ультраортодоксам, и религиозным сионистам, и арабам, и друзьям, и сексуальным меньшинствам. «В правительстве, которое я создам, я буду служить всем», – провозгласил Ганц. – «Мы обещали создать широкое либеральное правительство и сделаем это». Однако судя по итогам встреч, оптимизм Ганца явно пошел на убыль.

За это время он провел переговоры со всеми лидерами партий, которые изъявили желание с ним встретиться. Прошли повторные переговоры с Ликудом, на них, как и ожидалось, не был достигнут прогресс. Состоялась встреча с представителями НДИ, а также Бени Ганца с Авигдором Либерманом, которая, по словам последнего, была продуктивной, но речь шла исключительно о вопросах безопасности, а не о структуре правительства национального единства. Состоялась встреча Бени Ганца с лидерами Объединенного арабского списка Айманом Уда и Ахмадом Тиби, однако по ее итогам не было сделано никаких заявлений, и не сообщалось о достижении каких-либо соглашений.

При этом идея новых досрочных выборов постепенно зазвучала на многих политических мероприятиях. Так, лидер «Агудат Исраэль» Яков Лицман на заседании своей фракции сказал активистам, что на коалиционных переговорах нет никакого прогресса и надо готовиться к выборам в Кнессет 23-го созыва

Как результат, после первого круга бесед Бени Ганц понял то, что понимал и раньше – коалиции нет. В итоге в политической системе перестали относиться к разговорам о новых выборах, как к плохой шутке.

Фактически ключ от коалиции находился в руках не у Авигдора Либермана, как утверждали СМИ, а у юри-

дического советника правительства Мандельблита. Ведь от его решения зависело будущее и Нетаньяху, и коалиции. У юридического советника было три варианта: закрытие дел, либо обвинительное заключение без статьи о взяточничестве и обвинение во взяточничестве. При двух крайних вариантах правительства не будет: Ганц не сможет позволить себе сидеть в коалиции с обвиняемым во взяточничестве, а Нетаньяху в случае закрытия дел явно захочет пойти на выборы, одержать победу и стать единоличным премьер-министром еще надолго. Если бы Мандельблит ограничился обвинением в подрыве общественного доверия, правительство национального единства могло состояться. В то же время решение Мандельблита отправить Нетаньяху под суд по обвинению во взяточничестве могло послужить толчком к бунту в Ликуде, которого так ждали в «Кахоль-лаван», в НДИ и некоторых других партиях.

Коалиции нет и не ожидается

Несмотря на переговорный ажиотаж тех дней, как в принципе и ожидалось, лидер «Кахоль-лаван» Бени Ганц так и не смог сформировать коалицию в отведенный ему срок и 20 ноября был вынужден сдать свой мандат президенту Реувену Ривлину.

Впервые в истории Израиль подошел к 21-дневному сроку, за который премьер-министром может стать любой депутат Кнессета. Согласно Основному закону, это последняя возможность перед новыми выборами, когда ни один лидер из двух больших партий не смог сформировать коалицию. Если за 21 день никто из депутатов не получит 61 рекомендации, то в стране будут объявлены внеочередные выборы в Кнессет 23-го созыва.

На следующий день президент передал мандат спикеру парламента Юлию Эдельштейну и заявил: «Мы переживаем тяжелые времена. В день приведения к присяге Кнессета я призвал отложить в сторону мечи и пре-

кратить поливать друг друга грязью. Надо помнить, что народ показал красную карточку некоторым игрокам и удалил их с поля».

В связи с создавшейся ситуацией юридический советник Кнессета Эяль Инон выпустил комментарии к параграфу 10 Основного закона о правительстве, где регулируется ситуация, когда два основных претендента не смогли сформировать правительство и вернули мандат президенту. Согласно его заключению, президент не должен ожидать окончания 21-дневного периода, а обязан передать мандат на формирование правительства первому претенденту, получившему за это время рекомендации 61 депутата. Народный избранник, набравший рекомендации 61 депутата и получивший мандат от президента, сможет привести к присяге новое правительство простым большинством голосов. Голосование по правительству в рамках 10 параграфа может быть проведено только один раз. В случае неудачи Кнессет считается распущенным и назначаются новые выборы.

И хотя коалиционные переговоры зашли в тупик и оставалось менее трех недель до того, как страна могла пойти на третьи выборы, политический кризис в Израиле дополнительно вошел в новую стадию полного тупика, так как 21 ноября 2019 г. премьер-министру Биньямину Нетаньяху были предъявлены обвинения в нескольких уголовных преступлениях.

Юридический советник правительства Авихай Мандельблит в своем заявлении для прессы объявил, что главе правительства Биньямину Нетаньяху будут предъявлены обвинения по трем делам: 4000, 2000 и 1000, в результате чего его статус поменялся с подозреваемого на обвиняемого. Естественно, что данные события внесли существенный разлад как в устоявшиеся блоки, так и в ряды Ликуда, где послышались требования о проведении праймериз на пост лидера партии в преддверии новых выборов в Кнессет.

Уголовные дела Б.Нетаньяху, праймериз в Ликуде и досрочные выборы

Премьер-министру были предъявлены обвинения по нескольким уголовным делам. Так, дело № 1000 (подарки от бизнесменов) касается подозрений в получении Нетаньяху дорогостоящих подарков, а именно эксклюзивных сигар и шампанского, от голливудского продюсера Арнона Мильчина, суммарную стоимость которых следствие оценило почти в 250 тысяч долларов. Следствие полагало, что в обмен на подарки Нетаньяху лоббировал личные и деловые интересы бизнесмена. Кстати, по этому делу ни разу не возникало подозрение о взятке в виде денег.

Дело № 2000 (сговор с владельцем холдинга «Едиот ахронот» Арноном Мозесом) касалось попыток премьер-министра договориться с владельцем одной из крупнейших в стране медиагрупп «Едиот ахронот» о благосклонном освещении деятельности правительства в обмен на принятие закона, который бы ограничивал возможности ее конкурента – бесплатной ежедневной газеты «Израэль хайом». Здесь стоит отметить, что за «закрытие» бесплатной газеты голосовало 43 депутата, а как справедливо заметил Нетаньяху, допрашивали лишь его одного.

По этим двум делам Нетаньяху предъявлены обвинения в мошенничестве и нарушении общественного доверия. Наиболее тяжелые обвинения предъявлены Нетаньяху по делу № 4000 (Дело «Безека»-Аловича), по которому главе правительства предъявлены обвинения в получении взятки, а также мошенничестве и нарушении общественного доверия. У следствия есть подозрения о лоббировании интересов крупнейшей в Израиле телекоммуникационной группы «Безек» в обмен на позитивное отношение к Нетаньяху на подконтрольной компании популярном новостном интернет-ресурсе Walla! Параллельно были предъявлены обвинения и ряду бизнесменов, проходящих по этим делам.

Стоит отметить, что выдвинутые обвинения против премьер-министра очень серьезные. И если по ним Нетаньяху будет признан виновным, то его, скорее всего, ждут тюремный срок и запрет на политическую деятельность на длительный период. Как правило, в таких случаях израильские политики идут на сделку с обвинением, чтобы избежать наказания в виде лишения свободы. Но Нетаньяху полностью отрицал свою вину и дал понять, что будет бороться до конца. Он обвинил полицию и прокуратуру в попытке государственного переворота, заявив, что с полицией и прокуратурой происходит что-то неладное и необходимо сформировать комиссию, которая бы проверила их действия. И его подозрения не беспочвенны, ведь тогда же вскрылись факты давления и шантажа на отдельных свидетелей обвинения со стороны работников прокуратуры.

Если до подачи обвинительного заключения теоретически стоял вопрос о создании правительства национального единства на базе «Кахоль-лаван» и Ликуда, то после крайне жестких решений юридического советника правительства Мандельблита коалиция с Нетаньяху означала бы политическое самоубийство.

Но прежде чем дело дошло бы до новых выборов, премьер-министру необходимо было стабилизировать систему, пошатнувшуюся в результате вынесенных обвинений. И, в первую очередь, это касалось ситуации в самом Ликуде. Гидеон Саар заявил, что после предъявления обвинений Нетаньяху «не сможет сформировать правительство ни после третьих, ни после пятых выборов», и призвал немедленно провести перевыборы лидера Ликуда.

После того, как Гидеон Саар потребовал срочных перевыборов лидера партии, чтобы избежать третьих выборов, двое «тяжеловесов» Ликуда, уклонявшихся от изъявления лояльности лидеру после предъявления обвинения, объявили о поддержке Нетаньяху. Однако усиливающееся брожение в партии привело к тому, что

в итоге в ходе встречи Биньямина Нетаньяху с председателем Центра Ликуда Хаимом Кацем была достигнута договоренность о проведении праймериз, которые состоятся только после роспуска Кнессета и будут проведены в течение шести недель. В ходе внутрипартийных выборов будет избран только глава партии и не будет проводиться голосование по списку в Кнессет.

Согласно опросу, проведенному 22 ноября, 56% израильтян считали, что Нетаньяху не может оставаться премьер-министром. 35% придерживались противоположной точки зрения. При этом число мандатов депутатов Кнессета оставалось практически неизменным. «Кахоль-лаван» опрос давал 36 мест, Ликуда – 33, Объединенному арабскому списку – 13, НДИ – 8. Однако опубликованные общенациональные опросы показали, что в случае ухода Нетаньяху Ликуд теряет голоса, а рейтинг более правых партий растет.

Последний день Кнессета 22-го созыва

11 декабря 2019 года истек срок, отведенный депутатам Кнессета для сбора рекомендаций на пост премьер-министра. С этого момента уже не могли предприниматься попытки сформировать коалицию или собрать подписи для подачи президенту, и Кнессет был фактически распущен.

Вечером 10 декабря глава фракции «Кахоль-лаван» Бени Ганц и глава фракции Ликуда Мики Зоар представили законопроект о роспуске Кнессета и изменении даты выборов в Кнессет 23-го созыва, которые планировалось провести 2 марта 2020 года.

В течение дня не предпринимались какие-либо активные шаги для предотвращения новых выборов. Хотя глава «Кахоль-лаван» Бени Ганц вновь призвал Биньямина Нетаньяху отказаться от требования о парламентском иммунитете. Глава партии «Наш дом – Израиль» Авигдор Либерман также повторил заявления, которые неоднократно делал в ходе коалиционных переговоров. «Я призываю

лидеров Ликуда и «Кахоль-лаван» одуматься и использовать оставшееся время для того, чтобы сформировать правительство», – заявил Либерман и вновь пообещал не присоединяться к какому-либо узкому правительству.

Несмотря на то, что выборы еще не были объявлены, во многих партиях уже заговорили о тактике и стратегии предвыборной кампании. 11 декабря состоялась встреча министра обороны Нафтали Беннета и бывшего министра юстиции Айелет Шакед. Ожидалось, что в ходе этой встречи будет принято решение о том, продолжат ли они баллотироваться вместе. Одновременно продолжались и переговоры между главой партии «Оцма иегудит» Итамаром Бен-Гвиром и лидерами «Байт иегуди» – «Ихуд леуми». По всем опросам, обе партии не проходили электоральный барьер, и их лидеры надеялись путем объединения усилий избежать общего провала.

На левом фланге также взвешивали целесообразность союзов. «Авода-Гешер» и «Демократический лагерь» продолжали находиться в непосредственной близости от электорального барьера.

В ходе голосования в первом чтении в зале заседания отсутствовал Биньямин Нетаньяху, заявивший якобы, что вообще не собирается голосовать за роспуск Кнессета. В «Кахоль-лаван» заявили: если Ликуд не явится на голосование в полном составе, то и их депутаты тоже голосовать не будут, что приведет к тому, что закон о роспуске Кнессета не будет утвержден, и выборы состоятся 10 марта 2020 г., то есть в день праздника Пурим.

В итоге Биньямин Нетаньяху появился в зале для голосования, и закон о роспуске Кнессета 22-го созыва во втором и в третьем чтениях был утвержден в ночь на 12 декабря. Одновременно был утвержден закон, меняющий дату выборов на 2 марта 2020 г. и регулирующий порядок их проведения. Предвыборная кампания в Кнессет 23-го созыва должна была продлиться 80 дней, на месяц меньше, чем предвыборная кампания в Кнессет 22-го созыва.

Не стоит и забывать, что впервые в истории Израиля на выборы правящую партию поведет лидер, против которого выдвинуты серьезные обвинения в уголовных преступлениях.

Выборы в Кнессет 23-го созыва

Сроки и бюджет выборов

Выборы в Кнессет 23-го созыва были назначены на 2 марта 2020 года и стали третьими досрочными парламентскими выборами за последние 11 месяцев. По закону избирательная кампания должна продолжаться 90 дней. Однако в этих «чрезвычайных» обстоятельствах, когда после двух последовавших через короткое время избирательных кампаний не удалось сформировать правительство, было предложено, распустив Кнессет, провести выборы «как можно быстрее». В итоге была согласована дата проведения выборов в Кнессет 23-го созыва в шестой день месяца Адар (2 марта 2020 г.). Таким образом, избирательная кампания в 23-й Кнессет составила всего 82 дня.

Это самая короткая кампания, по сравнению со 111 днями на сентябрьских выборах, 104 днями на апрельских выборах 2019 г. и 98 днями на выборах 2015 года. Это означало, что новые партии скорее всего не успеют вступить в гонку, а также сократится время для переговоров об объединениях и союзах, ведь партии должны были представить свои списки в Кнессет 15 января.

В последние дни Кнессета 22-го созыва было много популистских разговоров среди политиков, якобы пекущихся о бюджете и желающих как бы уменьшить расходы, связанные с избирательной кампанией. Одним из предложений было желание объявить день выборов рабочим днем. Однако ЦИК резонно заметил, что если день выборов – рабочий, значит, работают все школы и

детские сады (стандартные места организации избирательных участков – авт.), и где же политики намерены организовать голосование, ведь в среднем по стране открывается около 11 тысяч избирательных участков.

Следует отметить, что голосуют на выборах далеко не все граждане, имеющие право голоса и получающие оплачиваемый выходной. Согласно отчету Информационно-исследовательского центра Кнессета, пик голосования за минувшие годы пришелся на 1949 год, когда процент голосовавших составлял 86,9%. Затем произошло снижение, и в 2006 году процент голосовавших составлял 63,5%, а на последних по времени выборах в 21-й Кнессет – 69,4%.

В этой связи было предложение сделать процедуру голосования «обязательной» и организовать контроль с отметкой о голосовании, чтобы в дальнейшем работодатель оплачивал этот день только своим проголосовавшим работникам. Ведь при низкой явке получается, что подавляющее число избирателей за счет государства, а точнее своего работодателя, получает оплачиваемый отгул, который проводит с семьей или на природе вместо исполнения своего гражданского долга. Но естественно, в том состоянии, в каком находились депутаты в период провала второй попытки сформировать правительство, никто уже не думал о таких «мелочах», как бюджет страны, а тем более избирательной кампании, хотя отдельные дебаты по этому поводу шли.

В итоге партии не смогли договориться о том, чтобы день предстоящих выборов в Кнессет не был нерабочим, так что убытки народного хозяйства и предпринимателей оказались еще выше.

Так, выборы в Кнессет 21-го созыва обошлись Израилю (с учетом партийных ссуд) в 620 млн шек. (примерно 180 млн долларов), следующие выборы – в 685 млн шек. (195 млн долларов), а выборы в Кнессет 23-го созыва обойдутся в 534 млн шек. (150 млн долларов). Убытки государства и частных предпринимателей в общей слож-

ности превысят 6 млрд шек. (1,7 млрд долларов), а если учесть и ущерб от последних муниципальных выборов, – то каждые такие выборы обходятся производственному сектору в 1,5 млрд шек. (430 млн долларов). К этой сумме следует приплюсовать и расходы, которые государство будет нести на предоставление выходного дня работникам сферы общественных услуг.

Стоит отметить, что несмотря на запарку и ажиотаж в день последнего голосования в Кнессете 22-го созыва по законопроекту об очередных досрочных парламентских выборах в Израиле, депутаты себя «не забыли» и предусмотрели увеличение бюджета избирательной кампании партий на 30%. В частности, изначально бюджет для проведения выборов был предусмотрен в размере 63 млн шекелей (18 млн долларов). При этом каждой фракции на избирательную кампанию дополнительно будет выделено по 700 тысяч шекелей (200 тысяч долларов) и 430 тысяч шекелей – на каждого министра (124 тысячи долларов).

По словам представителей Кнессета, увеличение бюджета на избирательную кампанию фракций связано с тем, что в связи с частыми общенациональными опросами у небольших партий возникли серьезные долги, не позволяющие им самостоятельно профинансировать избирательную кампанию. Тем не менее именно «маленькие» партии ШАС и НДИ выступили против увеличения бюджета избирательной кампании.

При этом партия Ликуд выступила с предложением увеличить для партий одну единицу финансирования, которая составляет 1,38 млн шекелей, до 2,1 млн шекелей, но «Кахоль-лаван» и НДИ заявили, что категорически возражают против увеличения финансирования. Однако в отличие от вопроса формирования правительства, в вопросе собственного финансирования партии достигли компромисса, и предложение Ликуда увеличить единицу финансирования для партий было удовлетворено частично: сумма была увеличена до 1,9 млн шекелей.

Таким образом, финансирование партий будет увеличено не на 130 млн шекелей, а на 63 млн шекелей.

В итоге резко возросли партийные бюджеты выборов. Так, предвыборный бюджет Ликуда (включая «Кулану») был увеличен почти на 30 млн шекелей до 60,5 млн шекелей. Предвыборный бюджет «Кахоль-лаван» стал больше на 15 млн шекелей до почти 62,5 млн шекелей. Предвыборный бюджет «Аводы-Гешер» составил почти 13,4 млн шекелей, бюджет НДИ вырос почти до 17 млн шекелей, ШАС – почти до 19 млн шекелей, «Новых правых» – 6 млн шекелей, «Еврейского дома» – почти 11,5 млн шекелей, «Еврейства Торы» почти 15 млн шекелей, Объединенного арабского списка – почти до 26 млн шекелей.

Изменения в партийных списках

Практически во всех партиях изначально было заявлено, что за столь короткий период между выборами и в практически не работавшем Кнессете избранные ранее депутаты просто не могли себя полноценно проявить, и поэтому нет смысла пересматривать ранее заявленные партийные списки. Однако внутренние противоречия и самое главное – опросы общественного мнения привели к тому, что практически все малые партии как на левом, так и на правом фланге заговорили об объединении и консолидации дополнительных сил, что в итоге привело к перетряске большинства заявленных ранее списков.

Настоящая драма вдруг развернулась вокруг списка кандидатов от Ликуда, когда апелляционный суд партии отказался утвердить решение ЦК об отмене праймериз в предвыборный список партии в Кнессет 23-го созыва. Было заявлено, что для утверждения решения ЦК необходимо изменение устава партии, причем большинством в две трети членов партийного центра, а пока список Ликуда из предыдущего Кнессета является «недействительным». Решение было временным и должно было

быть повторно рассмотрено на расширенном слушании коллегии из пяти судей через неделю.

С другой стороны, возможно, что вопрос расширенного праймериз для всех был инициирован самим Биньямином Нетаньяху, который надеялся не только выиграть у своего соперника Гидеона Саара лидерство в партии, но и вообще вытолкнуть его и его соратников из списка кандидатов. Гидеон Саар начал свою избирательную кампанию под лозунгом «Выбор Нетаньяху в существующих условиях – это выбор лидера оппозиции. Выбирая меня, вы выбираете правое и сильное правительство Ликуда». При этом он обратился в апелляционный суд Ликуда с требованием обязать аппарат партии установить видеокамеры на всех избирательных участках в день праймериз на пост главы Ликуда.

Лидер партии НДИ Авидгор Либерман в очередной раз, видимо, хотел избавиться от имиджа лидера секторальной («русской») партии, пытаясь ввести в ее состав кандидатов депутатов не русскоязычных представителей из стран бывшего СССР. Так, ранее шли разговоры о его активных консультациях с бывшим главой фракции «Кулану» Рои Фолькманом, который не исключал ситуацию вхождения в список партии НДИ. Согласно другой информации, Либерман якобы был заинтересован о включении в свой список бывшего министра юстиции Айелет Шакед, которая явно не находила себя в своем списке «Новые правые» под руководством Нафтали Беннета. При этом сообщалось, что Либерман якобы предлагал Шакед не только второе место в списке, но и решение о том, что в случае, если формирование правительства вновь будет зависеть исключительно от НДИ, то партия присоединится к правой коалиции. Согласно заявлению приближенных Шакед, она отклонила данное предложение.

Нафтали Беннет заявил, что партия «Новые правые» будет самостоятельно баллотироваться на выборах в Кнессет 23-го созыва. В этой связи на съезде партии «Национальное единство» было принято решение объ-

единиться с «Еврейским домом» и провести праймериз для определения председателя блока и его списка к выборам.

Председатель партии «Оцма иегудит» Итамар Бен-Гвир выразил желание присоединиться к «Национальному блоку». На предыдущих выборах «Оцма иегудит» не прошла электоральный барьер, но набрала более 80 тысяч голосов, что равно двум мандатам. В этой связи Бен-Гвир потребовал для себя «достойное» место и полномочия в объединенном списке. Согласно опросам, «Еврейский дом» и «Оцма иегудит» отбирали у правого лагеря в сумме 4-5 мандатов, если пойдут на выборы самостоятельными списками.

Лидер партии «Зеут» Моше Фейглин опубликовал сообщение о том, что возглавляемая им партия не примет участия в выборах в Кнессет 23-го созыва, заявив, что пока «израильское общество зреет для перемен», к которым, видимо, ведет его партия.

Блок левых партий «Демократический лагерь» также находился на грани развала. Партия МЕРЕЦ угрожала выйти из блока, если не получит первые четыре места в списке «Демократического лагеря». Если учесть, что, по опросам, максимум, на который мог рассчитывать этот блок, – это 5 мандатов (а вероятнее всего, 4), то МЕРЕЦ вытесняет из списка товарищей по блоку – Став Шафир, организовавшую свое «Зеленое движение» и Яира Гола-на из партии Эхуда Барака. Лидеры партии МЕРЕЦ Тамар Зандберг и Ницан Горовиц договорились не проводить выборы в список и в руководство партии.

Руководство партии Авода утвердило кандидатуру Амира Переца на посту главы партии на выборах в Кнессет 23-го созыва. Также было принято решение, согласно которому блок «Авода-Гешер» продолжит баллотироваться в его нынешнем виде, а предвыборный список останется неизменным. Конференция Аводы утвердила это решение на специальном заседании 25 декабря. В первый раз с 1988 года партия Авода второй раз под-

ряд пошла на выборы под руководством одного и того же лидера.

В партии «Кахоль-лаван» наступило временное затишье в связи с принятым решением начать активную кампанию лишь в январе и строить ее, исходя из итогов праймериз в Ликуде. Хотя затишье также было мотивировано желанием сэкономить средства, а главное – отсутствием сегодня интереса со стороны избирателей, уставших от предвыборных кампаний.

Итоги праймериз в партии Ликуд

Основные события разворачивались вокруг подготовки к праймериз в партии Ликуд. Как отмечали многие комментаторы, ожидалась безусловная победа Биньямина Нетаньяху в битве за пост председателя партии, но практически все также отмечали, что могут быть и сюрпризы, что естественно тревожило штаб премьер-министра. В принципе своим успехом штаб Гидеона Саара считал 30-процентную поддержку и выше. Это означало, что он смог бороться против действующего премьер-министра, что уже неплохо. Высокая цифра поддержки Саара была бы ударом для Нетаньяху, который сохранит свой пост, но почувствует дыхание оппозиции за спиной. В лагере Саара говорили, что любой результат станет их успехом, поскольку он обозначил себя как преемника Нетаньяху.

В течение дня 26 декабря 116 048 членов партии на 103 участках должны были определить, кто поведет Ликуд на следующие выборы – нынешний глава правительства Биньямин Нетаньяху или бывший министр внутренних дел Гидеон Саар.

Нетаньяху, желая успокоить членов списка партии и привлечь их на свою сторону, добился через повторный партийный суд отмены праймериз для списка, как того требовал устав партии. Хотя многие в партии и высказывали, в основном анонимно, поддержку Гидеону Саару, официально его поддержало лишь несколько членов

списка. Так, глава ЦК Ликуда Хаим Кац официально объявил о поддержке Гидеона Саара на праймериз на пост лидера партии. Одновременно о том же объявили депутат Эти Атия, которая ранее была секретарем Хаима Каца, и бывший депутат Нурит Корен.

За день до внутривыборных выборов Гидеон Саар обвинил действующего лидера партии Биньямина Нетаньяху в использовании грязных методов в ходе предвыборной кампании. По его словам, в последние дни «вторая сторона распространяет ложь, оскорбления и даже расистские высказывания».

В итоге, согласно окончательным результатам голосования, Биньямин Нетаньяху одержал убедительную победу. Премьер-министра поддержали 72,5% принявших участие в праймериз членов партии, его сопернику Гидеону Саару отдали свои голоса лишь 27,5% избирателей, хотя в принципе проигравший был близок к своей цели – 30%. Всего за Нетаньяху проголосовали 41 792 человека, за Саара – 15 885 человек. Явка на этих праймериз составила около 49%, в 2014 году в праймериз приняли участие 47% избирателей Ликуда. До последней минуты Биньямин Нетаньяху через социальные сети призывал своих сторонников, несмотря на дождливую и холодную погоду, выйти и проголосовать за него.

Подготовка партийных списков для подачи в ЦИК

15 января истек срок подачи в ЦИК партийных списков в Кнессет 23-го созыва. Главный вопрос, который оставался открытым до последнего мгновения: как будут выглядеть списки на правом фланге, после того как на левом фланге произошло практически полное объединение. Дело в том, что практически все опросы общественного мнения показывали крах малых партий как на левом, так и на правом фланге, что естественно подталкивало даже непримиримых соперников к переговорам.

В итоге после длительных переговоров лидеры партий «Авода-Гешер» и МЕРЕЦ провели пресс-конференцию, в ходе которой Амир Перец объявил создание единого списка «главным событием, влияющим на ход предвыборной кампании». Был создан единый блок левых партий, который пока еще не получил официального названия, в него вошли представители списков Авода, «Гешер», МЕРЕЦ, «Демократического лагеря». Блок пойдет на выборы с бюллетенем партии Авода, как наиболее узнаваемым.

Арабские депутаты считают, что это слияние – движение к центру, а левый фланг остается пустым. С точки зрения Объединенного арабского списка (ОАС), это даже хорошо. В настоящий момент он сосредоточил агитацию на левых евреях, которые выступают за сотрудничество с арабской общественностью. К тому же вторые досрочные выборы показали, что арабские избиратели становятся все более активными и ОАС получил третий результат на выборах в сентябре. Задача состояла в том, чтобы увеличить успех, в том числе, за счет еврейских избирателей и получить 14 или даже 15 мандатов.

В «Кахоль-лаван» возникли проблемы. Выяснилось, что депутат эфиопского происхождения Гади Еваркан, занимающий 33-е место в списке «Кахоль-лаван», вступил в переговоры с партией Биньямина Нетаньяху. За любое более высокое место он был готов перебежать в Ликуд. Ликуд же был готов раскрыть объятия в ожидании притока «эфиопских» голосов, и Гади Еваркану обещали забронировать хорошее место. Центр Ликуда даже собрался после полудня на срочное заседание, чтобы утвердить ему бронь на 20-е место. При этом оказалось, что Еваркан повел переговоры на два фронта. Он поставил ультиматум Бени Ганцу: если хотите, чтобы я остался – дайте лучшее место. Такое двурушничество не пришлось по вкусу лидеру «Кахоль-лаван». Он опубликовал твит, в котором написал, что после согласования с Моше Яалонном принял решение исключить из списка Гади Еваркана.

В «Кахоль-лаван» также были озабочены опросами, которые показывали, что в партии очень мало женщин и всего один русскоязычный депутат. Для решения этих проблем партия якобы вела переговоры с Тали Плосков – русскоязычным депутатом от партии «Кулану», которая после объединения с Ликудом, заняла непроходное там 35-е место. Привлечение в список такого «социального» депутата значительно бы расширило возможности партии на «русской улице», но данная кандидатура была отвергнута после проработки вопроса, как считали в партии, с будущим партнером, лидером партии НДИ Авигдором Либерманом. В итоге после подачи списков в ЦИК стало известно, что Андрей Кожин, до настоящего времени являющийся руководителем «русской» пресс-службы «Кахоль-лаван», зарегистрирован кандидатом в депутаты Кнессета: он 33-й в списке этого блока.

На правом фланге изначально было объявлено, что практически все партии идут самостоятельными списками, но опросы постепенно подтолкнули их всех к переговорам по созданию единого правого списка. В итоге сначала был достигнут прогресс у партии «Новые правые» во главе с Нафтали Беннетом и «Ихуд леуми» во главе с Бецалелем Смотричем, которые решили баллотироваться в Кнессет единым списком. Такое решение было принято после того, как переговоры между Смотричем и «Еврейским домом» завершились провалом.

При этом объединенный список Беннета и Смотрича был готов соединиться с «Еврейским домом», но был категорически против лидера списка «Оцма иегудит» Бени Бен-Гвира. Перед Рафи Перецем стоял выбор: либо решиться на разрыв союза с «Оцма иегудит» и присоединиться к блоку Беннет-Шакед-Смотрич, что потребует срочного созыва ЦК «Еврейского дома» и обновленного одобрения, либо сохранить союз с «Оцма иегудит» и, вероятно, не преодолеть электоральный барьер.

Премьер-министр Биньямин Нетаньяху попытался сделать все, чтобы объединить в единый блок все четыре

списка. Он дважды приглашал Рафи Переца и Нафтали Беннета в свою канцелярию для попытки прийти к соглашению об объединении правого лагеря. Нетаньяху даже угрожал лидеру «Новых правых» Нафтали Беннету отобрать у него портфель министра обороны, если он не согласится объединиться с «Еврейским домом» и «Оцма иегудит». Аналогичное предупреждение поступило в адрес министра транспорта Бецалеля Смотрича.

Как и на предыдущих выборах, лидер Ликуда пытался заставить все правые партии объединиться, чтобы не потерять голоса и нейтрализовать возможную критику справа. В итоге «Новые правые» предложили лидеру «Еврейского дома» раввину Рафи Перецу второе место в общем списке правых партий, если он откажется от союза с крайне правой партией «Оцма иегудит», но это не привело к прогрессу на переговорах. Однако за двадцать минут до истечения последнего срока, отведенного для подачи предвыборных списков, стало известно, что партии «Новые правые», «Еврейский дом» и «Ихуд леуми» примут участие в выборах единым списком, без Итамара Бен-Гвира (партия «Оцма иегудит»). Итамар Бен-Гвир подал документы в Центризбирком для самостоятельного участия в выборах. На протяжении двух часов шли переговоры в канцелярии главы правительства при участии Биньямина Нетаньяху, Нафтали Беннета, Рафи Переца, к которым потом присоединились министр туризма Ярив Левин, министр транспорта Бецалель Смотрич и раввин Хаим Друкман. Для того, чтобы иметь возможность завершить переговоры, партия «Новые правые» дважды обращалась в ЦИК за отсрочкой. Наибольшее давление оказывал на партии премьер-министр Биньямин Нетаньяху, который предупредил, что сделает все возможное, чтобы отобрать мандаты у партий, которые по опросам не будут проходить электоральный барьер.

В остальных партиях, проходящих электоральный барьер, подача списков прошла значительно спокойней. Так, списки партий ШАС и «Еврейство Торы» были изна-

чально утверждены на собраниях Советов мудрецов, список партии НДИ формировался единолично лидером партии и был озвучен на заседании фракции. Во всех этих партиях не произошло изменений в составе кандидатов, находящихся на реальных местах.

Партийные списки кандидатов в Кнессет 23-го созыва

16 января 2020 г. завершилась регистрация партий и блоков, которые будут участвовать в выборах в Кнессет 23-го созыва, намеченных на 2 марта. В общей сложности свои списки представили 30 партий и блоков.

Это значительно меньше, чем 21 февраля 2019 года, когда для участия в выборах в Кнессет 21-го созыва зарегистрировались рекордные 47 списков, из которых до дня голосования дошли только 40, и на 2 списка меньше, чем 2 августа 2019 года, когда для участия в выборах в Кнессет 22-го созыва зарегистрировались 32 списка, 3 из которых снялись еще до дня голосования.

В итоге реально на прохождение в Кнессет 23-го созыва претендуют лишь 18 партий, при этом 14 из них объединены в 4 блока, в итоге в кабинках для голосования будет лежать только 8 бюллетеней, представляющих их.

Полный список партий и кандидатов в депутаты был опубликован на сайте Центральной избирательной комиссии. В Кнессете 23-го созыва, скорее всего, будут представлены только первые восемь партий из списка.

ЦИК вновь проиграл в БАГАЦе

Практически постоянно после подачи партийных списков кандидатов на выборы в Кнессет в ЦИК поступают одни и те же запросы на запрет участия в выборах от противников одних и тех же партий, обычно находящихся на противоположных полюсах израильской политики.

На выборах в Кнессет 23-го созыва ситуация практически повторилась с небольшими изменениями. Так, после регистрации списков, поданных 15 января, уже 29 ян-

варя ЦИК рассмотрела апелляции, поданные против участия различных депутатов и предвыборных списков.

Так, партия НДИ, а также депутат Кнессета Офир Кац потребовали запретить участвовать в выборах депутату от Объединенного арабского списка Хибе Язбек, которая в прошлом высказывала поддержку действиям террористов. Депутат Кнессета Ицик Шмули (Авода) требовал отстранить от выборов партию «Мишпат цедек» во главе с Ларисой Амир, а «Оцма иегудит» требовала запретить баллотироваться Объединенному арабскому списку.

Стоит иметь в виду, что ЦИК в Израиле – это не постоянно действующий орган, он формируется в течение 60 дней с момента начала работы очередного созыва Кнессета. В состав ЦИК входят 37 членов, назначаемых фракциями Кнессета пропорционально количеству полученных мандатов. Председатель комиссии назначается БАГАЦем из числа входящих в него судей. Срок полномочий очередного состава ЦИК истекает в момент утверждения нового состава Кнессета. В полномочия ЦИК входят все вопросы, связанные с организацией парламентских выборов, включая порядок голосования, количество и расположение избирательных участков, допуск партий и отдельных кандидатов к участию в выборах, подсчет голосов, публикацию результатов выборов и выдачу мандатов избранным депутатам Кнессета.

В этой связи ЦИК – более чем политизированный орган, решения которого в основном принимаются исходя из политических пристрастий депутатов Кнессета последнего созыва. Поэтому и в этот раз, рассмотрев все поданные запросы, Центральная избирательная комиссия удовлетворила их частично, путем голосования части своих членов.

Так, ЦИК наложила запрет на участие депутата Кнессета Хибы Язбек (Объединенный арабский список) в выборах в Кнессет 23-го созыва. 27 членов комиссии голосовали «за», 7 – «против». Это решение было принято вопреки мнению юридического советника правительства

Авихая Мандельблита, считавшего, что нет достаточных оснований для ее отстранения от выборов.

ЦИК также запретила партии «Мишпат цедек» баллотироваться в Кнессет. 13 представителей левоцентристских партий проголосовали тогда за запрет, остальные участники комиссии в основном отсутствовали в зале заседания. Инициатива отстранить партию Ларисы Амир (жены Игаля Амира, осужденного на пожизненное заключение за убийство премьер-министра Израиля Ицхака Рабина) от выборов принадлежала партии Авода.

Это решение ЦИК также противоречило позиции юридического советника правительства Авихая Мандельблита, который пришел к выводу, что нет оснований для отстранения партии от выборов. По его словам, даже если некоторые из высказываний активистов партии являются возмутительными, особенно после убийства премьер-министра Ицхака Рабина, это не является достаточным основанием для их отстранения от выборов.

Как правило, практически все решения ЦИК, утвердившей то или иное требование об отстранении от участия в выборах, автоматически передаются на рассмотрение Высшего суда справедливости (БАГАЦ). При этом в большинстве случаев не менее политизированный БАГАЦ чаще всего имеет свое, отличное от ЦИК мнение и, как правило, отклоняет все ее решения об отстранении, что в принципе произошло и в этот раз.

Так, 9 февраля судьи БАГАЦа большинством голосом приняли решение разрешить Хибе Язбек из Объединенного арабского списка участвовать в выборах. Это решение поддержали пятеро судей, против были четверо. В тот же день БАГАЦ огласил свое решение относительно участия партии «Мишпат цедек» во главе с Ларисой Амир в выборах в Кнессет 23-го созыва. Единогласно судьи проголосовали за то, чтобы допустить партию до участия в выборах. После решения БАГАЦа ЦИК тем не менее удовлетворила иск депутата Кнессета Ицика Шмули (Авода-«Гешер»-МЕРЕЦ) и запретила партии «Мишпат

цедек» использовать в своем названии выражение «За свободу Игаля Амира». В ходе заседания Ицик Шмули заявил: «Несмотря на то, что Центризбирком разрешил этой партии баллотироваться, нельзя допустить, чтобы имя убийцы фигурировало на миллионах бюллетеней и загрязняло бы демократический процесс». После длительного обсуждения иск Шмули был удовлетворен.

Естественно, что все «недовольные» данными решениями партии тут же воспользовались предоставленной им трибуной, чтобы «осудить» решения БАГАЦа и вновь озвучить свою политическую платформу. Однако эти высказывания практически никак не влияют на мнение электората, так же как и на позицию партий, располагающихся на диаметрально противоположных полюсах политических предпочтений.

Договоры об «остаточных голосах»

Накануне выборов обычно партии, претендующие на прохождение в Кнессет, подписывают соглашение («эскем одафим» – договор об остаточных голосах), согласно которому после подсчета мандатов оставшиеся голоса, не хватающие до целого мандата, перераспределяются между партиями-участницами соглашения. Этот шаг призван предотвратить потерю голосов, которых не хватает для получения целиком мандата, чтобы они не оказались выброшенными на ветер.

Обычно подобные соглашения об остаточных голосах подписывают идеологически совместимые партии, которые в дальнейшем собираются работать в одной коалиции, но бывали и исключения, в основном связанные с партией НДИ. Так, в 1999 году, когда Авигдор Либерман впервые принял участие в выборах во главе партии «Наш дом – Израиль» (НДИ), он заключил договор с партией «Ам эхад» во главе с Амиром Перецом. Это не было свидетельством того, что Либерман является идеологическим сторонником профсоюзного лидера. Это не означало, что Амир Перец сменил левую идеологию на правую.

Это означало только одно: они договорились о распределении остаточных голосов. На апрельских выборах 2019 года партия НДИ заключила соглашение об остаточных голосах с партией «Новые правые», которые в день выборов рассылали СМС русскоязычным израильтянам, что НДИ не проходит электоральный барьер, а потому Либерман призывает всех голосовать за «Новых правых» во главе с Нафтали Беннетом. Не прошли электоральный барьер именно «Новые правые».

На предыдущих выборах партия «Кахоль-лаван» заключила договор с НДИ. Бени Ганц надеялся, что это соглашение даст ему еще один мандат за счет голосов из правого лагеря, а в НДИ назвали данное решение техническим шагом. Хотя уже тогда предполагалось, что такое соглашение намекает и на гипотетическое сотрудничество двух идеологически разных партий после выборов. В итоге история соглашений об остаточных голосах показывает, что стороны, заключающие подобные договоры, вовсе не обязательно могут быть друзьями, единомышленниками или политическими союзниками. Однако на выборах 2 марта все подписанные соглашения об остаточных голосах были сделаны только между политическими союзниками.

Партия «Кахоль-лаван» подписала соглашение о распределении остаточных голосов с левым блоком Авода-«Гешер»-МЕРЕЦ. Лидер левого блока Амир Перец заявил, что оппозиция «не имеет права упустить шанс на смену правительства и его политики». «Решение было принято из понимания, что размер блока, а не размер партии определит, кто будет формировать будущее правительство».

Еще ранее, в конце января Ликуд подписал «эксем одафим» с правым блоком «Ямина». Также подписано соглашение между двумя религиозными партиями из правого блока, ШАС и «Еврейство Торы». На мартовских выборах НДИ остается без партнера по дележу голосов. Еще в списке «сирот» остались Объединенный арабский список и крайне правая партия «Оцма иегудит».

Коронавирус и подготовка выборов

Эпидемия коронавируса и его распространение по миру затронула естественно и Израиль. В стране была введена фактически блокада для всех визитов израильтян в Китай и сопредельные с ним страны, а также карантин для всех лиц, возвращающихся из этих регионов.

Также сотни израильтян были помещены в карантин в связи с тем, что они могли контактировать с туристами из Южной Кореи 8-15 февраля, среди которых были инфицированные коронавирусом COVID-19. Израиль фактически выслал из страны в Южную Корею на двух чартерных рейсах 417 южнокорейцев после того, как израильские власти запретили въезд для граждан этой страны из-за опасений распространения коронавируса COVID-19.

В системе здравоохранения и чрезвычайных службах была объявлена готовность «номер два» в рамках инструкции «Нахшоль бари» («Вал здоровья»), в которой описаны действия правительства, Управления по чрезвычайным ситуациям и армии на случай пандемии. Данный шаг был согласован с Советом национальной безопасности. Инструкция «Нахшоль бари» была составлена в 2007 году и уже применялась в Израиле в период пандемии птичьего гриппа (вируса H1N1) в 2009 году.

В ходе подготовки к выборам неоднократно возникали слухи об их отмене или переносе в связи с эпидемией коронавируса. Поэтому премьер-министр Биньямин Нетаньяху, а также министр безопасности Гилад Эрдан предупредили о возможности публикации ложной информации об эпидемии коронавируса с целью повлиять на предстоящие выборы.

Гилад Эрдан заявил, что есть опасения, что коронавирус может быть использован как против самих выборов, так и против элементов информационной без-

опасности, посредством публикации ложных сообщений – фальшивых новостей – по этому вопросу, чтобы повлиять на процент голосов в определенных районах страны, отметив при этом, что, без сомнения, такие действия являются преступлением.

Министерство здравоохранения и ЦИК провели совещание, на котором обсуждался план действий на случай выявления коронавируса в Израиле до 2 марта. Отмечалось, что выявление случаев заражения коронавирусом в Израиле до выборов может сказаться на их результатах. В частности, если первые больные будут выявлены в Тель-Авиве, то это может негативно отразиться на блоке «Кахоль-лаван», если в Бней-Браке, то на результатах ультраортодоксальных партий. Кроме того, существовала опасность, что активисты различных партий могут попытаться воспользоваться ситуацией для распространения ложных слухов, чтобы повлиять на результаты голосования.

В этой связи Министерство здравоохранения сообщило о внесении изменений в указ о домашнем карантине для лиц, вернувшихся из стран с эпидемией коронавируса или контактировавших с больными коронавирусом. Так, находящимся на домашнем карантине будет дозволено выйти из дома, чтобы проголосовать на всеобщих выборах в Кнессет 23-го созыва, которые должны состояться 2 марта. Голосование для находящихся на карантине будет проводиться на специально оборудованных избирательных участках. Генеральный директор ЦИК Орли Адамс на заседании финансовой комиссии Кнессета сообщила, что ЦИК планирует создать 12-15 специальных избирательных участков, предназначенных для лиц, находящихся на карантине в связи с эпидемией коронавируса.

По ее словам, такие избирательные участки будут созданы в крупных городах. Участки будут разделены на две палатки – для участковой избирательной комиссии и для голосования. Набором членов участковых

комиссий для ЦИК занимается организация скорой медицинской помощи МАДА, которая пытается мобилизовать для этой цели медицинских работников и фармацевтов.

Однако, как показали опубликованные 26 февраля результаты опроса, проведенного институтом «Мидгам», 83% респондентов заявили, что вспышка коронавируса не повлияет на их решение принять участие в голосовании.

Статистика дня голосования

2 марта 2020 г. состоялись выборы в Кнессет 23-го созыва. Право голоса на них имели 6 453 255 человек, что почти на 59 тысяч больше, чем шестью месяцами ранее на выборах в Кнессет 22-го созыва. В выборах приняли участие 4 615 135 человек или 71,5% от имеющих право голоса. Это самый высокий показатель явки начиная с 2015 года. В итоге «стоимость» одного мандата составила 37 943 человека, что значительно выше, чем на предыдущих выборах, когда мандат «стоил» 35 917 голосов.

Голосование проходило на 10 631 избирательном участке. Почти 4000 избирательных участков были предназначены для людей с особыми потребностями. 189 избирательных участков были оборудованы в больницах и домах престарелых, 55 – в тюрьмах и изоляторах временного содержания. Явка избирателей среди заключенных в израильских тюрьмах также была очень высокой и составила 80%.

В связи с эпидемией коронавируса более 5 тысяч человек находились в условиях домашнего карантина, и для них специально были оборудованы 18 изолированных избирательных участков в больших городах страны. На этих участках проголосовали 4073 человека (70,3%) из 5630 находящихся на карантине.

Голосование началось в 7:00 и продлилось до 22:00. В населенных пунктах, где проживает менее 350 человек, а также в тюрьмах и больницах голосование нача-

лось в 8:00 и завершилось в 20:00. Пункты голосования для находящихся в условиях карантина из-за коронавируса были открыты с 10:00 до 17:00, однако из-за наплыва избирателей работа в них была продлена до 19:00.

18 тысяч полицейских и бойцов Пограничной полиции (МАГАВ) обеспечивали порядок в ходе голосования. Им помогали тысячи добровольцев и гражданских охранников. Как сообщила пресс-служба ЦАХАЛа, начиная с полуночи 1 марта и до полуночи 2 марта 2020 г. был введен режим изоляции палестинских территорий в Иудее и Самарии. Закрыты также были въезды и выезды с территории сектора Газа.

5000 наблюдателей, представляющих Центризбирком, а не какую-либо партию, курсировали между избирательными участками и наблюдали за ходом голосования. В распоряжении наблюдателей были видеокамеры, и они могли воспользоваться ими в случае любого подозрения в нарушении хода выборов. Наблюдатели также фиксировали процесс подсчета голосов на заранее выбранных избирательных участках.

В день выборов израильтяне смогли воспользоваться бесплатным проездом в общественном транспорте. В отличие от предыдущих выборов Министерство транспорта приняло решение, что поезда будут курсировать по обычному расписанию.

После закрытия избирательных участков начался подсчет голосов, результаты которого поступали в Центризбирком и публиковались на его сайте. Ожидалось, что до вечера 3 марта будут опубликованы результаты голосования на обычных избирательных участках, однако из-за дополнительных проверок они были опубликованы лишь 4 марта, в том числе из-за подсчета бюллетеней в так называемых двойных конвертах. Речь идет о голосовании военных, дипломатов, больных людей и заключенных в тюрьмах. Всего ЦИК предстоит подсчитать 340 тысяч таких голосов.

Итоги избирательной кампании в Кнессет 23-го созыва

По итогам подсчета обычных бюллетеней из них действительными были признаны 4 590 062, а 25 071 бюллетень или 0,54% признаны испорченными. 36 970 бюллетеней или почти один мандат были суммарно поданы за 21 список, не прошедший в Кнессет, но это в четыре раза меньше, чем на предыдущих выборах, и в десять раз меньше, чем на выборах в Кнессет 21-го созыва. Все это говорит о том, что избиратель уже не хотел экспериментировать и поддерживать неизвестно кого, он шел на выборы, чтобы принести победу реальным кандидатам, так как явно хотел, в конце концов, иметь правительство.

Итоговый список партий, прошедших в Кнессет, и распределение между ними голосов и мандатов представлены в таблице 3.

Таблица 3

Итоги выборов в Кнессет 23-го созыва

Список партий и блоков	Количество голосов	%	Кол-во мест	+/-
Ликуд	1 352 449	29,46	36	+ 5
«Кахоль-лаван»	1 220 381	26,59	33	0
Объединенный арабский список	581 507	12,67	15	+ 2
ШАС	352 853	7,69	9	0
«Еврейство Торы»	274 437	5,98	7	- 1
Авода- «Гешер»-МЕРЕЦ	267 480	5,83	7	- 4
«Наш дом – Израиль»	263 365	5,74	7	- 1
«Ямина»	240 689	5,24	6	- 1

Победителем этих выборов однозначно стал Ликуд, получивший 1 352 449 голосов (29,48%), что почти на 200 тысяч больше, чем на предыдущих выборах. Ликуд однозначно выиграл на всей периферии как на севере, так и на юге страны, проиграв «Кахоль-лаван» лишь в районе Большого Тель-Авива и в центральных городах страны. Партия «Кахоль-лаван» также улучшила свой результат по сравнению с предыдущими выборами почти на 50 тысяч голосов, но в итоге набрала лишь 1 229 381 голос (26,59%).

Кроме Ликуда победителем этих выборов, очевидно, можно считать Объединенный арабский список (ОАС), который улучшил свои показатели почти на 100 тысяч голосов благодаря активному голосованию в арабских общинах. В итоге список получил 581 507 голосов (12,67%).

Далее идет партия ШАС, получившая 352 853 голоса (7,69%), потом «Еврейство Торы» – 274 437 голосов (5,98%), затем объединенный список Авода-«Гешер»-МЕРЕЦ, значительно ухудшивший свой результат после объединения и получивший почти вдвое меньше голосов, чем ранее, всего 267 480 голосов (5,83%). Потеряла 50 тысяч голосов, а с ними и один мандат партия НДИ, набравшая 263 365 голосов (5,74%), и на последнем месте оказался объединенный список «Ямина» тоже с очень слабым результатом – 240 689 голосов (5,24%).

Начало переговорного процесса по формированию коалиции на фоне эпидемии коронавируса

16 марта 2020 г. впервые в истории Израиля во время приведения к присяге депутатов Кнессета 23-го созыва зал заседаний был пуст. Присяга впервые была проведена без зрителей на трибунах, семей членов Кнессета, дипломатического персонала и широкой общественности. Инаугурация 23-го Кнессета проходила в режиме полной изоляции, был применен поэтапный принцип, в частности, депутаты заходили в зал, где проводятся пленарные заседания, по трое и после утвержденного законом приня-

тия присяги выходили, уступив место следующим трем депутатам.

Тем не менее в первый же день работы 23-го Кнессета партия НДИ представила новый законопроект об отстранении действующего премьер-министра Биньямина Нетаньяху от должности. Согласно документу, в Кнессете следовало провести тайное голосование в течение переходного периода о прекращении срока полномочий Нетаньяху, которому предъявлены уголовные обвинения.

«Кахоль-лаван» и НДИ надеясь совместно продвинуть этот законопроект и создать необходимые комиссии Кнессета, а с этой целью они планировали сместить спикера Кнессета Юлия Эдельштейна. На что действующий спикер распространил заявление, в котором призвал заморозить «все политические шаги», в том числе избрание спикера.

В этой связи депутаты от «Кахоль-лаван» обратились к юридическому советнику Кнессета с просьбой о заключении по поводу возможности избрания нового спикера и создания комиссии Кнессета по регламенту. Эти шаги были направлены прежде всего на то, чтобы начать процесс утверждения законопроекта, запрещающего политику, которому предъявлены обвинения, баллотироваться на пост премьер-министра.

Еще до приведения Кнессета к присяге в канцелярии президента Государства Израиль Реувена Ривлина состоялась церемония вручения мандата на формирование правительства главе «Кахоль-лаван» Бени Ганцу, который получил поддержку 61 депутата от «Кахоль-лаван», Объединенного арабского списка, Аводы-«Гешер»-МЕРЕЦ (кроме Орли Леви-Абукасис) и НДИ.

Однако единственная коалиция, которую мог попытаться сформировать Бени Ганц, – это коалиция меньшинства, опирающаяся на всех депутатов Объединенного арабского списка, включая БАЛАД. При этом депутаты Йоаз Хендель и Цви Хаузер («Кахоль-лаван»), а также Орли Леви-Абукасис (Авода-«Гешер»-МЕРЕЦ) уже заявили, что не поддержат такую коалицию.

Пытаясь начать переговоры о создании широкой коалиции, Бени Ганц побеседовал со всеми лидерами праворелигиозного блока – Нафтали Беннетом, Арье Дери, Яковом Лицманом и Моше Гафни. Ганц пригласил всех их начать с ним немедленные переговоры о создании правительства. Однако все они отказались встретиться с Бени Ганцем и призвали его незамедлительно присоединиться к правительству национального единства во главе с Биньямином Нетаньяху.

В то же время в канцелярии главы правительства прошла встреча между Биньямином Нетаньяху, членами правительства и представителями Министерства здравоохранения. В ходе совещания обсуждалось внедрение более жестких мер для борьбы с распространением коронавируса. С 15 марта 2020 г. в Израиле были ужесточены карантинные меры: закрыты все учебные заведения и торговые центры (кроме продуктовых магазинов, аптек или заведений, которые продают еду на вынос), банкетные залы, дискотеки, бары, пабы и учреждения общепита, в том числе в отелях (рестораны и кафе могли работать только в режиме доставки), спортзалы, бассейны и бани, аквапарки и зоопарки, кинотеатры, театры и другие культурные учреждения, игровые залы и парки аттракционов, бизнесы, связанные с немедицинскими процедурами ухода за телом, места для проведения ярмарок и шоу, водный общественный транспорт, канатные дороги, объекты национального наследия. Сотни тысяч граждан 15 марта 2020 г. не вышли на работу.

Наемные работники, отправленные в неоплачиваемый отпуск, могли получить пособие по безработице. Вечером 16 марта государственная служба трудоустройства сообщила, что только за один день количество людей, подавших просьбу о выплате пособия по безработице, увеличилось на 14 тысяч, и общее число составило 54 тысячи человек.

Нетаньяху сообщил, что 15 марта правительство приняло решение об использовании технологических

средств для отслеживания маршрута и контактов людей, больных коронавирусом. ШАБАК будет определять маршруты, которыми передвигались все эти люди последние 14 дней, и передавать данные в Министерство здравоохранения. В свою очередь, соответствующий отдел Минздрава будет связываться с людьми, с которыми вступали в контакт носители и потенциальные носители вируса. Эти люди будут получать SMS с распоряжением подвергнуть себя карантину. Согласно решению правительства, ШАБАК получает разрешение на данные действия только в рамках борьбы с распространением коронавируса и только на ближайшие 30 дней. По истечении этого срока все собранные данные будут уничтожены. ШАБАК не будет принимать участие в розыске граждан, подлежащих карантину, а также в контроле над соблюдением гражданами распоряжений Минздрава.

Министр юстиции Амир Охана продлил действие указа о режиме чрезвычайного положения во всех структурах юридической системы до 22 марта. Режим чрезвычайного положения в судебной системе был введен в ночь на 15 марта на 24 часа. В Министерстве юстиции заявили, что решение принято на основе рекомендаций профессиональных структур в Министерстве здравоохранения и в координации с Управлением судебной системой и юридическим советником правительства.

Объявление чрезвычайного положения в юридической системе означает, что рассмотрение уголовных дел в судах практически полностью замораживается. Будут рассматриваться просьбы о продлении срока содержания подозреваемых под стражей, освобождении под залог, дела об административном аресте, срочные апелляции в БАГАЦ, дела, касающиеся нарушения закона о чрезвычайном положении, а также срочные гражданские иски. В этой связи суд над премьер-министром Биньямином Нетаньяху по трем делам о коррупции был перенесен на 24 мая. Соответствующее решение 15 марта принял районный суд. Тем самым премьер-министр выиграл еще

пару месяцев, чтобы решить свои проблемы и попытаться сформировать свое правительство, либо создать правительство национального единства под своим руководством.

Распад блока «Кахоль-лаван» и чрезвычайное правительство

В непредсказуемой израильской политике произошел очередной кульбит. Еще вчера лидеры левого блока праздновали победу по поводу создания базовых комиссий под своим руководством и пытались отобрать у правящей партии Ликуд последний оплот в лице поста спикера Кнессета, и вдруг все изменилось в один миг.

Как известно, спикер Кнессета Юлий Эдельштейн, понимая неизбежность проигрыша на голосовании, предпочел подать в отставку и таким образом нарушил решение БАГАЦа, обязавшего его провести голосование по вопросу о выборах председателя Кнессета. В итоге в ночь на 26 марта Высший суд справедливости принял решение: назначить старейшего депутата Кнессета Амира Переца временным спикером Кнессета с тем, чтобы собрать пленарное заседание, на котором будет выбран постоянный спикер. При этом Амир Перец вынужден был занимать эту временную должность параллельно с Юлием Эдельштейном, отставка которого еще не вступила в силу.

Выборы «собственного» спикера Кнессета, на должность которого планировалось назначить Меира Коэна из партии «Еш атид», позволили бы левоцентристскому блоку назначить собственную повестку дня, и естественно, что одним из первых его обсуждений был бы вопрос о запрете формировать правительство депутату, находящемуся под судом. Разумеется, такой закон резко ограничил бы возможности Биньямина Нетаньяху остаться на политическом Олимпе.

И хотя Ликуд объявил, что избрание Меира Коэна будет означать конец переговоров о создании чрезвычайного правительства, и при этом впервые пошел на серьезные «уступки» требованиям «Кахоль-лаван», предложив блоку контроль над парламентом и пост министра юсти-

ции, а также сократив срок полномочий переходного правительства до полугода.

В итоге 25 марта состоялся телефонный разговор между Биньямином Нетаньяху и Бени Ганцем, в ходе которого обсуждалась возможность создания чрезвычайного правительства на 6 месяцев. После этого звонка стороны отдали распоряжение переговорным группам возобновить контакты.

Эти предложения достигли результата – левоцентристский блок оказался на грани развала. Ганц захотел продолжать переговоры о создании чрезвычайного правительства и был готов отказаться от главного предвыборного обещания блока – не входить в правительство обвиняемого в коррупции премьер-министра.

После длительных переговоров, о подробностях которых не знало большинство лидеров «Кахоль-лаван», Бени Ганц решил присоединиться своей партией «Хосен ле-Исраэль» к чрезвычайному правительству Нетаньяху.

Фракции Бени Ганца была обещана половина министерских портфелей, хотя он привел в коалицию лишь 15 депутатов, так как «Еш атид» Яир Лапида и ТЕЛЕМ Моше Яалона тут же подали заявления о выходе из «Кахоль-лаван».

В первые полгода премьер-министром будет Нетаньяху, и, если дальше Ганц и Нетаньяху договорятся о ротации, Биньямину Нетаньяху будет учтен этот срок. Министр правительства будет от одной стороны, а председатель соответствующей комиссии Кнессета – от другой. О кандидатуре министра юстиции стороны договорятся совместно, «Кахоль-лаван» будет иметь право вето по правовым вопросам.

Однако у данного проекта было две проблемы. Во-первых, правые предупредили, что если на пост спикера Кнессета будет избран Меир Козн, переговоры прекратятся. Во-вторых, Яир Лапид и Моше Яалон были не готовы сидеть в правительстве с Нетаньяху, и это грозило развалом «Кахоль-лаван».

В итоге Бени Ганц пошел на раскол «Кахоль-лаван» и выдвинул свою кандидатуру на пост спикера Кнессета. Как сообщила радиостанция «Кан Бет», решение баллотироваться на пост спикера Кнессета созрело у Бени Ганца после того, как наметился прогресс на переговорах с Ликудом. Согласно предварительной информации, в рамках переговоров было достигнуто соглашение о том, что Биньямин Нетаньяху будет первым в ротации на посту премьер-министра и сохранит его на полтора года, после чего его сменит Бени Ганц тоже на полтора года. Министерства обороны и иностранных дел отойдут к партии Ганца, Министерство финансов останется за Ликудом.

Сразу после того, как стало известно о решении Бени Ганца, Яир Лапид и депутаты от «Еш атид» покинули блок «Кахоль-лаван». «Я желаю вам успеха», – написал Лапид. Партии «Еш атид» и ТЕЛЕМ подали просьбу об отделении от партии «Хосэн ле-Израэль». Лапид и Яалон потребовали оставить за ними название «Кахоль-лаван» и объявить партию Ганца «Хосэн ле-Израэль».

В итоге Бени Ганц был избран спикером Кнессета 23-го созыва ценой распада блока «Кахоль-лаван». За избрание Ганца голосовали 15 членов фракции «Хосен ле-Израэль», праворелигиозный блок под руководством Нетаньяху и Орли Леви-Абукасис – итого 74 депутата будущей коалиции. «Еш атид», «Авода-МЕРЕЦ» и НДИ бойкотировали голосование, ОАС проголосовал против.

В своей речи после избрания Ганц заявил, что не отступится от принципов, и мимоходом напомнил, что мандат на формирование правительства остается в его руках. Он сказал, что согласился стать спикером Кнессета только ради того, чтобы «исчерпать все возможности создания правительства национального единства, и только ради этого». «Я создал блок «Кахоль-лаван», я горжусь этим, я собирался и все еще буду рад сделать все, чтобы мы могли продолжить свой путь вместе».

В принципе у такой коалиции есть возможность просуществовать долго, хотя все зависит от положения

дел Биньямина Нетаньяху в суде. Пока что он получил отсрочку на два месяца, и скорее всего она будет продлена из-за чрезвычайного положения в стране, вызванного эпидемией коронавируса, но на страну надвигается серьезный экономический кризис, который сильно повлияет на жизнь многих и естественно скажется на имидже Нетаньяху и на его поддержке как в народе, так и в партии.

Цена нового правительства

Буквально в последнюю минуту, предшествующую началу кризиса, вызванного желанием оппозиции начать проведение закона по отстранению действующего премьер-министра от власти и последующих за этим новых четвертых досрочных выборов, Биньямин Нетаньяху и Бени Ганц подписали соглашение о формировании коалиционного правительства.

В итоге завершился политический кризис, продолжавшийся 484 дня. Бени Ганц стал «заместителем премьер-министра», через полтора года, в ноябре 2021 года, эту должность займет Биньямин Нетаньяху. Премьер-министр не имеет права уволить своего заместителя, опираясь на прецедентное решение Высшего суда справедливости (БАГАЦ), принятое в 1993 году по делам Арье Дери и Рафаэля Пинхаси. До ноября 2021 года Бени Ганц будет занимать пост министра обороны, а Габи Ашкенази – пост министра иностранных дел.

29 марта 2020 г. организационная комиссия Кнессета утвердила раскол блока «Кахоль-лаван» и перераспределение депутатов между его фракциями. Данное решение открывает путь к подписанию коалиционных соглашений между всеми заинтересованными лицами. Имея совместно с правым лагерем большинство в комиссии, Бени Ганц смог сохранить за собой название блока «Кахоль-лаван», а также оформить переход из фракции «Еш атид» к себе депутата Пнину Тамно-Шата, представляющую эфиопскую общину. Естественно, что за свою

«преданность» правому делу она также попросила соответствующую должность в новом правительстве.

В самостоятельную фракцию под названием «Дерех Эрец» откололись соратники Моше Яалона Цви Хаузер и Йоаз Гендель. Предполагается, что они оба войдут в коалицию Нетаньяху и получат высокие посты. Ведь благодаря им были заморожены первые инициативы левого блока по смещению Нетаньяху.

Три депутата, оставшиеся во фракции ТЕЛЕМ Моше Яалона, присоединились к «Еш атид», образовав единую фракцию из 16 депутатов. После этого объединения фракция Лапида-Яалона становится крупнейшей из оппозиционных фракций Кнессета и лидером оппозиции станет не представитель Объединенного арабского списка Айман Уда, а Яир Лapid.

В правительстве будет 32 министра и 7-8 заместителей министров. За три года, которые оно просуществует, содержание канцелярий министров и их замов обойдется казне в 650-700 млн шекелей.

Причина создания такого огромного правительства в обещании Нетаньяху и Ганца создать паритетный кабинет, то есть с одинаковым числом портфельей для блока Нетаньяху и партии «Хосен ле-Израэль» во главе с Бени Ганцем. Поскольку у Ганца есть 14 депутатов, то все они станут министрами, и кроме того, он требует назначить еще двоих министров-технократов, не являющихся депутатами.

Для создания такого большого правительства новой коалиции придется провести закон, отменяющий прежний закон об ограничении числа министров. В 2013 году «Еш атид» провела закон о сокращении кабинета министров до 18 портфельей, а число замов до 4. Правительство Нетаньяху-Ганца будет, как минимум, в два раза больше. Будет принят также закон, который обеспечит ротацию премьер-министров через 18 месяцев.

При этом стороны договорились, что если одна сторона получает министерский пост, то другая получает профильный комитет. При этом Нетаньяху и Ганц также

пришли к компромиссному соглашению, согласно которому Юлий Эдельштейн не вернется в кресло спикера Кнессета. Сообщалось, что на переговорах Бени Ганц настаивал в ультимативном порядке на исключении возвращения Эдельштейна на пост спикера. После того, как Эдельштейн отказался выполнять решение БАГАЦа, его имя, как «разрушителя демократии», было предано анафеме всеми оппозиционными силами. К тому же, выступая многократно перед оппозицией, Юлий Эдельштейн не раз был резок в своих речах, утверждая, что не подаст руки «предателям». Все это, возможно, и сыграло свою роль в требованиях Ганца не допускать возвращения Эдельштейна на пост спикера, на что, в принципе, очень быстро согласился и Нетаньяху. В итоге Нетаньяху и Ганц договорились, что следующим спикером будет приемлемый для обеих сторон представитель Ликуда.

БАГАЦ отступил, в Израиле будет правительство

Естественно, что тут же в Высший суд справедливости (БАГАЦ) были поданы апелляции с требованием запретить премьер-министру Биньямину Нетаньяху формировать коалицию, а также отменить коалиционное соглашение между Ликудом и «Кахоль-лаван».

Суммарно в БАГАЦ было подано семь апелляций, объединенных в единое дело, которое рассматривалось расширенной судейской коллегией в составе 11 судей. Апелляции были поданы блоком «Еш атид»-ТЕЛЕМ, а также «Движением за чистоту власти», 123 общественными активистами, движениями «Хозе хадаш», «Мишмар а-демократия», «Движением за чистоту общественных норм», организацией «За прогрессивную демократию» и адвокатом Шафиком Рафулем.

Судейскую коллегию, рассматривающую апелляции, возглавляла глава БАГАЦа Эстер Хайют, в нее входили судьи Ханан Мельцер, Нил Хендель, Узи Фогельман, Ицхак Амит, Ноам Солберг, Дафна Барак-Эрез, Мени Ма-

зуз, Анат Барон, Джордж Кара и Давид Минц. Судьи были избраны по принципу стажа пребывания в БАГАЦе. Рассмотрение дела коллегией из 11 судей является крайне редким случаем. Судебное заседание впервые транслировалось в прямом эфире и в общей сложности продолжалось более 17 часов.

Для того, чтобы коалиция Ликуда и «Кахоль-лаван» была создана, необходимо передать формальные полномочия именно Биньямину Нетаньяху, так как он будет первым занимать пост премьер-министра в ротационном правительстве. Поэтому БАГАЦ должен был ответить на главный вопрос: может ли депутат Кнессета, находящийся под судом, формировать правительство? Ранее аналогичные апелляции отклонялись БАГАЦем, так как, по мнению судей, их подача была несвоевременной.

Напомним, что в соответствии с действующим законом премьер-министр может оставаться на своем посту даже в том случае, если ему предъявлены обвинения в уголовных правонарушениях. Более того, он может оставаться в должности до принятия окончательного решения апелляционной инстанцией. Однако закон не касается ситуации, при которой речь идет о главе переходного правительства, который получил мандат на формирование постоянной коалиции. Это момент и просила прояснить оппозиция, надеясь добиться от БАГАЦа судебного запрета.

Однако после трехдневного заседания БАГАЦ отклонил все апелляции. Судейская коллегия единогласно постановила, что нет юридических оснований препятствовать созданию правительства Биньямином Нетаньяху. В принципе данное решение было ожидаемым, так как изначально стоял вопрос, на каком основании одна из ветвей власти может отметить итоги демократических выборов, тем более утвержденных ЦИК.

Все выдвинутые судьями замечания в основном были по фактам несоответствия соглашения отдельным пунктам Основного закона и «ударил» по Бени Ганцу, ведь

большинство их замечаний так или иначе ослабляли его позиции и гарантии получения по ротации поста премьер-министра. В итоге судьи подвергли критике изменения, внесенные в «норвежский закон», а также выразили недоумение по поводу параграфов соглашения, в которых оговаривается, что в течение ближайшего года не будут совершаться назначения высокопоставленных чиновников, в том числе генерального инспектора полиции, а также о том, что в период правительства чрезвычайного положения будет заморожена вся законодотворческая деятельность парламента.

Судьи напомнили, что в соответствии с законом нельзя привести к присяге правительство без сформулированной повестки дня, как это фигурирует в коалиционном соглашении. Судьи также потребовали более четко сформулировать термин «правительство чрезвычайного положения» не только в том, что касается срока его существования, но и сути этого термина. Также острую дискуссию вызвали положения о полномочиях и возможности влияния оппозиции. Согласно уставу Кнессета, только комиссия по государственному контролю должна быть под руководством оппозиционной фракции. Вместе с тем традиция израильского парламента предусматривает передачу оппозиции, по меньшей мере, еще одной комиссии, и, как правило, она получает представительство в комиссии по назначению судей.

В итоге после длительного согласования между собой представители Ликуда и «Кахоль-лаван» внесли ряд соответствующих изменений в коалиционный договор и подали в БАГАЦ исправленный вариант, а также заключение от юридического советника правительства Авихая Мандельблита. В его заключении говорится, что БАГАЦ не может признать недействительным соглашение или какой-либо из его пунктов. При этом Мандельблит отметил, что суд может лишь в исключительных случаях вмешиваться в процесс подписания коалиционного соглашения.

БАГАЦ постановил, что несмотря на многочисленные юридические проблемы, содержащиеся в тексте коалиционного соглашения между Ликудом и «Кахоль-лаван», в настоящий момент нет оснований для вмешательства и отмены какого-либо из его параграфов. Вместе с тем из вердикта суда следует, что судьи не отрицают возможности вмешательства в те или иные параграфы в дальнейшем, в частности, в те пункты, которые касаются работы комиссии по выбору судей.

В то же время в Кнессете представителями Ликуда и «Кахоль-лаван» продолжалось продвижение законов, обговоренных в коалиционном соглашении и гарантирующих обеим договаривающимся сторонам выполнение взятых на себя обязательств. 7 мая 2020 г. истекал трехнедельный срок, данный президентом Кнессету на выбор нового кандидата в премьер-министры. Если бы «закон о ротации» не прошел, Кнессет был бы распущен и страна пошла бы на четвертые выборы.

Поэтому представители от оппозиции во главе с «Еш атид», пытаясь как можно дольше затянуть обсуждение закона, обрушили на комиссию Кнессета тысячи возражений против законопроекта, открывающего дорогу к формированию правительства Нетаньяху-Ганца. Специальная комиссия получила 9400 возражений, из которых 4868 поданы депутатом Мики Леви из «Еш атид».

В итоге депутаты Ликуда и «Кахоль-лаван» совместно с поддерживающими их партиями провели все необходимые законы, а также увеличили срок коалиционного соглашения с трех до четырех лет таким образом, чтобы у Нетаньяху и Ганца при ротации были каденции по два, а не по полтора года. Таким образом, срок следующих парламентских выборов сместился бы на ноябрь 2024 года.

Поздним вечером 6 мая оппозиция попыталась помешать этому плану, неожиданно сняв сотни своих возражений против поправок к Основному закону о правительстве и потребовала срочно перейти к голосованию по поправкам к Основному закону. Однако вслед за этим

коалиция начала затягивать процедуру и попросила объявить перерыв. Чтобы внести изменения о четырехлетнем правительстве Нетаньяху-Ганца, коалиции пришлось вернуть законопроект в комиссию.

В итоге в Израиле наконец-то появилось новое правительство с очень специфическими возможностями и правами, при этом с невероятно раздутым числом министров. Насколько будет это продуктивно для страны на фоне развивающегося экономического кризиса, вызванного коронавирусом, покажет ближайшее время.

Проблемы с распределением министерских постов

В основе коалиционного соглашения, заключенного между праворелигиозным блоком во главе с премьер-министром Биньямином Нетаньяху и лидером «Кахоль-лаван» Бени Ганцем, лежал не только принцип поэтапного управления страной каждым из них, но и непропорциональное распределение министерских постов.

Предлагалось разделить пополам все министерские должности и комиссии Кнессета между блоками. Однако если в блоке Биньямина Нетаньяху, представленном 5 партиями (Ликуд, ШАС, «Еврейство Торы», «Ямина» и «Гешер»), в общей сложности было 60 депутатов, то в блоке Бени Ганца состоявшем из 3 партий («Кахоль-лаван», Авода и «Дерех Эрец»), оказалось всего 20 депутатов. Чтобы хоть как-то удовлетворить запросы членов своего блока, Биньямин Нетаньяху пошел на расширение министерских должностей путем деления их полномочий и создания новых структур без полномочий, но с канцеляриями и помощниками. В итоге было создано 36 министерств, а также 8 должностей заместителей министров.

Однако если распределение 18 министерств и 3 комиссий среди 20 депутатов блока Бени Ганца не составило особых проблем, то деление этого же числа портфельей в правом блоке вызвало, естественно, склоки и недовольство.

Хотя в «Кахоль-лаван» тоже разразился скандал вокруг назначения на пост министра по делам социального равноправия, однако в итоге вечером 14 мая Бени Ганц завершил распределение 12 министерских портфелей в своем списке.

От партии Авода Амир Перец стал министром экономики и промышленности и Ицик Шмули министром труда, социального обеспечения и социальных служб. От фракции «Дерех Эрец» Йоав Хендель стал министром связи, а Цви Хаузер – главой комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне.

В праворелигиозном блоке все было значительно труднее. В первую очередь Биньямин Нетаньяху подписал коалиционные соглашения со своими партнерами из ультраортодоксального сектора – партиями ШАС и «Еврейство Торы». Блок «Еврейство Торы» получит Министерство строительства, которое возглавит Яков Лицман, а также руководство финансовой комиссией Кнессета для «постоянного» его председателя депутата Моше Гафни.

Было достигнуто соглашение между Ликудом и партией «Гешер», в соответствии с которым Орли Леви-Абукасис стала министром по развитию и продвижению общин. Это вновь созданное министерство с неясным списком полномочий.

В ходе коалиционных переговоров с партией «Ямина» возникли трудности, в результате которых лидер партии Нафтали Беннет заявил, что уходит в оппозицию. Чтобы не допустить подобного сценария, Биньямин Нетаньяху начал прямые переговоры с одним из лидеров блока «Ямина» Рафи Перецем с предложением расколоть блок и войти в правительство. Вначале нынешнему министру просвещения Рафи Перecu был предложен портфель министра по делам Иерусалима и национальных проектов, но выяснилось, что этот пост уже предложен депутату от Ликуда. Затем ему предложили портфель министра по делам поселенчества без каких-либо реальных полно-

мочий или пост министра в министерстве просвещения с полномочиями, касающимися религиозных учебных заведений. Перец отклонил эти предложения, и в его окружении заявили, что если он не получит пост министра по делам Иерусалима, то он не войдет в правительство и, возможно, покинет политическую жизнь.

Параллельно Биньямин Нетаньяху начал встречи с депутатами от Ликуда с предложениями по назначениям на министерские посты. Нетаньяху сообщил депутату Офиру Акунису о назначении на пост министра регионального сотрудничества. Ранее сообщалось, что бывший спикер Кнессета Юлий Эдельштейн займет пост министра здравоохранения, а Ювалю Штайницу предложен портфель министра просвещения. На пост министра внутренней безопасности назначен Амир Охана, а на пост министра транспорта – Мири Регев. Исраэль Кац займет пост министра финансов. Нир Баркат и Ципи Хотовели также встречались с Нетаньяху и получили обещание стать министрами. Как показала практика назначений в Ликуде, Биньямин Нетаньяху вообще не учитывает рейтинг своих депутатов, полученный ими в результате последних праймериз в партии. Все назначения идут лишь по принципу личного доверия и личностного отношения кандидата с премьер-министром.

В ходе всех этих согласований в Ликуде и после подписания коалиционных соглашений с ШАС и «Еврейством Торы» 13 мая Биньямин Нетаньяху официально уведомил президента Израиля Реувена Ривлина и спикера Кнессета, что ему удалось сформировать правительство. В письме, адресованном спикеру Бени Ганцу, он также попросил собрать пленарное заседание Кнессета.

По согласованию сторон вечером 12 мая Бени Ганц подал заявление об отставке с поста председателя парламента, где его должен заменить Ярив Левин, также подавший в отставку с поста министра туризма. Отставка Ганца должна была вступить в силу вечером 14 мая, поэтому заседание Кнессета, на котором планировалось

привести к присяге правительство, должно было начаться в 22:00, а не в 13:00 как обычно.

Однако 14 мая стало известно, что приведение к присяге 35-го правительства Израиля отложено на воскресенье 17 мая. Днем было прервано пленарное заседание Кнессета, в ходе которого премьер-министр Биньямин Нетаньяху должен был представить новый кабинет министров. Перерыв был объявлен на неопределенный срок, так как возникли сложности с распределением министерских постов.

Проблемы возникли внутри Ликуда. Министр по делам социального равноправия Гила Гамлиэль отклонила предложение премьер-министра занять пост министра по делам высшего образования. Одновременно депутат Ави Дихтер и министр Цахи Анегби, которых Нетаньяху вообще не пригласил на встречу и, соответственно не собирается назначать министрами, заявили, что не примут участия в заседании приведения правительства к присяге. Помимо этого не было известно, кто займет пост министра просвещения и некоторые другие министерские должности. На фоне хаоса, возникшего в Кнессете, источники в Ликуде обратились к «Кахоль-лаван» с предложением перенести заседание по приведению правительства к присяге на 17 мая.

Однако Бени Ганц решил не рисковать и тут же отозвал свое письмо об отставке с поста председателя парламента. В политических кругах отмечали, что Бени Ганц опасается невыполнения Нетаньяху своих обещаний, и поэтому если правительство приведено к присяге не будет, то он останется на посту спикера Кнессета.

Приоритеты работы нового правительства

В изначальном варианте коалиционного соглашения между Ликудом и «Кахоль-лаван» было сказано, что приоритеты работы будут выработаны в дальнейшем, после завершения срока работы чрезвычайного правительства. Однако данное решение было подвергнуто критике

со стороны БАГАЦа, который и принял решение в обязательном порядке до приведения правительства к присяге опубликовать приоритеты его работы.

В итоге за два дня до голосования 35-е правительство Израиля под руководством Биньямина Нетаньяху и Бени Ганца опубликовало принципы своей работы, которые поместились на одной странице. В опубликованном документе отмечается, что в первую очередь будет сформирован кабинет для решения чрезвычайных вопросов, связанных с эпидемией коронавируса. Правительство сосредоточит внимание на мерах по борьбе с эпидемией. Это будет касаться закупки нового медицинского оборудования, координации между различными органами и поддержки системы общественного здравоохранения.

Правительство также приступит к реализации плана по выводу Израиля из экономического кризиса. Будет сформирован и принят бюджет страны, включающий меры по борьбе с эпидемией и финансовую поддержку предпринимателей и предприятий. Будет развернута система социально-экономической безопасности для всех граждан и разработаны целевые программы для удовлетворения потребностей конкретных групп населения, особенно испытывающих трудности в финансовом и социальном плане. В правительстве также намерены усилить поддержку израильских поселений и применить суверенитет по отношению к территориям Иудеи, Самарии и Иорданской долины.

Коалиционные соглашения и 35-е правительство Израиля

Коалиционные соглашения предусматривают утверждение госбюджета на 2020-2021 год в течение 90 дней после присяги правительства. Государственный бюджет будет скорректирован в 2021 году – и одновременно утвержден бюджет на 2022 год. Это позволит предотвратить отставку правительства во главе с Бени Ганцем

в случае непринятия Кнессетом законопроекта о госбюджете в начале 2022 года.

Партия ШАС получит пост министра в МВД, который займет, как и в прошлой каденции, Арье Дери, а также Министерство по делам религий и Министерство развития Негева и Галилеи. Коалиционное соглашение между Ликудом и ШАС позволяет партии назначить на пост министра человека, не входящего в Кнессет. Предположительно, новым министром по делам религий станет раввин из Ашкелона Яаков Авитан. В соглашение также внесен параграф, согласно которому по требованию ШАС в закон о призыве будут внесены поправки, и только после этого новая редакция закона будет передана на утверждение Кнессета.

Согласно коалиционному соглашению между «Еврейством Торы» и Ликудом, партия Нетаньяху обязалась не допускать посягательств на святость субботы, закрепить увеличенное финансирование иешив в Законе о бюджете и, если потребуются, «обуздать» БАГАЦ. Ликуд и его партнеры по правому блоку также обязаны блокировать любые попытки изменения «статус-кво» и не допустить никаких послаблений в сфере религии и государства из предвыборной программы блока «Кахоль-лаван». Есть и обязательство принять Закон о призыве, подготовленный ЦАХАЛом, в приемлемом для ультраортодоксов виде – без законодательного закрепления квот на призыв учащихся иешив. «Еврейство Торы» заручилось обязательством Ликуда сохранить закон в таком виде, даже если его забракует БАГАЦ за нарушение принципа равенства гражданских прав и обязанностей.

Кроме того, все дополнительные субсидии ультраортодоксальным учебным заведениям и их ученикам, до сих пор выплачивавшиеся из «коалиционных денег», будут закреплены отдельными статьями Закона о бюджете. «Еврейство Торы» сохранит контроль над финансовой комиссией Кнессета (ее председателем останется бесценный Моше Гафни), получает председательство

в парламентской комиссии по законодательству, Министерство строительства вместе с Управлением земельных ресурсов (Яков Лицман) и два поста заместителей министров в Министерстве просвещения и Министерстве транспорта.

В новом правительстве для удовлетворения карьерных амбиций лидера партии «Гешер» Орли Леви-Абукасис создано новое совершенно искусственное министерство, которому передали несколько проектов, которыми ранее занимались полицейские и Министерство внутренней безопасности. Перебежчица из левого блока в лагерь Ликуда будет заниматься борьбой с алкоголизмом и наркоманией, педофилией в сети и городской преступностью, а также проблемами арабской общины. Орли Леви-Абукасис войдет также в социально-экономический кабинет и будет принимать участие в разработке нового бюджета. В обмен на получение нового министерского портфеля она обязалась поддержать поправки к основному закону и коалиционное соглашение между Ликудом и «Кахоль-лаван».

Буквально за два последних дня Биньямину Нетаньяху после неудачных переговоров с Нафтали Биннетом все же удалось расколоть партию «Ямина» и перетащить на свою сторону Рафи Переца, который подписал соглашение от имени «Еврейского дома» о присоединении к правящей коалиции. В совместном заявлении, озаглавленном «Религиозный сионизм присоединяется к правительству единства», Перец и Нетаньяху сообщили, что Перец продолжит работу в качестве наблюдателя в кабинете политической безопасности, а также будет членом законодательной комиссии. На место министра по делам Иерусалима, которое было обещано Перцу, претендовали еще несколько человек из Ликуда, и необходимо было решить с ними вопрос. В соглашении также содержится пункт о сохранении статус-кво, правительство сохранит святость субботы и религиозных праздников. Фракция «Еврейского дома» в Кнессете будет технически сотрудничать с фракцией Ликуда.

35-е правительство Израиля

Днем 17 марта состоялось пленарное заседание Кнессета, в ходе которого было утверждено 35-е правительство Израиля: 73 депутата Кнессета проголосовали «за», 46 депутатов проголосовали «против». В итоге правительственный кризис, который начался с досрочного роспуска Кнессета 20-го созыва 24 декабря 2018 года и продолжался почти 17 месяцев, закончился.

Представляя Кнессету министров 35-го правительства, Нетаньяху назвал 37 имен вместо 36 – партнеры из «Кахоль-лаван» согласились на временное нарушение паритета в пользу Ликуда на первые три месяца существования нового правительства.

От правого блока к присяге были приведены 19 министров, от блока Ганца – 18. Численный паритет будет восстановлен, когда министр Ципи Хотовели уедет в Лондон на освободившийся пост посла, а ее портфель министра по делам поселенчества перейдет к Цахи Анег-би. В результате этих хитрых комбинаций Нетаньяху смог обеспечить министерскими портфелями всех «тяжеловесов» Ликуда, чье недовольство могло представлять для него политическую угрозу.

Новое правительство, которое сформировали Биньямин Нетаньяху и Бени Ганц, стало самым раздутым в истории Израиля, в нем будет заседать 36 министров и 16 заместителей министров.

В новое правительство под руководством Биньямина Нетаньяху и Бени Ганца вошли 8 партий: Ликуд, «Кахоль-лаван», ШАС, «Еврейство Торы», Авода, «Гешер», «Еврейский дом», объединяющие в своих рядах 73 депутата.

Распределение министерских постов и основных комиссий Кнессета в 35-м правительстве Израиля

Ликуд

1. Биньямин Нетаньяху – премьер-министр,

2. Исраэль Кац – министр финансов,
3. Йоав Галант – министр просвещения,
4. Юлий Эдельштейн – министр здравоохранения,
5. Амир Охана – министр внутренней безопасности,
6. Мири Регев – министр транспорта (во вторую половину каденции станет министром иностранных дел),
7. Гила Гамлиэль – министр экологии,
8. Юваль Штайниц – министр энергетики,
9. Зеэв Элькин – министр по делам высшего образования и министр по делам водных ресурсов (во вторую половину каденции станет министром транспорта),
10. Офир Акунис – министр регионального сотрудничества,
11. Эли Коэн – министр по делам разведки,
12. Ципи Хотовели – министр по вопросам поселенчества,
13. Цахи Анегби – министр без портфеля,
14. Давид Амсалем – министр по связям правительства и Кнессета,
15. Ярив Левин – спикер Кнессета.

«Кахоль-лаван»

1. Бени Ганц – сменный премьер-министр и министр обороны,
2. Габи Ашкенази – министр иностранных дел,
3. Ави Нисенкорен – министр юстиции,
4. Михаэль Битон – министр в министерстве обороны, отвечающий за гражданские проекты,
5. Хили Трупер – министр культуры и спорта,
6. Орит Фаркаш-Коэн – министр стратегического планирования,
7. Мирав Коэн – министр социального равноправия и по делам пенсионеров,
8. Асаф Замир – министр туризма,
9. Изхар Шай – министр науки,
10. Омер Янкелевич – министр по делам диаспоры,
11. Пнина Тамано-Шата – министр по делам алии и интеграции,
12. Алон Шустер – министр сельского хозяйства,
13. Рам Шефа – глава комиссии Кнессета по образованию,
14. Эйтан Гинзбург – глава организационной комиссии Кнессета,

15. Мики Хаймович – глава комиссии Кнессета по внутренним делам и охране окружающей среды.

Авода

1. Амир Перец – министр экономики и промышленности,
2. Ицик Шмули – министр труда, социального обеспечения и социальных служб.

От фракции «Дерех Эрец»

1. Йоав Хендель – министр связи,
2. Цви Хаузер – председатель комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне.

ШАС

1. Арье Дери – министр внутренних дел,
2. Яков Авитан (не депутат Кнессета) – министр по делам религий,
3. нет назначения – министерство развития Негева и Галилеи.

«Еврейство Торы»

1. Яков Лицман – министр строительства,
2. Моше Гафни – председатель финансовой комиссии Кнессета.

«Гешер»

1. Орли Леви-Абукасис – министр по развитию и продвижению общин.

«Еврейский дом»

1. Рафи Перец – министр по делам Иерусалима и министр национальных проектов.

Дата смены премьер-министров – 17 ноября 2021 года.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства
в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева,
Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества
(совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-
экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Во-
стока" (информационно-аналитический справочник, сов-
местно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском
Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан
и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и турецких государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривосточной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 г.).
188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 г.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев:** "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".
230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".
244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
247. **Зеев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль".
Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривполитическое развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".
261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".
262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года".
267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".
268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".
272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".
273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".
274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".
276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".
277. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 49 (Совместно с ИВ РАН).
278. **Е.Э.Успенский:** "Инвестиционный климат в арабских странах в конце XX – начале XXI века".
279. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали".

2016 г.

280. **Г.Г.Косач:** "Российско-саудовские отношения: политический аспект (1990–2015 гг.)".
281. **Н.П.Подгорнова:** "Страны Магриба в поисках оптимального пути развития".
282. **М.Чернин:** "Арабское население Израиля и палестинских территорий: происхождение, клановая и конфессиональная структура" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
283. **Алек Д. Эпштейн:** "Горизонты и миражи палестинской государственности" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
284. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления об «Исламском государстве»" (запрещено в России).
285. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет XX созыва".
286. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 50.
287. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и страны Балтии: между прошлым и будущим".
288. **В.И.Месамед:** "Феномен белорусско-иранских отношений".

2017 г.

289. **М.В.Казанин:** "Китай-Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века".
290. **А.А.Кузнецов:** "Политический процесс в Ливане на рубеже XX-XXI веков".
291. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Кувейта".
292. **А.Д.Манафова:** "Нефтяная политика Ирака 2003–2016 гг.".
293. **С.С.Балмасов:** "Опыт решения миграционных проблем в странах Аравийского полуострова".
294. **П.П.Рябов:** "«Арабская весна» по-иemenски".
295. **М.В.Казанин:** "Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов".
296. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 51.
297. **В.В. Куделев:** "«Арабская весна»: марокканский феномен".

2018 г.

298. **Т.А.Ганиев, С.М.Задонский:** "Военная мощь Турецкой Республики".
299. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о сирийском конфликте".
300. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и европейские республики бывшего СССР: ускользящее партнерство".
301. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Израиль накануне и в год своего 70-летия: актуальные аспекты внешней и внутренней политики".
302. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 52.
303. **А.Р.Аганин:** "Племена Сирийской пустыни и долины Евфрата".
304. **А.А.Кашина:** "«Революция свободы и достоинства» в Тунисе: Большие надежды".

2019 г.

305. **Алек Д. Эпштейн:** "От Владимира Жаботинского до Биньямина Нетаньяху: национально-либеральное движение Израиля – прошлое и настоящее". Том 1 и 2.

306. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали" (сборник информационно-справочных материалов).
307. **А.В.Малашенко:** "Ислам: век XXI".
308. **Т.А.Ганиев, С.М.Задонский, В.В.Карякин:** "Военная мощь Исламской Республики Иран: военная политика и вооруженные силы страны". Том 1 и 2.
309. **О.А.Мазур:** "Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Contemporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations)" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**
244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Podgornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israeli relationship"
T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of
Culture/Gesharim
265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences
266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and Islamist
armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**
268. "«The Third Israel»: Russian-speaking community and political
process in the Jewish state in the beginning of XXI century" by
Vladimir (Ze'ev) Khanin
269. "«Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North
Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by
N.Podgornova
271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglov**
272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and
Georgia)" by **V.Mesamed**
273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by
N.Podgornova
274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**
275. "The formation of National innovation system of Israel
(1985–2012)" by **N.Zhadovec**
276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development
of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising.
(90th XX – beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**
277. "The Contemporary Middle East" № 49 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences

278. "Investment climate in the Arab countries in the end of XX – XXI centuries" by **E.Uspenskiy**

279. "The contemporary Somali" by **S.Aleinikov**

2016

280. "Russian-Saudi relations: a political aspect (1990-2015)" by **G.Kosach**

281. "The Arab Maghreb in a search for optimal way of development" by **N.Podgornova**

282. "The arab population of Israel and Palestinian territories. Origin clan and confessional structure" by **M.Chernin**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

283. "Horizon and mirages of the Palestinian statehood" by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

284. "Thoughts about the Islamic State" by **Ju.Scheglov**

285. "Problem of Israeli political system reform in the light of prerequisite and results of election campaign to the XX Knesset" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

286. "The Contemporary Middle East" № 50 (collection of essays)

287. "The states of Israel and the Baltic states between past and future" by **E.Yakimova**

288. "Phenomenon of Belarus-Iran relationship" by **V.Mesamed**

2017

289. "China – Pakistan: cooperation military-technical and economic fields in the beginning of the XXI century" by **M.Kazanin**

290. "Political process in Lebanon in the turn of the XXI century" by **A.Kuznetsov**

291. "Tribes, clans and families in Kuwait" by **A.Aganin**

292. "Iraqi oil policy in the 2003–2016" by **A.Manafova**

293. "Experience of the Arabian Peninsula States in tackling migration problems" by **S.Balmasov**

294. "The Arab Spring" in Yemani way" by **P.Rjabov**
295. "Conflict in Syria: assessments of Chinese experts" by **M.Kazanin**
296. "The Contemporary Middle East" № 51 (collection of essays)
297. "The Arab Spring: a Moroccan phenomenon" by **V.Kudelev**

2018

298. "The military power of the Republic of Turkey" (volume 1, 2) by **T.Ganiev and S.Zadonskiy**
299. "Thoughts on the Syrian conflict" by **Ju.Scheglovin**
300. "The state of Israel and the European republics of the former Soviet Union: the slipping partnership" by **E.Yakimova**
301. "Israel on the verge and in the year of it's 70th anniversary: current aspects of foreign and domestic policy" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
302. "The Contemporary Middle East" № 52 (collection of essays)
303. "Tribes of the Syrian desert and the Euphrates valley" by **A.Aganin**
304. "Revolution of freedom and dignity in Tunisia: Great hope" by **A.Kashina**

2019 r.

305. "From Vladimir Jabotinsky to Benjamin Netanyahu: national liberal movement in Israel – past and present" (volume 1, 2) by **Alek D. Epstein**
306. "The modern Somalia" by **S.Aleinikov**
307. "Islam: the XXI century" by **A.Malashenko**
308. "The military power of the Islamic Republic of Iran: military policy and armed forces of the country" (volume 1, 2) by **T.Ganiev, S.Zadonskiy, V.Karjakin**
309. "Kurdish question in the political conflict in Syria" by **O.Mazur**

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЫПУСК ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Подписано в печать 21.12.2020 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 21 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 31

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12